

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление



российский научный журнал | russian academic journal

**ТЕМА
НОМЕРА**

Т. 26 № 2
2020

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**



экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор
О. Г. СМЕШКО

Заместитель главного редактора
Г. А. КОСТИН
д-р техн. наук, доцент

Научные редакторы
В. А. ПЛОТНИКОВ
д-р экон. наук, профессор
С. А. БЕЛОЗЕРОВ
д-р экон. наук, профессор

Начальник издательства
О. В. ЯРЦЕВА

Литературный редактор-корректор
Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод
при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»
<http://eco-vector.com>

Верстка
Е. О. ЗВЕРЕВА, М. Ю. ШМЕЛЁВ

Дизайн обложки
Т. Л. МИСНИК

Фото для обложки
МИТРОФАНОВА МАРИЯ, <http://mitrofanova-m.com/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67819 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики»
© Все права защищены
ISSN 1998-1627

Издается с 1995 г. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал «Экономика и управление» обязательна

Адрес редакции и издательства
Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru, izdat@spbume.ru
URL: <http://www.emjume.elpub.ru>

Подписано в печать 28.02.2020.
Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ № 86.
Тираж 1 000 экз. Цена свободная

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:
Администрация Президента РФ и Правительство РФ, Совет Федерации,
Государственная Дума, министерства и ведомства РФ, полномочные
представители Президента РФ в федеральных округах, главы
администраций субъектов РФ, Российская академия наук, научные
институты, российские и зарубежные вузы, предприятия, организации
и учреждения отраслей народного хозяйства, краевые,
областные и районные библиотеки

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН
заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА
начальник Отдела — заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН по научно-организационной
работе, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН
вице-президент Европейской академии наук и искусств,
член правления форума «Петербургский диалог», д-р юрид. наук,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ
научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА
заведующий сектором Социологического института РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. Л. КВИНТ
руководитель Центра стратегических исследований ИМИСС МГУ
им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой финансовой стратегии
МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН
декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова,
д-р ист. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ
научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р ф.-м. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ
руководитель Центра региональных проблем экономики качества
ИПРЭ РАН, член Бюро Отделения общественных наук РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ
директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

О. Д. ПРОЦЕНКО
советник ректора РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. СТРИЛКОВСКИ
профессор Карлова Университета в Праге, д-р экон. наук (Прага, Чехия)

В. А. ЦВЕТКОВ
директор Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор (Москва, Россия)

Р. М. ЮСУПОВ
научный руководитель Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Российский научный журнал (РНЖ) «Экономика и управление» включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал рекомендован экспертными советами по экономике; управлению, вычислительной технике и информатике.

СВЕДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕНЫ В РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ И БАЗЫ ДАННЫХ ВИННИТИ, ИНИОН РАН И ЕЖЕГОДНО ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПЕРИОДИЧЕСКИМ И ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ИЗДАНИЯМ ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY. С 2005 г. СТАТЬИ ЖУРНАЛА ВКЛЮЧАЮТСЯ В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ), ДОСТУПНЫЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО АДРЕСУ: [HTTP://WWW.ELIBRARY.RU](http://www.elibrary.ru) (НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial Office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Associate Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Associate Prof.
G. A. KOSTIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Head of Publishing House

O. V. YARTSEVA

Literary Editors, Corrector

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Mockup

E. O. ZVEREVA, M. Yu. SHMELEV

Cover Design

T. L. MISNIK

Cover Photo

Maria Mitrofanova, <http://mitrofanova-m.com/>

Russian Academic Journal Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information Technologies
and Mass Media ROSCOMNADZOR ПИ № ФС77-67819 28 nov. 2016.
The Russian scientific journal is owned by Saint-Petersburg University
of Management Technologies and Economics.
Publication Frequency: Monthly

Published since 1995. It is published by Publishing house
of Saint Petersburg University of Management Technologies
and Economics.

Any correspondence relating to editorial matters should be sent
by e-mail to Oleg Smeshko
(e-mail: izdat-ime@yandex.ru)

Contact Details:

Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
URL: <http://www.emjume.elpub.ru>

© Saint Petersburg University of Management Technologies
and Economics
ISSN 1998-1627

The regular readers of Economics and Management are the members
of the Administration of the President and the Government
of Russian Federation, the Council of the Federation, the State Duma
of the Russian Federation, Russian President's plenipotentiaries
in Federal Districts, Russian Academy of Sciences,
Heads of Administrations of all levels and areas, State institutions,
Research Centers and libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

*Head of Department of Economic Theory and Politics of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. L. A. ANOSOVA

*Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences of RAS,
Doctor of Economics (Moscow, Russia)*

PROF. W. BERGMANN

*Vice-President of European Academy
of Sciences and Arts Letters, Doctor of Law (Berlin, Germany)*

PROF. R. S. GRINBERG

*Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. I. I. ELISEEVA

*Head of Department of Sociology Institute of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)*

PROF. V. L. KVINT

*Head of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow
State University, Head of the Department of Financial Strategy of MSU,
Foreign member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. A. A. KOKOSHIN

*Dean of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University,
Academician of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. V. L. MAKAROV

*Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics of the
Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. V. V. OKREPILOV

*Deputy Chairman of St. Petersburg Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)*

PROF. B. N. PORFIREV

*Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy
of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. O. D. PROTSENKO

*Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Doctor of Economics (Moscow, Russia)*

W. STRIELKOWSKI

*Assistant Professor of Economics, Ph. D., Charles University in Prague
(Prague, Czech Republic)*

PROF. V. A. TSVETKOV

*Director of Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences
(MEI RAS), Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. R. M. YUSUPOV

*Scientific Director of St. Petersburg Institute of Informatics
and Automation Control of the Russian Academy of Sciences,
Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)*

**ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**The journal is indexed RISC, listed in the list of HAC
The full text of the journal is placed on EBSCO's Business Source databases**

**ALL THE ARTICLES ARE AVAILABLE FOR PUBLIC ON WWW.ELIBRARY.RU (SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY).
ALL THE INFORMATION ON PUBLICATIONS IN ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PRESENTED BY "ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY"**

Содержание

Актуальные проблемы развития экономики 118

- О. Г. Смешко.* Устойчивое развитие: региональный аспект глобальной повестки. . . . 118
- Е. Г. Решетникова.* Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов. 128

Модернизация экономики регионов.137

- А. Д. Евменов, П. А. Булочников.* Особенности функционирования и взаимодействия региональных экономических систем. 137
- Е. О. Бутова.* Научная и инновационная направленность в экономическом развитии регионов 146

Цифровая экономика157

- Е. В. Ушакова, Е. В. Воронина, Е. В. Фугалевич, М. В. Михайлова.* О реализации проектов в рамках внедрения цифровых технологий: федеральный и региональный аспекты 157

Государственно-экономическая политика и менеджмент организации165

- В. К. Потемкин.* Человекоориентированное управление предприятиями и организациями 165

- М. Ю. Леонтьев, Е. А. Синцова.* Стоимостной инжиниринг как фактор обеспечения конкурентоспособности предприятия 177
- Н. В. Решетникова.* Эволюция теорий управления и возможности их применения в агропродовольственном комплексе 184
- М. С. Кузьмин.* Исследование характера взаимного влияния показателей при планировании инновационной деятельности предприятий 192

Научные исследования аспирантов199

- М. А. Гальпер.* Цифровая трансформация банков: опыт Швейцарии 199
- А. М. Мейрманова.* Концептуальная основа принятия технологий электронной коммерции в организациях развивающихся стран. 205
- К. А. Прийма.* Устойчивое финансирование инноваций как инструмент развития хозяйственной системы 211

- Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление» 217*

Contents

Actual Problems Development of Economics . . . 118

- O. G. Smeshko.* Sustainable Development: Regional Aspect of the Global Agenda 118
E. G. Reshetnikova. Tools to Ensure the Affordability of Food in the Context of New Challenges 129

Modernization of the Regional Economics 137

- A. D. Evmenov, P. A. Bulochnikov.* Specific Aspects of Functioning and Interaction of Regional Economic Systems 137
E. O. Butova. Scientific and Innovative Aspects of Regional Economic Development 146

Digital Economics 157

- E. V. Ushakova, E. V. Voronina, E. V. Fugalevich, M. V. Mikhaylova.* Project Implementation in the Context of Digital Technologies: Federal and Regional Aspects 157

State Economic Policy and Business Management 165

- V. K. Potemkin.* People-Oriented Management of Enterprises and Organizations 165

- M. Yu. Leont'ev, E. A. Sintsova.* Cost Engineering as a Factor in Ensuring the Competitiveness of Enterprises 177
N. V. Reshetnikova. Evolution of Management Theories and Their Application in the Agro-Food Industry 184
M. S. Kuz'min. Research the Mutual Influence of Indicators in Innovation Planning at Enterprises 192

Post-graduates' Research Efforts 199

- M. A. Galper.* Digital Transformation of Banks: the Swiss Experience 199
A. M. Meirmanova. A Conceptual Framework for the Acceptance of E-Commerce Technologies among Organizations in Developing Countries 205
K. A. Priyma. Sustainable Innovation Funding as a Tool for Developing the Economic System . . . 211

- Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management" 218

Устойчивое развитие: региональный аспект глобальной повестки

О. Г. Смешко¹

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются современные тенденции распространения концепции устойчивого развития в региональной практике управления.

Цель. Дать оценку отражению проблематики устойчивого развития в региональной практике управления.

Задачи. Рассмотреть концепцию устойчивого развития в контексте современного подхода к управлению развитием территорий. Проанализировать вопрос о раскрытии проблематики устойчивого развития в современных исследованиях региональной экономики. Выявить степень вовлеченности региональной власти в процесс продвижения целей устойчивого развития.

Методология. С помощью общих методов научного познания рассмотрены особенности раскрытия целей устойчивого развития в научной дискуссии по региональной экономике и активность участия регионов в реализации целей устойчивого развития (на примере учета экологического фактора). При проведении исследования использовалась информация, размещенная в открытом доступе на официальных сайтах ООН, Росстата. На формирование авторского мнения повлияли материалы, представленные в аналитических обзорах мероприятий деловых форумов, публикациях экономистов, посвященных проблеме устойчивого развития региональной экономики, а также собственные расчеты автора.

Результаты. Представлено описание процесса становления концепции устойчивого развития и формирования механизма контроля по целям, на которые декомпозирован процесс движения к устойчивому развитию. Проведен анализ научной дискуссии, раскрывающий суть направлений изучения региональной экономики, в рамках которых происходит раскрытие проблематики устойчивого развития. Проанализированы показатели активности региональных органов власти в части достижения целей устойчивого развития.

Выводы. Управление национальным развитием требует активного взаимодействия федерального центра, региональных органов государственной власти, управления и бизнеса при разработке национальной повестки и интеграции в нее целей устойчивого развития. В настоящее время все действующие акторы данного процесса не проявляют значимой активности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, концепция устойчивого развития, цели устойчивого развития, регион, стратегия, политика, программы развития.

Для цитирования: Смешко О. Г. Устойчивое развитие: региональный аспект глобальной повестки // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 2. С. 118–127. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-118-127>

Sustainable Development: Regional Aspect of the Global Agenda

O. G. Smeshko¹

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

The presented study analyzes current trends in the spreading of the sustainable development concept in regional management practices.

Aim. The study aims to evaluate the reflection of sustainable development problems in regional management practices.

Tasks. The author examines the concept of sustainable development in the context of the modern approach to territorial development management; analyzes the way problems of sustainable development are represented in modern studies of regional economy; determines the degree of involvement of regional authorities in the promotion of sustainable development goals.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to examine the specific features of representation of sustainable development goals in scientific discourse on the regional economy and

the extent of regions' involvement in the achievement of sustainable development goals (through the example of the environmental factor). The study uses information publicly available on the official websites of the UN and the Russian Federal State Statistics Service. The author's opinion is based on the materials presented in analytical reviews of events at business forum, economic publications on the sustainable development of the regional economy. and the author's own calculations.

Results. The formation of the sustainable development concept and a mechanism for controlling the achievement of goals into which the process of sustainable development can be decomposed is described. Scientific discourse on the directions of regional economic studies that address the problems of sustainable development is analyzed. The performance indicators of regional authorities in achieving sustainable development goals are analyzed.

Conclusions. National development management requires active interaction between the federal center, regional authorities, administrative bodies, and businesses in the development of the national agenda and integration of sustainable development goals into it. At present, none of the actors in this process show significant signs of activity.

Keywords: *sustainable development, sustainable development concept, sustainable development goals, region, strategy, policy, development programs.*

For citation: Smeshko O.G. Sustainable Development: Regional Aspect of the Global Agenda. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 118-127 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-118-127>

Введение

Устойчивое развитие сегодня является устойчивым трендом мировой политики, который оказывает существенное влияние на стратегии развития государств. Разработанная на глобальном уровне Повестка на 2030 г. мотивирует страны к принятию целей устойчивого развития и формированию национальной стратегии для достижения целей.

Предполагается, что в этот процесс должны быть вовлечены все уровни власти, бизнес и гражданское общество, что вызывает необходимость изменения взаимодействия и разработки новых подходов к государственному управлению, в том числе необходимо обозначить в новой системе отношений роль регионального уровня власти. Специфика регионального аспекта этой проблемы заключается в том, что реализация проектов и действий в области устойчивого развития происходит в границах территорий, управление которыми является прямой задачей региональных властей. Отметим, что и движение стран к устойчивому развитию, и переформатирование процессов государственного управления с учетом глобальной повестки происходит в течение продолжительного периода. Все эти факты обусловили актуальность исследования, направленного на изучение отражения проблематики устойчивого развития в региональной политике.

Концепция устойчивого развития как основа современного подхода к управлению развитием территории

Во второй половине XX в. мировое сообщество вовлечено в дискуссию в целях определения пути развития мировой экономики, способного вывести страны на бескризисную

траекторию роста. Осмысление наблюдаемой ситуации и формирование стратегии перехода к новой модели развития происходило в течение нескольких десятилетий. Значимую роль в этом процессе сыграла Организация Объединенных Наций (ООН), на платформе которой и осуществлена выработка новой парадигмы развития. Этот процесс имеет свою историю. В ней следует выделить несколько ключевых моментов, благодаря которым и произошло формирование современной глобальной повестки, поддержанной большинством стран мира.

В первую очередь нельзя не вспомнить о докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН, представленном для обсуждения мировому сообществу в 1987 г. [1] В этом докладе впервые дана формулировка устойчивого развития как развития без ущерба для будущих поколений, позволяющего удовлетворить и потребности нынешних поколений. Сделан акцент и на устойчивом развитии, которое характеризовалось не как производная от вопросов охраны окружающей среды, а шире, с позиции проблемы, включающей в круг рассмотрения социальные аспекты развития и необходимость осуществления экономически эффективной хозяйственной деятельности, требующей ответственного управления.

Понимание устойчивого развития как «сбалансированного развития экономических, социальных и экологических компонент» [2, с. 26] становится вторым ключевым моментом в истории формирования современных представлений о пути решения глобальных проблем развития. Подобное понимание получило широкую поддержку на Конференции ООН в 1992 г. и раскрывалось в принятом по итогам конференции стратегическом документе «Повестка дня на XXI век» [3], представляющем

программу действий по построению устойчивого мира на основе равноценного учета экологического, социального и экономического факторов.

Через двадцать лет также на Конференции ООН в 2012 г. эти идеи окончательно оформляются в стратегию развития [4], опирающуюся на «зеленую» экономику, построение которой обозначено в качестве главной задачи современности для всех стран. При этом «зеленая» экономика представлена как новый технологический уклад, обеспечивающий переход промышленного производства на ресурсоэффективную модель и развитие инновационных секторов экономики.

Одновременно с процессом выбора стратегического пути развития мировой экономики и формированием его концепции, получившей название концепции устойчивого развития, наблюдался и процесс формирования рамок, которые позволили бы не только отслеживать прогресс в движении к устойчивому развитию, но и выступали бы силой, мотивирующей и организующей страны на этом пути. Тем самым были сформулированы долгосрочные цели мирового развития: сначала как цели развития тысячелетия (ЦРТ), действовавшие с 2000 по 2015 г., о которых сообщается на официальном сайте ООН. Позднее, о чем информирует этот же сайт, в 2015 г., на конференции ООН приняты новые цели устойчивого развития (ЦУР), охватывающие период с 2016 по 2030 г.

Таким образом, поиск новой модели развития подкрепляется техническим инструментарием по отслеживанию прогресса в движении стран на этом пути. Сформирован механизм контроля по целям, на которые декомпозирован процесс движения к устойчивому развитию. Методически система целей выстроена в координатах «цель — задачи — индикаторы». Главной составляющей успеха признается интеграция страной целей устойчивого развития в национальные стратегии и политику. При этом каждая страна вольна формировать свой набор приоритетных целей (из имеющегося множества) и контекст их раскрытия в соответствующих задачах.

В итоге по мере распространения и усиления в мировой среде концепции устойчивого развития происходит не только трансформация структуры и принципов функционирования мировой экономики, но и трансформация подходов к управлению национальным развитием. Необходимость выполнения целей устойчивого развития требует от правительств стран интегрирования долгосрочных целей мирового развития в национальную повестку, что приводит к их внедрению в отраслевые и региональные стратегии развития.

Устойчивое развитие в исследованиях региональной экономики

Вопрос соотношения целей устойчивого развития с проблематикой развития регионов Российской Федерации — тема, демонстрирующая разнообразие взглядов, что формирует основу для научной дискуссии. Можно выделить ряд направлений, в рамках которых проводятся исследования.

Во-первых, это работы, посвященные сравнению зарубежной практики стратегирования территориального развития с отечественной. Так, в исследовании А. В. Одинцовой [5] отмечается, что за рубежом наблюдаются эволюционные изменения «пространственной экономики в аспекте принципа устойчивого развития» [5, с. 112], которые заключаются в изменении подходов к оценке развития территории. В рамках формирующегося нового подхода на первое по значимости место выходят показатели, характеризующие качество жизни населения, качество окружающей среды, качество экономического развития, заменяя широко используемые ранее количественные показатели. Именно вокруг качественных показателей и выстраиваются остальные направления развития территорий, а ведущим вектором развития выступают социальный, экологический и экономический факторы.

Для российской практики характерна формальная ориентация на достижение целей устойчивого развития территории, поскольку при формировании стратегий регионы продолжают исходить из традиционного понимания развития, которое ассоциируется в первую очередь с экономическим ростом [6]. В то же время приоритетность экономического роста вовсе не исключает задачи, связанные с устойчивым развитием [7]. Но возникает ситуация, когда разработка программ развития регионов и их реализация осуществляются в условиях некорректной трактовки принципа устойчивости, понимаемого как стабильный экономический рост. Тем не менее даже это противоречие не может остановить процесс смещения приоритетов в системе целеполагания стратегий территорий России. Наблюдается устойчивый тренд «в сторону обеспечения рациональных моделей потребления и производства, инноваций, ресурсосбережения, вопросов экологии» [5, с. 117]. Этот факт демонстрирует внедрение и закрепление в территориальных стратегиях принципов концепции устойчивого развития.

Во-вторых, это исследования, направленные на оценку достаточности существующих сегодня ключевых документов стратегического планирования для решения проблемы целеполагания и определения основных направлений развития на региональном уровне [8; 9; 10].

Так, делая вывод о недостаточности ключевых документов, исследователи предлагают использовать в качестве «перспективных ориентиров» цели устойчивого развития до 2030 г., разработанные ООН [8, с. 57]. При этом рекомендуется адаптировать их к конкретному субъекту федерации с учетом его специфики и уровня социально-экономического развития. В качестве аргументации подобных предложений отмечается, что именно глобальный характер целей устойчивого развития позволяет обеспечить «комплексный баланс социальных, экономических и экологических направлений деятельности органов государственной власти, целью которой являются интересы граждан и устойчивое развитие территории» [8, с. 59].

В целом идея данного подхода заключается в том, что в условиях существенных различий в развитии регионов России и недостаточности стратегического регулирования со стороны федерального центра глобальные цели развития могут восполнить дефицит национального стратегирования. Будучи разработанными на глобальном уровне, они учитывают различия в социально-экономическом положении стран мира, а следовательно, могут быть адаптированы и для регионов России, отличающихся существенными различиями в социально-экономическом развитии.

В качестве самостоятельного направления также можно выделить региональные исследования, разрабатывающие проблему интеграции целей устойчивого развития применительно к одному из факторов (экологическому или социальному), оказывающих сегодня существенное влияние на процессы, протекающие в территориях, либо к сочетанию обоих факторов [11–17]. Так, например, отмечая важность всех трех сфер (экологической, социальной и экономической), М. Ю. Дьяков, Е. Г. Михайлова [11] в своем исследовании подчеркивают, что именно региональный уровень обеспечивает существование, развитие и сохранение экосистем России. Данная роль регионов в настоящее время не может быть в полной мере реализована с помощью имеющихся инструментов, в основу которых положено программно-целевое планирование. Существующий алгоритм управления развитием предполагает «вкладывание» экологического фактора устойчивости в четыре формата документов стратегического планирования: общефедеральные, отраслевые, макрорегиональные и региональные стратегии и программы развития, что представляется крайне сложной задачей [12]. Поэтому важнейшей научно-прикладной задачей признается «содержательный анализ и оптимизация таких документов с точки зрения соответствия принципам устойчивого развития» [11, с. 34].

Акцентирование внимания на социальном факторе в контексте обеспечения устойчивого развития территорий (на примере северных регионов России и Арктики) — еще один аспект рассмотрения проблемы в рамках третьего направления региональных исследований, посвященных изучению соотношения целей устойчивого развития с проблематикой устойчивого развития регионов России [13; 14]. В то же время ряд исследователей пытаются представить комплексные решения, позволяющие учесть оба фактора устойчивого развития (экологический и социальный) в стратегиях и программах регионов [15; 16]. Общий вывод исследований данного направления — назревшая необходимость ревизии целей и задач развития регионов, а также разработка адекватного современной ситуации инструментария реализации цели устойчивого развития.

Ряд исследователей в своих работах ставят перед собой масштабные задачи, поскольку в постановке вопроса исследования они претендуют на: 1) разработку рекомендаций по комплексному внедрению целей устойчивого развития в субъектах РФ [17]; 2) разработку методологии по внедрению «принципа устойчивого развития регионов и страны в целом, основанного на сбалансированности экономических, социальных, пространственных и экологических параметров развития территории» [18, с. 34]; 3) обоснование теоретических моделей региональной экономики, наиболее соответствующих условиям реализации целей устойчивого развития [19].

Перечисленными направлениями исследований не исчерпывается круг разрабатываемых вопросов. Тем не менее они дают представление о спектре проблем, которые находятся в центре внимания исследователей региональной экономики в контексте достижения целей устойчивого развития. В этом спектре изучаемых проблем достаточно четко формируется направление, связанное с измеримостью принимаемых регионом целей устойчивого развития, чтобы на практике можно было доказать действительное следование таким целям и продемонстрировать не только понесенные затраты, но и результаты, как отражение действия целей на региональные социум, экономику и экологию.

Активность регионов по достижению целей устойчивого развития: зеркало финансовых показателей

Специфика современности состоит в том, что дискуссия о роли регионального уровня в формировании национального механизма достижения целей устойчивого развития носит преимущественно теоретический характер. Региональный аспект раскрытия глобальной

повестки пока не вошел в число актуальных вопросов ведущих деловых форумов. Так, на ежегодном Гайдаровском форуме, состоявшемся 15–16 января 2020 г., ключевыми вопросами дискуссии были вопросы внедрения целей устойчивого развития в национальные проекты, а также стратегии компаний. Данная проблема обсуждалась в контексте соотношения национальных целей развития, определенных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», и стратегий крупнейших российских компаний с целями устойчивого развития, что представлялось как необходимое условие их достижения.

Рассмотрение вопросов достижения целей устойчивого развития через реализацию национальных проектов и бизнес-стратегии крупнейших компаний имеет, конечно, свое обоснование. Но при этом игнорируется роль регионов, в границах которых, собственно, и происходит реализация национальных проектов, осуществляется деятельность компаний. Акцентирование внимания в общественных дискуссиях на роли федерального центра и крупнейших компаний России в выполнении страной глобальной повестки в области устойчивого развития при «выпадении» регионов не может не вызывать сомнения в правильности постановки вопроса. В связи с этим сформулировано предположение о том, что рассмотрение вклада всех трех субъектов (федеральной власти, региональной власти и бизнеса) в достижение целей устойчивого развития поможет определить субъектов, осуществляющих наибольший вклад, а также реальную и потенциальную роль каждого из них.

Анализ решено проводить для одного из факторов устойчивого развития — экологического, который признается сегодня ключевым и опосредованно влияющим на остальные факторы устойчивого развития (экономику, общество). При отборе показателей для анализа приняты во внимание факты и сделаны следующие допущения:

- 1) вся глобальная повестка может быть структурирована в разрезе трех факторов устойчивости: экологического, социального и экономического;
- 2) сложно подобрать достоверную финансовую статистику, лаконично раскрывающую итоги реализации социального аспекта целей устойчивого развития;
- 3) показатели, характеризующие качество экономического развития с точки зрения достижения целей устойчивого развития, также находятся в стадии разработки;
- 4) доступными показателями, позволяющими провести корректную оценку вклада каж-

дого из обозначенных субъектов, следует признать данные статистики по инвестициям в основной капитал, направленным на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (далее — инвестиции в ООС и РП);

- 5) признание в качестве ключевого параметра участия трех обозначенных субъектов в финансировании инвестиций в ООС и РП позволит дать оценку их вовлеченности в преобразование промышленного сектора на новой технологической основе, что, безусловно, должно иметь влияние на экономическую и социальную среду.

Таким образом, будет создана основа для дальнейшего обсуждения роли различных уровней власти и бизнеса в преобразовании экономической, экологической и социальной сферы в целях достижения устойчивого развития. Анализ распределения инвестиций в ООС и РП и выявление субъектов, играющих ключевую роль в их финансировании, даст возможность оценить их текущую роль и активность по достижению целей устойчивого развития.

Далее анализ текущей роли и активности региональной власти в реализации повестки в области устойчивого развития осуществлялся по следующим направлениям. На первом этапе анализа рассмотрены показатели, характеризующие динамику общей величины инвестиций в основной капитал, направленных в ООС и РП, за последние 10 лет в России с учетом структуры этих инвестиций, что отражено на рисунке 1.

Обращено внимание на тот факт, что инвестиции в основной капитал, направленные в ООС и РП в рассматриваемый период, существенных изменений не претерпели. Их величина изменялась в интервале 80–120 млрд руб. Пройдя пик роста в 2012–2014 гг., к 2018 г. объем инвестиций практически вернулся к уровню начала периода наблюдения — 2009 г. Доля инвестиций в ООС и РП в общем объеме инвестиций в основной капитал незначительна и составляет величину чуть более 1 %.

Выделяются приоритетные направления инвестиций в ООС и РП. На первом по значимости месте находится охрана и рациональное использование водных ресурсов, на втором — охрана атмосферного воздуха, на третьем (до 2016 г.) — инвестиции в охрану и рациональное использование земель. С 2016 г. третье по значимости место занимает такая категория, как прочие инвестиции. Примечательно, что с 2017 г. на фоне общего снижения инвестиций в ООС и РП происходит выравнивание долей инвестиций в охрану атмосферного воздуха, охрану и рациональное использование водных ресурсов. Это выравнивание происходит за счет снижения доли инвестиций в охрану и

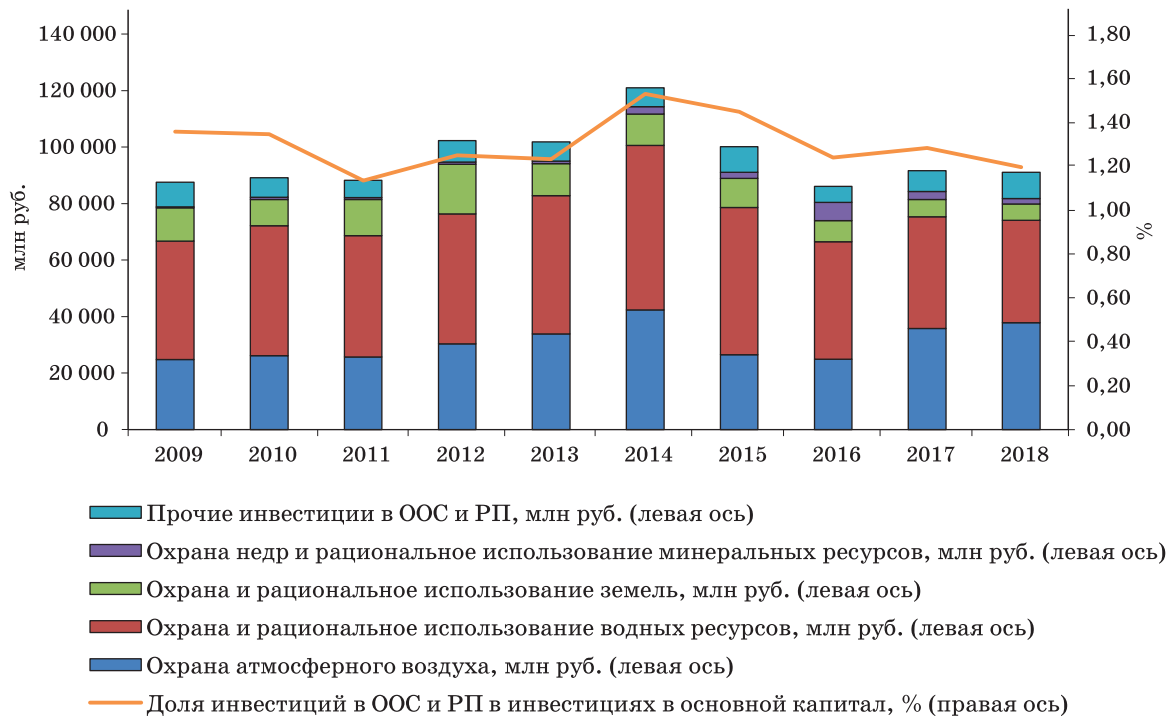


Рис. 1. Структура и динамика инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Российской Федерации в 2009–2018 гг. (всего)

Источник: составлено автором по данным ЕМИСС. Государственная статистика [20].

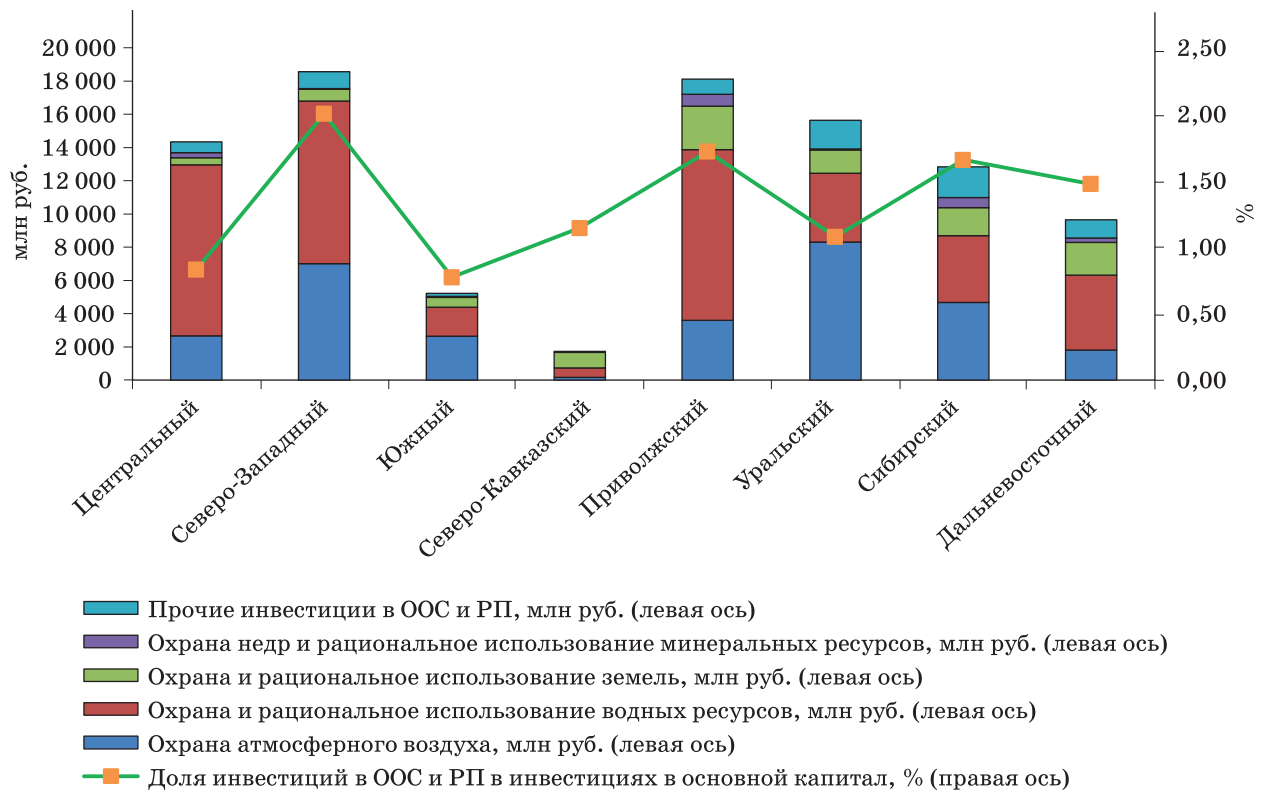


Рис. 2. Структура инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в федеральных округах в 2009–2018 гг. (среднее значение)

Источник: составлено автором по данным ЕМИСС. Государственная статистика [20].

рациональное использование водных ресурсов и, соответственно, роста доли инвестиций в охрану атмосферного воздуха.

Можно также выделить регионы-лидеры и регионы-отстающие. На рисунке 2 представ-

лено распределение федеральных округов по инвестициям в основной капитал, направленным в ООС и РП.

Наибольшим вкладом отличаются Северо-Западный, Приволжский и Уральский феде-

Таблица 1

Источники финансирования инвестиций в основной капитал в Российской Федерации за 2013–2018 гг., %

Источники финансирования	Год, % к итогу							Среднегодовые темпы прироста за 2013–2018 гг., %
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Среднее значение 2013–2018	
Собственные средства	45,20	45,69	50,22	50,97	52,12	54,32	49,61	2,08
Привлеченные средства	54,80	54,31	49,78	49,03	47,88	45,68	50,39	–5,12
в том числе:								
заемные средства	6,22	6,36	6,68	5,98	5,08	4,00	5,72	–9,94
других организаций								
кредиты банков	9,97	10,59	8,10	10,41	10,88	10,79	10,14	–0,03
бюджетные средства из федерального бюджета	10,03	8,99	11,30	9,29	8,26	7,41	9,20	–7,38
бюджетные средства из бюджетов субъектов РФ	7,48	6,52	5,72	6,04	6,81	6,80	6,59	–3,47
Прочие привлеченные средства	21,09	21,85	17,99	17,31	16,85	16,69	18,73	–6,10
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	–1,60

Источник: составлено автором по данным ЕМИСС. Государственная статистика [20].

Таблица 2

Источники финансирования инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Российской Федерации за 2013–2018 гг., %

Источники финансирования	Год, % к итогу							Среднегодовые темпы прироста за 2013–2018 гг., %
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2013–2018	
Собственные средства организаций	78,94	83,34	88,03	86,94	86,50	90,52	85,50	0,53
Федеральный бюджет	10,32	11,53	4,30	5,38	4,38	4,85	7,07	–15,89
Бюджет субъектов РФ и местных бюджетов	6,30	4,10	4,87	6,07	6,33	3,99	5,22	–10,76
Экологические фонды	0,00	0,00	0,00	0,02	0,10	0,02	0,02	50,34
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	–2,19

Источник: составлено автором по данным ЕМИСС. Государственная статистика [20].

ральные округа. Наименьший вклад продемонстрировали Южный и Северо-Кавказский федеральные округа. Существенные колебания наблюдаются и в аспекте показателя доли инвестиций в ООС и РП в общем объеме инвестиций в основной капитал. В отношении федеральных округов сохраняется структура лидирующих секторов, наблюдаемая в России в целом.

Вторым этапом анализа стала оценка источников финансирования инвестиций в основной капитал в целом, как показано в таблице 1, и инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, что отражено в таблице 2. Анализ статистических данных позволяет сделать ряд выводов:

1) главным источником финансирования и инвестиций в основной капитал, инвестиций в ООС и РП являются собственные средства организаций, доля которых в 2013–2018 гг. постоянно возрастала. Причем, если инвестиции в основной капитал финансируются

за счет собственных средств на 49,61 %, то инвестиции в ООС и РП — на 85,5 %;

2) доля федерального бюджета как источника финансирования инвестиций превышает долю регионального бюджета, но не значительно. В среднем эти значения составили в инвестициях в основной капитал 9,2 % и 6,59 % соответственно; в инвестициях в ООС и РП — 7,07 % и 5,22 % соответственно.

В целом анализ статистических данных приводит нас к следующим выводам. Во-первых, крайне несущественная доля инвестиций в ООС и РП лишь доказывает отсутствие значимого внимания к учету экологического фактора в своей деятельности российскими компаниями. Масштаб инвестиционного процесса отрицает возможность модернизации производства на новой технологической основе, учитывающей принципы ресурсоэффективности и экологичности.

Во-вторых, крайне несущественная роль федерального и регионального бюджетов в финансировании инвестиций в основной капитал

и инвестиций в ООС и РП указывает на отсутствие регулирующего воздействия со стороны государства по стимулированию модернизационного процесса, от которого зависит и переход к «зеленой» экономике. В-третьих, незначительно различающиеся по величине вклада в инвестиции в основной капитал и в инвестиции в ООС и РП доли федерального и региональных бюджетов доказывают недопустимость исключения регионального уровня власти из дискуссии по обеспечению реализации достижения целей устойчивого развития в России.

Заключение

Финансовые показатели, рассмотренные на примере экологического фактора, демонстрируют практически равную активность

регионов и федерального центра в финансировании экологических проектов как способе достижения целей устойчивого развития. Поэтому выстраивание национального механизма достижения целей устойчивого развития должно происходить при совместном участии всех заинтересованных сторон: федеральной власти, региональной власти, компании (бизнеса). В наблюдаемой ситуации нельзя признать удовлетворительным активность государства как в лице федеральных органов власти, так и в лице региональных органов власти. Для достижения прогресса в выполнении целей устойчивого развития (в рассмотренном случае целей, которые охватывают экологическую повестку концепции устойчивого развития) необходимы более масштабные действия, подкрепляемые более масштабными инвестициями.

Литература

1. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 08.01.2020).
2. Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3 (162). С. 26–33.
3. Повестка дня на XXI век: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 08.01.2020).
4. Будущее, которого мы хотим: итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию // ООН: офиц. сайт. Рио-де-Жанейро, 20–22 июня 2012 г. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf (дата обращения: 08.01.2020).
5. Одинова А. В. Концепция устойчивого развития и стратегическое планирование развития территорий // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2018. № 3 (17). С. 111–119.
6. Соломинская О. О. Особенности сбалансированного развития регионов Юга Восточной Сибири в контексте концепции устойчивого развития // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / отв. ред. Н. И. Быков. 2018. Т. 2. С. 344–348.
7. Стрижов С. А., Коданева С. И. Реализация концепции устойчивого развития в России: региональный аспект // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 9А. С. 97–111. DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.012
8. Гагарина Г. Ю., Мирошников С. Н. Применение целей устойчивого развития ООН в стратегиях субъектов Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2019. № 1. С. 54–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-54-63
9. Бухвальд Е. М. Основные проблемы реализации системы стратегического планирования в Российской Федерации // От рецессии к стабилизации и экономическому росту: сборник материалов конф. М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 2016. С. 16–25.
10. Минакир П. А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980. DOI: [10.17059/2019-4-1](https://doi.org/10.17059/2019-4-1)
11. Дьяков М. Ю., Михайлова Е. Г. Национальная программа развития Дальнего Востока и перспективы устойчивого развития // Вопросы региональной экономики. 2019. № 3 (40). С. 33–40.
12. Авакян В. С., Пономарева М. А. Применимость пространственных методов в концепции устойчивого развития и «зеленой» экономике // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: XVI Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 301–305.
13. Кононова Е. С. Особенности устойчивого социально-экономического развития северных территорий и система оценки устойчивости их социально-экономического развития // Экономические науки. 2016. № 135. С. 71–73.
14. Савельева С. Б., Мотина Т. Н. Российская Арктика в концепции устойчивого развития // Известия высших учебных заведений. Арктический регион. 2018. № 1. С. 34–37.
15. Кирхмейер Л. В. К вопросу о понятии эколого-социального развития региона в концепции устойчивого развития // Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике: сборник материалов II Всерос. науч.-практ. конф. 2017. С. 8–12.

16. Антонова А. И., Воробьева А. И., Заусаев В. К. Программно-целевое управление на Дальнем Востоке: необходимость совершенствования // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 3. С. 12–16.
17. Фаузер В. В. Устойчивое развитие: цели и показатели // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. № 19 (24). С. 64–71.
18. Швеиц И. Ю. Методические подходы к обоснованию целей, задач, принципов и приоритетов устойчивого пространственного развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 36–46.
19. Куликова Е. И. Устойчивый рост и устойчивое развитие в рамках парадигм региональной экономики // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2S. С. 82–87.
20. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: 08.01.2020).

References

1. Report of the World Commission on Environment and Development: Our common future. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (accessed on 08.01.2020).
2. Bobylev S. N., Solov'eva S.V. Sustainable development goals for the future of Russia. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2017;(3):26-33. (In Russ.).
3. Agenda 21: Adopted by the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 4 June 1992. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf> (accessed on 08.01.2020).
4. The future we want: Resolution adopted by the UN General Assembly on 27 July 2012. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/66/288&Lang=E (accessed on 08.01.2020).
5. Odintsova A .V. Concept of sustainable development and strategic planning of territory. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyykh. Seriya: Ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs Series: Economics*. 2018;(3):111-119. (In Russ.).
6. Solominskaya O. O. Features of the balanced development of the regions of the South of Eastern Siberia in the context of the concept of sustainable development. In: Modern trends in spatial development and priorities of social geography. Proc. Int. sci. conf. in the framework of the 9th Annual scientific assembly of the Association of Russian Geographers-Social Scientists. Vol. 2. Barnaul: Altai State University; 2018:344-348. (In Russ.).
7. Strizhov S. A., Kodaneva S. I. Implementation of the concept of sustainable development in Russia: regional aspect. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2019;9(9-1):97-111. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.012
8. Gagarina G. Yu., Miroshnikov S. N. Application of the UN sustainable development goals in the strategies of the constituent entities of the Russian Federation. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2019;(1):54-63. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-54-63
9. Bukhval'd E. M. The main problems of implementing the strategic planning system in the Russian Federation. In: From recession to stabilization and economic growth. Proc. conf. Moscow: G.V. Plekhanov Russian University of Economics; 2016:16-25. (In Russ.).
10. Minakir P. A. Russian economic space: Strategic deadlocks. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2019;15(4): 967-980. (In Russ.). DOI: 10.17059/2019-4-1
11. D'yakov M. Yu., Mikhailova E. G. National Far East development program and sustainability prospects. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Problems of Regional Economy*. 2019;(3):33-40. (In Russ.).
12. Avakyan V. S., Ponomareva M. A. The applicability of spatial methods in the concept of sustainable development and the green economy. In: Science and education: Domestic and foreign experience: 16th Int. sci.-pract. conf. Belgorod: Center for Science and Innovation Education GiK; 2018:301-305. (In Russ.).
13. Features of sustainable socio-economic development of the northern territories and a system for assessing the sustainability of their socio-economic development. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2016;(135):71-73. (In Russ.).
14. Savel'eva S. B., Motina T. N. Russian Arctic in the concept of sustainable development. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Arkticheskii region*. 2018;(1):34-37. (In Russ.).
15. Kirkhmeer L. V. On the concept of ecological and social development of the region in the concept of sustainable development. In: Sustainable development of Russian regions: From strategy to tactics. Proc. 2nd All-Russ. sci.-pract. conf. Novosibirsk: Center for the Development of Scientific Cooperation; 2017:8-12. (In Russ.).
16. Antonova A. I., Vorob'eva A. I., Zausaev V. K. Program-targeted management in the Far East: The need for improvement. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Bulletin of Khabarovsk State University of Economics and Law*. 2018;(3):12-16. (In Russ.).

17. Fauzer V. V. Sustainable development: Goals and indicators. *Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Seriya: Teoriya i praktika upravleniya*. 2017;(19):64-71. (In Russ.).
18. Shvets I. Yu. Methodological approaches to the substantiation of goals, objectives, principles and priorities of sustainable spatial development of Russia. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = The Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Social and Economic Science*. 2016;(2):36-46. (In Russ.).
19. Kulikova E. I. Sustainable growth and sustainable development within the framework of regional economy paradigms. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = The Buryat State University Bulletin*. 2015;(2S):82-87. (In Russ.).
20. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). State statistics. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (accessed on 08.01.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах

Смешко Олег Григорьевич

доктор экономических наук, доцент, ректор
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а, Россия
(✉) e-mail: rectorat@spbacu.ru

Поступила в редакцию 11.02.2020
Подписана в печать 20.02.2020

Author information

Oleg G. Smeshko

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Rector
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, 190103,
Russia
(✉) e-mail: rectorat@spbacu.ru

Received 11.02.2020
Accepted 20.02.2020

Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов

Е. Г. Решетникова¹

¹ Институт аграрных проблем РАН, Саратов, Россия

Исследование посвящено сущности, особенностям расчета, тенденциям динамики экономической доступности продовольствия, развитию в современных условиях инструментов повышения реальных располагаемых доходов населения как важнейшему фактору формирования внутреннего спроса на продовольствие.

Цель. На основе систематизации теоретических подходов и анализа институциональных аспектов обеспечения экономической доступности продовольствия обосновать актуальные направления совершенствования государственной доходной и налоговой политики, способствующие повышению совокупного спроса на продовольствие.

Задачи. Исследовать корректировку сущности понятия «экономическая доступность» продовольствия в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности как отражение новых глобальных вызовов и внутренних рисков. Дать оценку состояния экономической доступности основных продуктов питания в целом среди населения и в аспекте доходных групп, динамики реальных располагаемых доходов населения, изменений в структуре платежеспособного спроса. Обосновать рекомендации по развитию институциональной составляющей регулирования реальных доходов населения и системы налогообложения физических лиц.

Методология. В ходе исследования применены метод сравнения, метод системного анализа, метод систематизации информации, монографический метод.

Результаты. Осуществлен анализ соотношения фактического потребления основных видов продовольствия, рациональных норм в целом по домохозяйствам России и в аспекте доходных децильных групп населения. Указаны продукты питания, в отношении которых в настоящее время не обеспечена экономическая доступность продовольствия. Выявлены структурные сдвиги в потребительском спросе низкодходных групп населения. Проанализированы параметры межотраслевой, внутриотраслевой, региональной дифференциации заработной платы, оказывающие негативное влияние на показатели уровня жизни, обеспечение экономической доступности продовольствия. Проведенное исследование показало факт наличия в современных условиях в нашей стране высокого уровня налоговой нагрузки на физических лиц, который складывается вследствие выплаты прямых и косвенных налогов.

Выводы. Обоснована целесообразность дополнения перечня экономических рисков в Доктрине продовольственной безопасности такими рисками, как снижение реальных доходов населения и, соответственно, недостаточно высокий совокупный внутренний спрос на продовольствие. Установлено, что использование монетаристской модели экономического развития обеспечивает низкий уровень инфляции, но не создает условия для существенного увеличения темпов экономического роста, обостряет проблемы бедности, социально-экономической дифференциации. Доказано, что в современных условиях целесообразно совершенствование государственной доходной политики в направлении увеличения реальных располагаемых доходов наименее обеспеченной части населения, развития малых форматов агробизнеса и торговли продовольствием для расширения конкурентной среды продовольственного рынка. Внимание автора акцентировано на важности совершенствования институциональных аспектов регулирования различных видов дифференциации заработной платы. Сделан вывод о существовании объективных предпосылок для перехода к прогрессивной шкале налогообложения и введения необлагаемой части дохода на уровне прожиточного минимума для малообеспеченных слоев населения.

Ключевые слова: экономическая доступность продовольствия, структура спроса, рациональные нормы потребления, реальные располагаемые доходы населения, дифференциация заработной платы, прогрессивная шкала налогообложения.

Для цитирования: Решетникова Е. Г. Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 128–136. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-128-136>

Tools to Ensure the Affordability of Food in the Context of New Challenges

E. G. Reshetnikova¹

¹ Institute of Agrarian Problems of the RAS, Saratov, Russia

The presented study examines the essence, specific features of calculation, and trends in the dynamics of food affordability, as well as the development of tools to increase real disposable household income as a crucial factor for the formation of domestic demand for food under modern conditions.

Aim. The study aims to systematize theoretical approaches and analyze the institutional aspects of ensuring the affordability of food to substantiate promising directions for improving the national income and tax policy that would facilitate an increase in the aggregate demand for food.

Tasks. The author examines the adjustment of the essence of the concept of “affordability” of food in the new edition of the Food Security Doctrine as a reflection of new global challenges and internal risks; assesses the current state of affordability of staple foods among the population in general and in the context of specific income groups, the dynamics of real disposable household income, and changes in the structure of effective demand; substantiates recommendations for the development of the institutional component of real income regulation and taxation of individuals.

Methods. This study uses comparison, systems analysis, systematization of information, and the monographic method.

Results. The ratio of actual consumption of staple foods, rational consumption rates for Russian households in general and in the context of specific income groups are analyzed. Food products that are currently not affordable are identified. Structural changes in the consumer demand of low-income groups are determined. The parameters of inter-industry, intra-industry, and regional wage differentiation that have a negative impact on the quality of life and affordability of food are analyzed. The conducted study shows that there is currently a high tax burden on individuals in Russia, composed of direct and indirect taxes.

Conclusions. The author substantiates the advisability of including a decrease in real household income and the ensuing insufficiently high aggregate domestic demand for food in the list of economic risks provided by the Food Security Doctrine; shows that adhering to the monetarist model of economic development leads to a low inflation rate but does not create conditions for accelerated economic growth and exacerbates the problems of poverty and socio-economic differentiation; proves that under modern conditions it is advisable to improve the national income policy by increasing the real disposable income of the most deprived part of the population and developing small forms of agribusiness and food trade to expand the competitive environment of the food market. The author emphasizes the importance of improving the institutional aspects of regulating various types of wage differentiation and concludes that there are objective prerequisites for the transition to progressive taxation and introduction of a non-taxable part of income at a subsistence level for the most deprived segments of the population.

Keywords: *affordability of food, demand structure, rational consumption rates, real disposable household income, wage differentiation, progressive taxation.*

For citation: Reshetnikova E.G. Tools to Ensure the Affordability of Food in the Context of New Challenges. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 128-136 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-128-136>

В январе 2020 г. Президент РФ В. Путин подписал указ об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации в новой редакции [1]. Ранее в нашей стране с 2010 г. действовала Доктрина продовольственной безопасности, сыгравшая важную роль в решении теоретико-методологических, методических и прикладных вопросов развития агропродовольственного комплекса [2]. В ней был представлен понятийный аппарат, перечислены риски и угрозы продовольственной безопасности, обоснованы механизмы осуществления экономической политики для устойчивого функционирования агропродовольственного комплекса [3].

Доктрина продовольственной безопасности является постоянно развивающимся докумен-

том. Его корректировка связана с возникшими за последние десять лет новыми глобальными вызовами и национальными рисками в продовольственной сфере. Следует отметить, что ряд положений данного документа, определившего основные направления функционирования национального агропродовольственного комплекса в течение прошедшего десятилетия, подвергались аргументированной критике со стороны научного сообщества из-за их противоречивого характера. Так, Р. Гумеров обращал внимание на имеющее место несоответствие, заключающееся в том, что в основе оценки продовольственной независимости находилась доля собственной продукции АПК в товарных ресурсах, а экономическая доступность продовольствия характеризовалась соотношением

уровня потребления продовольствия и рациональных норм [4].

Осуществленная трансформация Доктрины продовольственной безопасности отвечает принципам непрерывного стратегического планирования, определена рядом причин объективного характера. За прошедшее десятилетие существенно изменился вектор интеграционных процессов, усилилась нестабильность мирового социально-экономического развития, проявились новые тенденции динамики мирового продовольственного рынка, произошли изменения в структуре рисков национальной экономической системы и отечественного агропродовольственного комплекса.

В течение указанного времени наблюдалось существенное развитие институциональной составляющей обеспечения продовольственной безопасности, которое нашло отражение в принятии ряда документов федерального значения. В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной в 2015 г., констатируется, что в условиях новой полицентричной модели мироустройства, для которой характерно повышение нестабильности на глобальном и региональном уровнях, одним из важнейших стратегических национальных приоритетов является повышение качества жизни граждан, которое предполагает и обеспечение продовольственной безопасности [5]. В Стратегии экономической безопасности на период до 2030 г., утвержденной в 2017 г., к основным вызовам и угрозам экономической безопасности в условиях обострения глобальной конкуренции отнесены высокий уровень колебаний конъюнктуры мировых рынков, применение дискриминационных мер ко многим отраслям экономической системы России, в значительной степени к отраслям агропродовольственного комплекса [6].

В 2017 г. модернизирована Государственная программа развития сельского хозяйства посредством перевода ее на проектное управление [7]. В новой редакции данной Программы среди пяти важнейших целей развития акцент сделан на обеспечении продовольственной безопасности с учетом экономической и территориальной доступности продукции АПК, возрастании объема располагаемых ресурсов жителей сельской местности. Принятая в мае 2019 г. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», направленная на повышение привлекательности сельского образа жизни, ставит задачу по достижению к 2025 г. соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского населения на уровне 80 % [8]. В связи с этим возникла объективная необходимость отражения в Доктрине продовольственной безопасности положений, относящихся к развитию

агропродовольственного комплекса, содержащихся в перечисленных выше документах стратегического планирования. В новой редакции Доктрины продовольственной безопасности уточняется сущность категории «продовольственная независимость» через понятие самообеспеченности. Другая особенность новой редакции этого стратегического документа развития АПК состоит в том, что в нем уделяется большое внимание вопросам качества и безопасности продовольственной продукции с точки зрения международных стандартов, необходимости контроля качества и безопасности пищевой продукции на основе требований технических регламентов Евразийского экономического союза.

В современных условиях качество и безопасность пищевой продукции, расширение производства органической продукции становится существенным условием повышения уровня и качества жизни людей, важнейшим фактором роста конкурентоспособности продукции отечественного АПК на мировом продовольственном рынке. В рассматриваемом документе с учетом возросших рисков глобального характера и прогнозируемых долгосрочных тенденций структурных изменений мирового продовольственного рынка учтена важность укрепления интеграционных процессов на международной арене, развития взаимодействия по проблемам обеспечения продовольственной безопасности в рамках Союзного государства, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза. Особенность новой редакции заключается и в уточнении толкования рисков и угроз продовольственной безопасности с учетом российских реалий, дополнение перечня продуктов питания, для которых установлены пороговые значения продовольственной независимости, рядом позиций (овощи и бахчевые, фрукты и ягоды).

В новой редакции Доктрины продовольственной безопасности экономическая доступность продовольствия определяется как «возможность приобретения пищевой продукции должного качества по сложившимся ценам, в объемах и ассортименте, которые соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления» [1]. Несмотря на близость данного определения к формулировке сущности экономической доступности продовольствия в Доктрине продовольственной безопасности 2010 г., наблюдается два отличия. Первое отличие касается учета в определении экономической доступности продовольствия фактора должного качества продовольствия как неотъемлемого требования времени. Второе отличие заключается в том, что в Доктрине продовольственной безопасности 2010 г. речь шла о возможности приобретения основных

продуктов питания, подкрепленной соответствующим уровнем доходов населения.

То обстоятельство, что данный аспект не отражен в новом определении, может свидетельствовать о повышении значимости в дальнейшем при формировании совокупного спроса на продовольствие наряду с фактором реальных доходов населения различных форм социальной защиты, в частности, продовольственной помощи и социального контракта. В разделе III «Показатели продовольственной безопасности и индикаторы их оценки» новой редакции Доктрины продовольственной безопасности отражен процесс расчета показателя экономической доступности продовольствия как отношения фактического среднедушевого потребления основных видов продовольствия к рациональной норме. Следует отметить, что вопрос о вариантах оценки экономической доступности продовольствия прошел несколько этапов.

В перечне показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности, утвержденных распоряжением Правительства РФ от 18 ноября 2013 г., экономическая доступность оценивалась через такие показатели, как покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, среднего размера назначенной пенсии по отдельным видам социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены [9]. План мероприятий по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 гг. «Дорожная карта» предусматривал внесение дополнений в Доктрину продовольственной безопасности РФ в части оценки экономической доступности продовольствия как соотношения фактического потребления и рациональной нормы потребления [10].

В проекте Указа «О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120» (подготовлен Минсельхозом России 15 января 2018 г.) экономическая доступность продовольствия трактовалась как соотношение среднедушевых расходов населения на важнейшие продукты питания и стоимости фиксированного набора продуктов питания в потребительской корзине [11]. Такой подход к определению уровня экономической доступности продовольствия критиковался в научной литературе за возникающее несоответствие, связанное с определением сущности данной категории, поскольку при формировании потребительской корзины используются минимальные физиологические нормы прожиточ-

ного минимума [12]. Отрадно, что в окончательном варианте новой редакции Доктрины продовольственной безопасности применен подход, содержащийся в Дорожной карте, устраняющий отмеченное выше противоречие.

В новой редакции Доктрины продовольственной безопасности в разделе IV «Риски и угрозы обеспечения продовольственной безопасности» выделяются агроэкологические, экономические, климатические, внешнеполитические, технологические, ветеринарные риски, социальные и санитарно-эпидемиологические угрозы. Считаем, что в данном разделе необходимо выделить важные экономические риски (снижение реальных доходов населения) и, как следствие, недостаточно высокий совокупный внутренний спрос на продовольствие. В п. 18 раздела VI «Основные направления государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности» Доктрины продовольственной безопасности в новой редакции отмечено, что повышение экономической доступности качественного продовольствия для всех групп населения будет осуществляться путем снижения показателей бедности, обеспечения государственной поддержки наиболее уязвимых слоев населения, прежде всего, детей, кормящих и беременных женщин, контингента организаций социальной сферы, формирования системы внутренней продовольственной помощи.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» перед Правительством РФ поставлена задача к 2024 г. сокращения уровня бедности в два раза [13]. Для постепенного искоренения такого негативного явления, как бедность, важно увеличение не менее чем в два раза величины прожиточного минимума, расширение его структуры. Большое значение имеет совершенствование ряда форм социальной защиты, в числе которых социальный контракт и социальное предпринимательство, развитие пенсионного законодательства, направленное на увеличение размера пенсий, особенно для домохозяйств сельской местности. Для обеспечения экономической доступности продовольствия актуальна и натуральная форма социальной защиты — программа школьных обедов. В послании Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. поставлена задача по обеспечению бесплатным горячим питанием школьников с 1-го по 4-й классы в тех школах, где имеется необходимая инфраструктура с 1 сентября 2020 г., в других школах — до 1 сентября 2023 г. [14] Особенность данной программы, в отличие от зарубежных аналогов, состоит в том, что этой формой социальной защиты

будут охвачены все дети вне зависимости от уровня материальной обеспеченности семьи.

Как показывают проведенные расчеты, не только малообеспеченные слои населения встречаются со сложностями в сфере экономической доступности основных продуктов питания. Одним из существенных сдерживающих факторов обеспечения экономической доступности основных продуктов питания для всех доходных групп населения является величина реальных располагаемых доходов населения. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, во втором квартале 2019 г. реальные располагаемые денежные доходы населения нашей страны по сравнению с соответствующим периодом 2018 г. уменьшились на 0,2 %, в первом полугодии 2019 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года они сократились на 1,3 % [15]. Крайне важно использование различных экономических инструментов, направленных на увеличение реальных доходов не только тех групп населения, которые относятся к категории бедных, но и групп, являющихся малообеспеченными. Необходимо и создание условий для роста среднего класса.

Увеличение внутреннего спроса на продовольствие тесно связано с концептуальной корректировкой основополагающих теоретических подходов к обеспечению макроэкономической стабильности. Преобладание монетаристского подхода или инструментов расширительной фискальной политики в реализуемом государством экономическом механизме определяет макропропорции продовольственного рынка, влияет на формирование совокупного спроса на продовольствие. В настоящее время в экономической литературе часто высказываются критические замечания в адрес используемой монетаристской модели экономического развития нашей страны, поскольку при достигнутом низком уровне инфляции не наблюдается существенного увеличения темпов экономического роста, обостряется проблема бедности, социально-экономическая дифференциация. Уменьшение объема совокупного спроса происходит вследствие сокращения величины реальных доходов населения и инвестиций в основной капитал на фоне профицита государственного бюджета.

Исследования ученых на временном отрезке 1997–2016 гг. показали, что в России не существовало устойчивой зависимости между ростом номинальных доходов и уровнем инфляции [16]. Это говорит о целесообразности в современных условиях совершенствования государственной политики в сфере доходов в направлении увеличения реальных располагаемых доходов наименее обеспеченной части населения. По мнению академика РАН

А. Г. Аганбегяна, для возмещения населению потерянных доходов может быть использован Фонд национального благосостояния [17].

Важнейший источник формирования доходов населения — оплата труда. В современных условиях наблюдаются различные виды дифференциации заработной платы: межотраслевая, внутриотраслевая, региональная, что негативно сказывается на показателях уровня жизни, обеспечении экономической доступности продовольствия. Так, в 2017 г. соотношение размеров средней заработной платы 10 % наиболее и 10 % наименее оплачиваемых работников по всем отраслям хозяйственного комплекса в России составило 14,1 раза, в финансовой и страховой деятельности — 16,0, в сельском и лесном хозяйстве, в рыболовстве и рыбоводстве — 9,2 раза [18]. Отмечались существенные различия в соотношении заработной платы отраслей хозяйственного комплекса и регионального прожиточного минимума. Так, отношение заработной платы квалифицированных работников сельского хозяйства к величине регионального прожиточного минимума изменялось от 1,1 раза в Республике Калмыкия до 3,5 раза в Ленинградской области.

Очевидна необходимость преодоления институциональных проблем в данной сфере. В соответствии с Законом РФ «О коллективных договорах и соглашениях» регулирование социально-трудовых отношений в России осуществляется путем заключения таких соглашений, как генеральное, региональные, отраслевые, межотраслевые, профессиональные тарифные и ряд других [19]. Важнейшим элементом данной системы является Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (РТК), в состав которой включены представители федеральных органов государственной власти, общероссийских объединений работодателей и объединений профсоюзов.

РТК заключает Генеральное соглашение, устанавливающее основные принципы регулирования социально-трудовых отношений на территории нашей страны. В экономической литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости большей конкретизации в Законе РФ «О коллективных договорах и соглашениях» вопросов, отраженных в Генеральном соглашении. В частности, целесообразно, чтобы объектом рассмотрения и утверждения в Генеральном соглашении стали принципиальные моменты регулирования различных видов дифференциации заработной платы, например, путем рекомендации коэффициентов дифференциации оплаты труда в зависимости от его сложности и квалификации для основных групп работников всех отраслей хозяйственного комплекса. На величину реальных располагаемых доходов населения оказыва-

ет определяющее влияние уровень налогов и цен. Для формирования общественно приемлемых цен важно развитие конкурентной среды продовольственного рынка и его сегментов. Соответственно, требуется государственная поддержка малых форматов торговли и агробизнеса, налаживания их взаимодействия с торговыми сетями.

Сегодня одним из направлений развития экономической теории считается современная денежная теория (Modern Monetary Theory), к ключевым моментам которой можно отнести тезис о необходимости активизации государства в финансовой и денежно-кредитной областях. Современные ученые в большей степени связывают достижение устойчивости экономического развития с использованием фискальных, пруденциальных и структурных мер, усиливается интерес к применению нестандартных мер государственной поддержки в национальных экономических системах [20]. В комплекс мер, предлагаемых современной денежной теорией, входят такие рычаги, как налоговые и бюджетные стимулы, процентные ставки, проведение целевой монетизации, создание условий для появления «длинных» денег.

В отношении совершенствования налоговой системы в настоящее время актуальны вопросы снижения налоговой нагрузки на физических лиц и введения прогрессивной шкалы налогообложения. В современных условиях в нашей стране наблюдается высокий уровень налоговой нагрузки на физических лиц, который складывается в результате выплаты прямых и косвенных налогов. Общая налоговая нагрузка на зарплату граждан, аккумулирующая платежи по подоходному налогу и страховых взносов, составляет около 40 % от общих затрат на оплату труда. Россия занимает второе после Италии место в мире по показателю отношения подоходного налога и социальных платежей к облагаемой налогом базе [21]. Заметим, что принцип социальной справедливости предполагает также изменение регрессионного принципа в отношении выплаты социальных налогов.

Росту налоговой нагрузки в России способствовало повышение размера налога на добавленную стоимость (НДС) с 1 января 2019 г. по сравнению с предшествующим годом с 18 до 20 %, что негативно сказалось на величине спроса. Основную нагрузку по выплате налога на добавленную стоимость несут в конечном счете потребители. Следует отметить, что несмотря на популярность данного налога в мире, в некоторых странах с развитой рыночной экономикой, например, в Японии и США, получил распространение другой — налог с продаж, для которого характерна ставка

8 % в Японии и до 15 % в США (в зависимости от штата) [22].

Налоговые системы в разных странах мира используют такие типы шкал, как плоская шкала налогообложения, прогрессивная шкала налогообложения, прогрессивная шкала налогообложения с необлагаемым минимумом. Первый тип шкалы налогообложения характерен для России и Белоруссии, второй — для Канады, Норвегии, Испании и ряда других стран. Прогрессивная шкала налогообложения с необлагаемым минимумом применяется в США, Великобритании, Германии, Франции. А в некоторых странах мира (Оман, Катар, Монако, Андорра) подоходный налог не взимается [23]. Ставки налогообложения достаточно разнообразны: во многих странах с развитой рыночной экономикой освобождаются от налогов доходы, не дающие возможность удовлетворять минимальные потребности, к высоким доходам применяются максимальные налоговые ставки.

К странам с самыми высокими уровнями налога на сверхвысокие доходы относят Швецию и Бельгию, где они составляют соответственно 56,9 % и 53,7 %. В странах с развитой рыночной экономикой доля богатых слоев в выплате всех налогов равняется 60 %, средних слоев — около 30 %. Система налогообложения представляет собой мощный перераспределительный механизм, направленный на поддержание социальной стабильности. Например, в Великобритании коэффициент дифференциации доходов в процессе их первичного распределения равняется 13,6, а после выплаты налогов и различных пособий снижается до 4,1 [24]. Вопрос о важности трансформации системы налогообложения в нашей стране давно является предметом обсуждения в различных форматах. Большинство ученых видят назревшую целесообразность перехода к прогрессивной шкале налогообложения, при введении которой основную нагрузку налогового бремени должны нести представители доходной группы с максимальными доходами.

Осуществление модернизации налоговой системы направлено на поддержание социального равновесия, оно будет способствовать росту ресурсов бюджетной системы. Вместе с тем, например, по мнению Д. Г. Черника, необходим комплексный подход к решению назревших проблем в сфере социально-экономической дифференциации, важно отражение в нормативно-правовых актах требования соответствия значительных объемов расходов граждан их доходам. Отдельная мера по изменению системы налогообложения доходов физических лиц не может решить все проблемы в области дифференциации доходов [25]. Но значительное число ученых и политиков

придерживаются точки зрения о том, что существуют объективные предпосылки для перехода к прогрессивной шкале налогообложения и введения необлагаемой части дохода на уровне прожиточного минимума для малообеспеченных слоев населения.

Следует отметить, что существующие налоговые вычеты (социальные, имущественные, иные) не представляют собой эффективный перераспределительный механизм, поскольку

они крайне невелики и имеют тенденцию к сокращению (например, в 2012 г. упразднен стандартный налоговый вычет на работника в размере 400 руб.) [26]. Заслуживает внимания предложение о том, чтобы при переходе к прогрессивной шкале налогообложения прогрессирующая часть подоходного налога поступала в федеральный бюджет для социальной защиты малообеспеченной части населения.

Литература

1. *Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации* [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. URL: <http://base.garant.ru/73438425/#ixzz6DRr7HCbV> (дата обращения: 25.01.2020).
2. *Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации* [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 25.01.2020).
3. *Прокопьев М. Г.* Продовольственная безопасность: анализ проекта доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (ч. 1) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 9. С. 37–42. DOI: 10.26726/1812-7096-2018-9-37-42
4. *Гумеров Р.* Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в концептуальной переработке // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 49–68.
5. *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 25.01.2020).
6. *О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года* [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/1d8dcf5824d5241136fa09b9e9c672ac5d325365/ (дата обращения: 25.01.2020).
7. *О переводе Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы на проектное управление* [Электронный ресурс] // Правительство России: офиц. сайт. 2017. 25 декабря. URL: <http://government.ru/docs/30726/> (дата обращения: 25.01.2020).
8. *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации* [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696. URL: <http://base.garant.ru/72260516/#ixzz6DSCIssZV> (дата обращения: 26.01.2020).
9. *Перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации* [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 2138-р. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=154706&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.6790394451603572#06509003858582074> (дата обращения: 26.01.2020).
10. *План мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы* [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 октября 2014 г. № 1948-р. URL: <http://base.garant.ru/70758674/> (дата обращения: 26.01.2020).
11. *О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120* [Электронный ресурс]: проект Указа Президента РФ (подготовлен Минсельхозом России 15 января 2018 г.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56641501/> (дата обращения: 26.01.2020).
12. *Решетникова Е. Г.* Особенности стратегического планирования сферы потребления продовольствия в условиях современных социальных рисков // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 3. С. 2.
13. *О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года* [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/#ixzz6DSU545Hl> (дата обращения: 27.01.2020).
14. *Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию* [Электронный ресурс] // Администрация Президента: офиц. сайт. 2018. 1 марта. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 27.01.2020).
15. *Уровень жизни и доходы населения в первом полугодии 2019 г.:* [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (дата обращения: 27.01.2020).
16. *Ильяшенко В. В.* Доходы населения России в условиях инфляционных процессов // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15. № 2. С. 182–188.

17. Иванов А. Академик Абел Аганбегян: «Сверхдоходами от нефти нужно возместить потери обедневшего населения» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2019. 28 августа. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27021/4084186/> (дата обращения: 27.01.2020).
18. Уровень дифференциации заработной платы работников организаций: [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения: 27.01.2020).
19. О коллективных договорах и соглашениях [Электронный ресурс]: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2490-1 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383/ (дата обращения: 28.01.2020).
20. Ершов М. В., Танасова А. С. Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 5–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-5-23
21. История возникновения и развития налога на добавленную стоимость [Электронный ресурс]. URL: <http://www.financemotion.ru/fmots-433-1.html> (дата обращения: 28.01.2020).
22. Рейтинг стран по ставке подоходного налога [Электронный ресурс] // Lepp-Partners.ru. Юридическая помощь. URL: <http://lepp-partners.ru/podohodnyj-nalog-stran-mira-tablica.html> (дата обращения: 28.01.2020).
23. Подоходный налог в странах мира [Электронный ресурс] // Как с Добром Добраться. URL: <http://kakdobratsyado.ru/podohodnyj-nalog-v-stranah-mira/B/> (дата обращения: 28.01.2019).
24. Никитин С. Личные доходы населения (на примере развитых стран) // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 16–23.
25. Черник Д. Г. К вопросу о прогрессивном или пропорциональном налогообложении доходов физических лиц // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 3. С. 114–120. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-3-114-120
26. Балынин И. В. Введение прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в Российской Федерации в контексте обеспечения социальной справедливости // Финансы и кредит. 2016. Т. 22. № 31. С. 15–31.

References

1. On approving the doctrine of food security of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20. URL: <http://base.garant.ru/73438425/#ixzz6DRr7HCbB> (accessed on 25.01.2020). (In Russ.).
2. Food security doctrine of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2010 No. 120. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (accessed on 25.01.2020). (In Russ.).
3. Prokopiev M. G. Food security: An analysis of the draft doctrine of food security of the Russian Federation (Part 1). *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*. 2018;(9):37-42. (In Russ.). DOI: 10.26726/1812-7096-2018-9-37-42
4. Gumerov R. Food security doctrine of the Russian Federation needs conceptual revision. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2017;(4):49-68. (In Russ.).
5. On the national security strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (accessed on 25.01.2020). (In Russ.).
6. On the economic security strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/1d8dcf5824d5241136fa09b9e9c672ac5d325365/ (accessed on 25.01.2020). (In Russ.).
7. On the transfer of the state program for the development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2013-2020 to project management. Official website of the Russian Government. Dec. 25, 2017. URL: <http://government.ru/docs/30726/> (accessed on 25.01.2020). (In Russ.).
8. On approval of the state program of the Russian Federation “Integrated development of rural territories” and on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation of May 31, 2019 No. 696. URL: <http://base.garant.ru/72260516/#ixzz6DSCIssZV> (accessed on 26.01.2020). (In Russ.).
9. The list of indicators in the field of ensuring food security of the Russian Federation. Approved by order of the Government of the Russian Federation of November 18, 2013 No. 2138-r. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=154706&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.6790394451603572#06509003858582074> (accessed on 26.01.2020). (In Russ.).
10. The action plan (“road map”) to promote import substitution in agriculture for 2014-2015. Approved by order of the Government of the Russian Federation of October 2, 2014 No. 1948-r. URL: <http://base.garant.ru/70758674/> (accessed on 26.01.2020). (In Russ.).
11. On amendments to the Food Security Doctrine of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated January 30, 2010 No. 120. Draft Decree of the President of the Russian Federation (prepared by the Ministry of Agriculture of Russia on January 15, 2018). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56641501/> (accessed on 26.01.2020). (In Russ.).

12. Reshetnikova E. G. Features of strategic planning of food consumption in the current social risks. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya = Regional Agrosystems: Economics and Sociology*. 2018;(3):2. (In Russ.).
13. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/#ixzz6DSU545Hl> (accessed on 27.01.2020). (In Russ.).
14. The annual message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. Official website of the President of the Russian Federation. March 01, 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>. (accessed on 27.01.2020). (In Russ.).
15. Living standards and incomes in the first half of 2019. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (accessed on 27.01.2020). (In Russ.).
16. Ilyashenko V. V. Incomes of the Russian population in the context of inflationary processes. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of the Economic Theory*. 2018;15(2):182-188. (In Russ.).
17. Ivanov A. Academician Abel Aganbegyan: Extra income from oil should compensate for the loss of impoverished population. *Komsomol'skaya pravda*. Aug. 28, 2019. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27021/4084186/> (accessed on 27.01.2020). (In Russ.).
18. The level of differentiation of wages of employees of organizations. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (accessed on 27.01.2020). (In Russ.).
19. On collective bargaining agreements. The law of the Russian Federation of March 11, 1992 No. 2490-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383/. (accessed on 28.01.2020). (In Russ.).
20. Ershov M. V., Tanasova A. S. The world and Russia: Inflation is minimal, economic growth is slowing, risks are rising. *Voprosy ekonomiki*. 2019;(12):5-23. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-5-23
21. History of the origin and development of value added tax. URL: <http://www.financemotion.ru/fmots-433-1.html> (accessed on 28.01.2020). (In Russ.).
22. Rating of countries according to the income tax rate Lepp-Partners.ru. Legal aid. URL: <http://lepp-partners.ru/podohodnyj-nalog-stran-mira-tablica.html> (accessed on 28.01.2020). (In Russ.).
23. Income tax in the countries of the world. Kak s dobrom dobrat'sya. URL: <http://kakdobratsyado.ru/podohodnyj-nalog-v-stranah-mira/B/> (accessed on 28.01.2019). (In Russ.).
24. Nikitin S. Personal incomes (on the example of developed countries). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2007;(2):16-23. (In Russ.).
25. Chernik D. G. On the issue of progressive or proportional taxation of personal income. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2018;11(3):114-120. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-3-114-120
26. Balynin I. V. The introduction of progressive taxation of personal income in the Russian Federation in the context of ensuring social justice. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2016;22(31):15-31. (In Russ.).

Сведения об авторах

Решетникова Елена Геннадиевна

доктор экономических наук, профессор,
заведующий лабораторией

Институт аграрных проблем РАН

410012, г. Саратов, Московская ул., д. 94, Россия

(✉) e-mail: apk@mail.saratov.ru

Поступила в редакцию 14.02.2020

Подписана в печать 25.02.2020

Author information

Elena G. Reshetnikova

Doctor of Economics Sciences, Professor, Head
of Laboratory

Institute of Agrarian Problems of the RAS

94 Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia

(✉) e-mail: apk@mail.saratov.ru

Received 14.02.2020

Accepted 25.02.2020

Особенности функционирования и взаимодействия региональных экономических систем

А. Д. Евменов¹, П. А. Булочников¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена изучению особенностей и процессов функционирования региональных экономик, межрегионального взаимодействия.

Цель. Проанализировать действующие механизмы функционирования и взаимодействия региональных экономических систем.

Задачи. Представить общую схему функционирования региональной экономической системы; рассмотреть принципы функционирования и взаимодействия региональных экономических систем; раскрыть особенности межотраслевого взаимодействия как одной из форм межрегионального сотрудничества.

Методология. Исследование выполнено с применением общенаучных методов, в том числе системного анализа, синтеза, индукции и дедукции, детализации и обобщения, моделирования.

Результаты. Обоснована общая схема функционирования региональной экономической системы как объекта управления, структурными элементами которой являются производственно-экономический и социально-экономический комплексы региона, а также бюджетно-финансовая сфера. Показано, что особым значением в настоящее время обладает межрегиональное взаимодействие, в процессе которого происходит совместное производство благ. Межрегиональное взаимодействие заключается в обмене товарами и услугами, миграционных процессах, финансовом обмене. Межрегиональное сотрудничество должно осуществляться на базе действующих стратегий федерального и регионального уровней. Установлено, что в качестве эффективных форм сотрудничества регионов выступают межотраслевое взаимодействие и формирование межрегиональных отраслевых кластеров.

Выводы. Особенность функционирования региональных экономик состоит в том, что регулирование их деятельности осуществляется одновременно на макро- и мезоуровне. На мезоуровне происходит формирование и внедрение региональных стратегий экономического развития с учетом социально-экономических особенностей тех или иных административно-территориальных образований. На макроуровне региональная экономика функционирует в рамках действующей стратегии федерального центра, а также осуществляет межрегиональное и межотраслевое взаимодействие.

Ключевые слова: региональная экономика, межрегиональное взаимодействие, региональная экономическая система, кластер, межотраслевое взаимодействие, стратегия, сотрудничество.

Для цитирования: Евменов А. Д., Булочников П. А. Особенности функционирования и взаимодействия региональных экономических систем // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 137–145. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-137-145>

Specific Aspects of Functioning and Interaction of Regional Economic Systems

A. D. Evmenov¹, P. A. Bulochnikov¹

¹ St. Petersburg State University of Film and Television, St. Petersburg, Russia

The presented study examines the specific aspects and processes of the functioning of regional economies and interregional interaction.

Aim. The study aims to analyze the existing mechanisms of the functioning and interaction of regional economic systems.

Tasks. The authors present a general scheme for the functioning of a regional economic system; examine the principles of interaction between regional economic systems; determine the specific aspects of inter-sectoral interaction as a form of interregional cooperation.

Methods. This study uses general scientific methods, including systems analysis, synthesis, induction and deduction, specification and generalization, and modelling.

Results. The authors substantiate a general scheme for the functioning of the regional economic system as an object of management. Its structural elements include the region's production-economic and socio-economic complexes and the fiscal sphere. It is shown that interregional interaction is now particularly important as it facilitates joint production of goods. Interregional interaction involves the exchange of goods and services, migration processes, and financial exchange. Interregional cooperation should be based on the existing federal and regional strategies. It is established that inter-sectoral interaction and formation of regional sectoral clusters are efficient forms of interregional cooperation.

Conclusions. A specific feature of the functioning of regional economies is that it is regulated simultaneously at the macro- and meso-level. Regulation at the meso-level involves the implementation of regional economic development strategies with allowance for the socio-economic features of individual administrative and territorial units. At the macro-level, the regional economy functions within the existing strategy of the federal center and also involves interregional and inter-sectoral interaction.

Keywords: *regional economy, interregional interaction, regional economic system, cluster, inter-sectoral interaction, strategy, cooperation.*

For citation: Evmenov A.D., Bulochnikov P.A. Scientific and Innovative Aspects of Regional Economic Development. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 137-145 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-137-145>

На современном этапе развития региональной экономики Российской Федерации (РФ) наличие эффективно действующего механизма управления является важнейшим инструментом достижения стратегических целей. Существует необходимость разработки концепции управления регионами, учитывающей специфику России и ее регионов ввиду долгосрочных прогнозов социально-экономического развития национальной и глобальной экономики [1].

Под региональной экономической системой (РЭС), по нашему мнению, следует понимать систему сложных взаимосвязей элементов различного типа, подсистем, институтов отраслей и сфер народного хозяйства, сосредоточенных на той или иной территории (в регионе). Особенность РЭС заключается в том, что она имеет определенные пространственные размеры и принимает вид различных административно-территориальных единиц: от крупных экономических субъектов федерации до муниципальных образований, являющихся элементами общей административно-территориальной структуры РФ. Цель функционирования РЭС состоит в обеспечении комфортных условий проживания населения при рациональном использовании благоприятных географических, климатических, экономических, геополитических факторов и природных ресурсов [2].

Функционирование РЭС происходит в процессе взаимодействия элементов, представляющих собой базовые составляющие РЭС, как показано на рисунке 1, составленном авторами настоящей статьи. Стрелками на этом рисунке обозначены принципиальные связи комплексов РЭС. В процессе функционирования производственно-экономического комплекса региона происходит пополнение регионального бюджета за счет налоговых поступлений. Бюджетные

средства распределяются на финансирование социального комплекса региона. Задача социальной сферы — подготовка трудовых ресурсов для функционирования производственно-экономической сферы.

Следует отметить, что для каждого элемента РЭС характерна своя совокупность факторов влияния и показателей эффективности, которые необходимо учитывать при формировании стратегии развития. Региональной экономике присуща полиструктурность, т. е. множественность структурной организации [3]. Рассматривая сущностное содержание отдельных элементов РЭС, следует отметить что:

1. Под производственно-экономическим комплексом региона понимают производственную систему и инфраструктуру многоотраслевых связей, сформировавшуюся в процессе исторического развития социально-экономической сферы региона и межрегионального разделения труда. Функционирование производственно-экономического комплекса формирует производство рационального объема товаров различного назначения, покрывающего как внутренние потребности региона, так и используемого для межрегионального обмена. К элементам производственно-экономического комплекса региона относятся отрасли производственной сферы (материальное и нематериальное производство), производственная инфраструктура, представляющая собой совокупность систем жизнеобеспечения хозяйственного комплекса и обеспечивающая обмен результатами функционирования отраслей данного комплекса; природные ресурсы.

2. Значение социального комплекса региона состоит в обеспечении общества услугами социального характера. Цель функционирования социального комплекса — организация комфортных условий жизни народонаселения региона. Структурными элементами данного

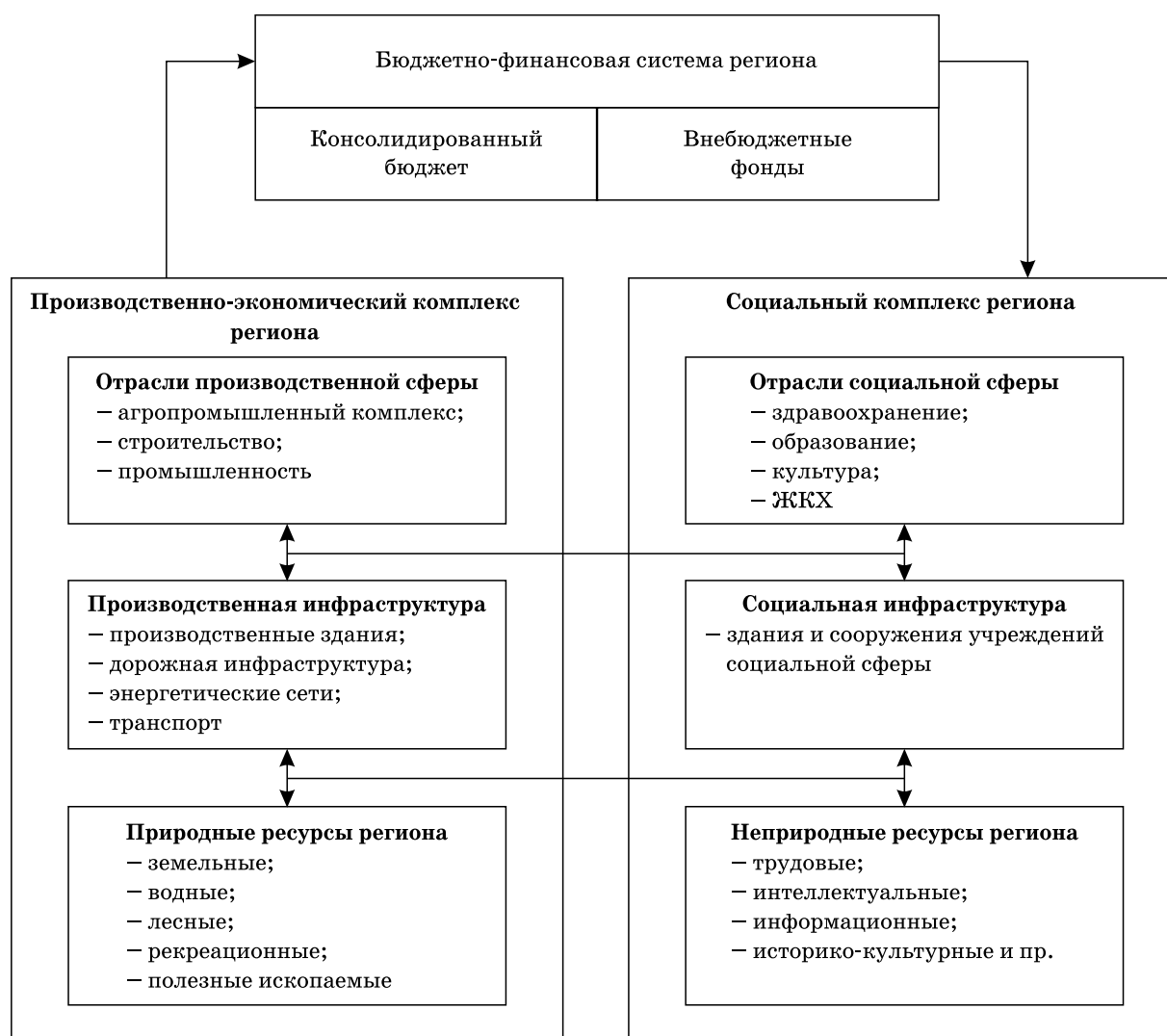


Рис. 1. Комплексная модель региональной экономической системы как объекта управления

комплекса являются отрасли социальной сферы, занимающиеся обеспечением услуг социального характера (образование, здравоохранение, ЖКХ и др.); социальная инфраструктура, представляющая собой материальную базу функционирования социальных отраслей; совокупность неприродных ресурсов (трудовых, интеллектуальных, информационных, иных), создаваемых в процессе человеческой жизнедеятельности.

3. Бюджетно-финансовая система перераспределяет валовый региональный продукт (ВРП) между социальными и производственными сферами региона. Среди элементов этой системы — консолидированный бюджет, с помощью которого осуществляется распределение финансовых ресурсов между отраслями социального и производственно-экономического комплексов; внебюджетные региональные фонды (пенсионный, социального и медицинского страхования), с помощью которых происходит целевое финансирование социальных гарантий со стороны государства. Тесная взаимосвязь между элементами РЭС определяет ключевую задачу ее функционирования — обеспечение

эффективной, стабильной работы производственно-экономической, социальной и бюджетной подсистем для целенаправленного развития региона и социально-экономического комплекса страны в целом.

Эффективное функционирование РЭС должно обеспечиваться с учетом особенностей и специфики региона. К факторам региональной специфики относят:

- 1) природные (наличие в регионе природных ресурсов, их количество и качество);
- 2) климатические и экологические условия;
- 3) демографические (численность и расселение населения, его половозрастная структура, количество трудовых ресурсов, их квалификация и половозрастная структура);
- 4) экономические (экономико-географическое положение региона, качество и развитость транспортной инфраструктуры; научные и производственные возможности; наличие предприятий, имеющих стратегическое значение для региона) [4].

Основными принципами формирования стратегии функционирования региональной экономики являются следующие:

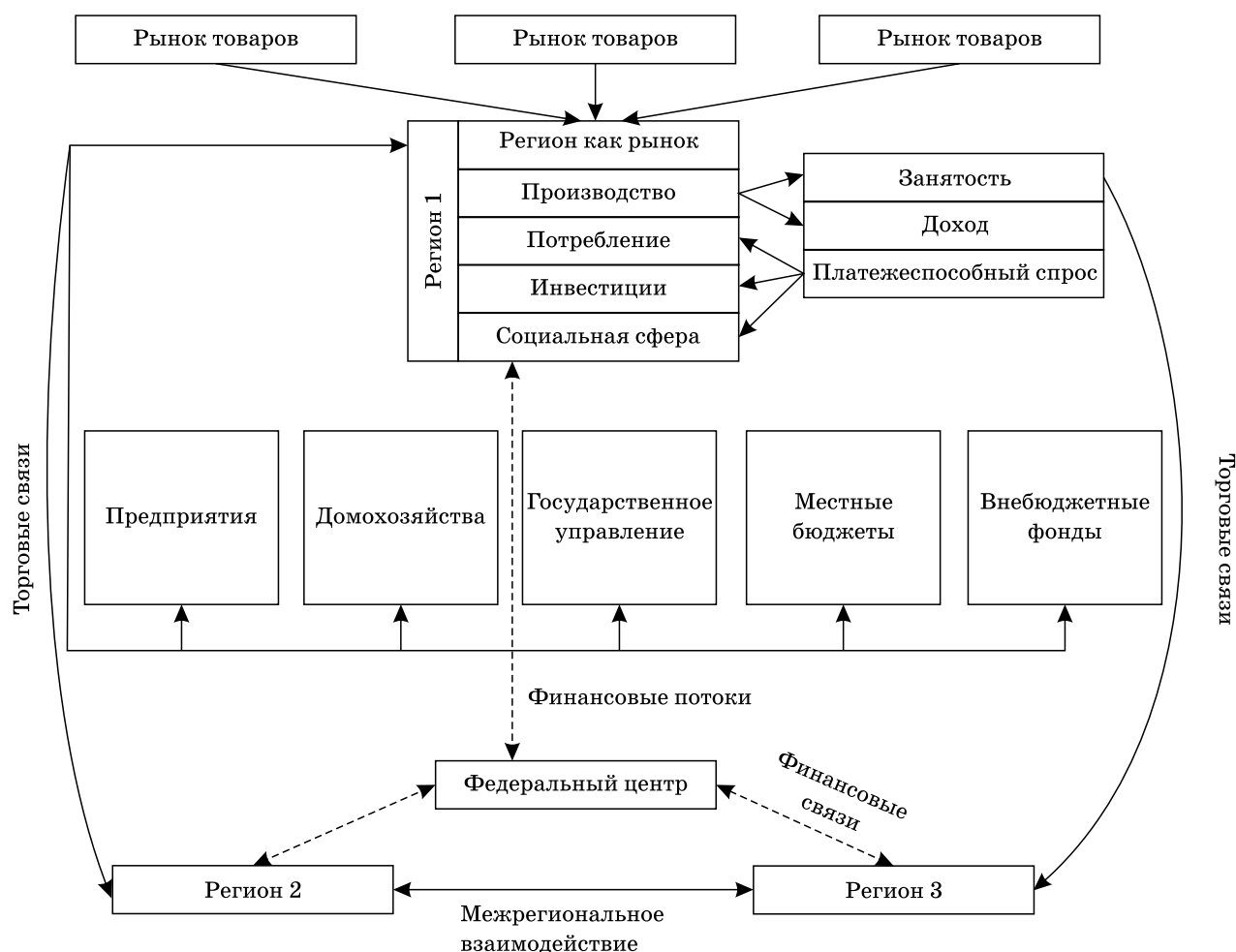


Рис. 2. Функционирование региональной экономической системы

- преемственность, единообразие законодательной базы, стратегии, которая обеспечивает устойчивое развитие как региона, так и страны в целом;
- адаптация к региональным факторам развития, ресурсам и т. д.;
- максимальное изучение потребностей населения региона, его отдельных субъектов и государства при разработке законодательных актов, развитии инфраструктуры и пр.;
- гибкость принятия решений при возникновении противоречий по тому или иному вопросу между государственными и региональными целями;
- эффективность функционирования региональной экономики, учет состояния и динамики формируемых рынков [5].

С точки зрения закона синергии значение межрегионального взаимодействия возрастает. Оно способствует существенному повышению общего уровня социально-экономического развития регионов, возникновению мультипликативного эффекта, появлению новых точек роста, интенсификации процесса здоровой конкуренции территорий. Межрегиональное взаимодействие происходит в процессе полноценного вовлечения внутренних ресурсов региона и преимуществ межрегионального

разделения труда. Современный период экономического развития можно охарактеризовать как переходный от ресурсодобывающей ориентации экономики к возрождению российской промышленности на основе нового технологического уклада. В сложившихся условиях развитие регионов РФ должно быть нацелено на экономический рост всех участников РЭС.

Под межрегиональными связями (взаимодействием) понимают систему отношений между субъектами взаимодействия регионов, которые формируются и развиваются в ходе производства общественных благ и услуг, обусловленных специализацией и разделением труда, размещением производительных сил, социально-демографическими процессами, природными ресурсами. Межрегиональное взаимодействие осуществляется в процессе обмена товарами и услугами, миграции населения, в финансовых потоках, информационном обмене. С помощью такого сотрудничества происходит формирование системы взаимодействия регионов, экономика каждого из участников становится частью какой-либо одной или нескольких региональных систем.

К субъектам межрегионального взаимодействия относят федеральные органы управления, межрегиональные организации, регио-

нальные органы государственного управления, органы местного самоуправления, предприятия, расположенные на территории регионов независимо от формы собственности, иные юридические лица, как показано на рисунке 2.

Отметим, что экономическое взаимодействие регионов способствует укреплению хозяйственных связей между субъектами РФ, в перспективе оптимизирует территориальное размещение инфраструктуры, на основе кооперативного взаимодействия минимизирует неэффективные финансовые траты, объединяет экономический потенциал сотрудничающих регионов для достижения наибольших результатов. Очевидно, что межрегиональные связи между субъектами РФ, городами, организациями должны регулироваться взаимовыгодными соглашениями по обмену товарами и услугами [6].

При этом государству принадлежит ведущая роль в организации процесса межрегионального взаимодействия. Так, органами государственной власти формируется система управления субъектами межрегиональных связей, юридические условия ведения сотрудничества, кооперации и миграции населения. В то же время в процессе межрегионального взаимодействия интересантами создаются общественные организации, например, «Северо-Запад», «Возрождение Урала», «Северный Кавказ» и другие, которые выполняют совещательные и консультативные функции, позволяющие субъектам взаимодействия сформировать позицию региона по основным социально-экономическим вопросам его развития.

Самостоятельность принятия решений относительно рационального применения имеющихся ресурсов, полученная регионами от федерального центра, увеличила значение межрегиональных связей для экономики страны. Право свободного выбора экономического развития позволяет регионам вырабатывать собственный тип экономического поведения: на мировой экономический рынок выходят регионы, обладающие богатыми природными ресурсами; регионы со слабо развитым сельским хозяйством, но с доминированием добывающей отрасли промышленности стремятся организовать бартер, как с индустриальными, так и с аграрными государствами или регионами для ликвидации нехватки ресурсов, товаров и услуг; депрессивные регионы, развивающие сферу услуг (финансовых, туристических и пр.).

В России реализуются меры государственной политики регионального развития, носящие стимулирующий характер, поскольку действующая система межбюджетных отношений в России не мотивирует регионы к расширению источников собственных доходов и ускорению темпов социально-экономического развития,

межрегиональный обмен осуществляется в настоящее время на рыночной основе, вследствие чего регион как рынок находится под воздействием внешних конкурирующих и связанных рынков товаров, труда, капитала и стейкхолдеров.

После развала СССР в научной среде активно происходило изучение межрегиональных связей, поскольку был разрушен единый народнохозяйственный комплекс страны и требовалась новая парадигма развития территорий. С методологической точки зрения межрегиональные связи рассматриваются в научной литературе как одно из направлений развития современной экономики и общества в процессе развития глобализации. В широком понимании термин «глобализация» трактуется как процесс интеграции, в котором отражается взаимосвязь стран в мировом пространстве во всех сферах жизнедеятельности.

Региональные связи способствуют развитию инноваций за счет привлечения в точку роста квалифицированных трудовых ресурсов, а также с помощью роста информационных потоков. В экономической литературе к важнейшим результатам развития межрегионального взаимодействия принято относить кластерные, мультипликативные эффекты масштаба от ряда факторов:

- совместного использования инфраструктурного комплекса (транспортного, энергетического, иного);
- совместного использования результатов деятельности научно-исследовательских учреждений (knowledge management);
- совместного использования и реализации природных ресурсов;
- усиления экономических связей (появления рынков сбыта, распределения ресурсов, иного);
- усиления социальных связей (появления интегрированного рынка труда, сотрудничества бизнес-структур);
- наличия общих исторических предпосылок развития [3; 4; 7].

Обратим внимание на тот факт, что основополагающие принципы формирования межрегиональных связей представлены в действующей Конституции РФ. Так, в ст. 8 декларируется «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [8]. В соответствии со ст. 74 «на территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств» [8]. Данные положения позволяют развивать межрегиональное взаимодействие внутри го-

сударства. Отметим, что межрегиональное сотрудничество должно осуществляться в рамках действующих стратегий федерального и регионального уровней. Общее направление межрегионального взаимодействия представлено в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [9].

Согласно данному нормативно-правовому акту Россия должна придерживаться следующих задач в сфере межрегионального взаимодействия: формирования новых территориальных центров роста в районах освоения новых сырьевых ресурсов и традиционных регионах концентрации инновационного, промышленного и аграрного потенциала России; снижения масштабов регионального неравенства; создания разветвленной транспортной сети, обеспечивающей высокий уровень межрегиональной интеграции и территориальной мобильности населения. Данная концепция предусматривает несколько форм межрегионального взаимодействия: создание центров социально-экономического развития, формирование центров экономического роста с помощью инноваций; создание базы для эффективного межведомственного и межрегионального обмена информацией; создание транспортной сети, способной обеспечить высокий уровень межрегиональной интеграции; реализацию проектов по созданию транспортных магистралей и узлов; создание совместных проектов; развитие межрегионального рынка труда; создание благоприятных условий для всевозможной кооперации регионов; создание кластеров в производственной сфере, ориентированных на высокотехнологичные производства; создание территориально-производственных кластеров на слаборазвитых территориях; создание и развитие рекреационно-туристических зон с оказанием сервисных услуг высокого уровня в субъектах, обладающих уникальными природно-климатическими условиями [9].

Кроме того, в настоящее время действуют региональные стратегии, направленные на развитие межрегионального сотрудничества, например, «Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» [10], «Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года» [11] и ряд других.

Особенность межрегионального взаимодействия в России состоит в стремлении к развитию внешнеэкономических связей и приграничному сотрудничеству с соседними странами. Кроме того, для нашей страны характерно неравномерное распределение материальных ресурсов, разного рода инфраструктуры по регионам. Одна из форм сотрудничества ре-

гионов — межрегиональное отраслевое взаимодействие, представляющее собой взаимоотношения бизнес-структур по решению общих вопросов, созданию производственных союзов, кластеров и объединений. Межрегиональное отраслевое взаимодействие характеризуется следующими свойствами:

1. Экономической интеграцией — закономерным результатом укрепления экономических связей в ходе включения субъектов в единый хозяйственный процесс на основе межрегионального разделения труда и производственных объединений.
2. Экономической связанностью — степенью взаимосвязи экономического роста в различных регионах, позволяющей определить системные свойства экономического пространства макрорегиона [12].

На современном этапе наиболее эффективным способом развития региональной экономики считается создание межрегиональных отраслевых кластеров, представляющих собой сконцентрированные по территориальному принципу группы по-разному взаимодействующих предприятий, технологических и образовательных структур, организаций, которые реализуют собственные цели повышения конкурентоспособности собственных товаров и услуг с помощью создания и реализации высокотехнологичных продуктов. К тому же элементы кластерной политики прослеживаются в Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года [8].

Согласно данной Концепции в российском государстве предусмотрено создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал регионов, высокотехнологичных и инновационных кластеров. Примерами подобных кластеров могут служить инновационный территориальный кластер «Зеленоград», кластер «Медицинская промышленность, новая химия и биотех», промышленный кластер «Фрязино», Сколково, в составе которого находятся кластер биомедицинских технологий, кластер энергоэффективных технологий, кластер информационных и компьютерных технологий, кластер космических технологий и телекоммуникаций, кластер ядерных технологий. Целесообразно, на наш взгляд, указать ряд преимуществ межрегиональных кластеров:

1. Возможность объединения ресурсов субъектов кластеризации для достижения наибольшего результата функционирования.
2. Возможность ухода от конкурентной борьбы между участниками кластера и переход к взаимному сотрудничеству и взаимопомощи (стратегия win-win).
3. Способность быстро и гибко реагировать на изменения внешней среды за счет того, что

конечный потребитель является участником кластера.

4. Быстрая, своевременная переквалификация персонала, задействованного в кластере, на смежные профессии и направления работы.
5. Возможность активного внедрения информационных технологий [12].

Среди приоритетных направлений кластеризации регионов — разработка и внедрение привлекательных проектов для инвесторов, а также включение в кластер предприятий из смежных отраслей экономики для повышения его конкурентоспособности. В целях привлечения инвестиций в межрегиональные кластеры следует обратить внимание на следующие рекомендации:

- создать площадку для привлечения инвестиций, которая будет полностью оснащена необходимой инфраструктурой;
- предотвратить отток населения (особенно высококвалифицированных кадров);
- ликвидировать территориальные различия в развитии регионов;
- создать эффективную систему государственной поддержки инновационной деятельности на территории межрегионального кластера;
- разработать нормативно-правовую документацию для поддержания развития участников кластера;
- обеспечить PR для привлечения инвестиций из различных источников;
- проводить постоянный мониторинг функционирования регионов с целью установления наиболее успешного опыта развития [13; 14].

В 2008 г. на государственном уровне приняты «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации» [15]. В соответствии

с данным документом развитие кластерной политики в нашей стране позволит интенсифицировать рост экономики, диверсифицировать ее за счет роста конкурентоспособности предприятий, поставщиков, научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих кластеры.

Особенность функционирования региональной экономики заключается в том, что ее работа осуществляется одновременно на мезо- и макроуровне. На мезоуровне функционируют региональные предприятия, регулируются нормы хозяйствования в данном регионе, определяется наличие материальных ресурсов, уровень развития инфраструктуры. Региональные предприятия принимают участие в финансово-кредитных отношениях, тем самым пополняя местный бюджет. На макроуровне происходит формирование социально-экономической политики, устанавливаются связи между федеральным центром и представителями региональных властей, взаимодействие между регионами, в том числе и в кластерной форме.

Таким образом, элементами механизма функционирования РЭС являются производственно-экономический и социально-экономический комплексы, бюджетно-финансовая сфера. Межрегиональное взаимодействие выступает в качестве эффективного способа сотрудничества регионов, в процессе которого достигаются максимальные социально-экономические результаты функционирования административно-территориальных единиц. К наиболее эффективным формам сотрудничества регионов относятся межотраслевое взаимодействие и межрегиональные отраслевые кластеры.

Литература

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 24.11.2019).
2. Бадоев С. Х. Региональная экономическая система как сфера формирования системы экономических тенденций // TERRA ECONOMICUS. 2013. Т. 11. № 1–2. С. 85–87.
3. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
4. Сахнов С. Н., Сафронов А. Е. Факторы функционирования отраслей в национальной и региональной экономике // Российское предпринимательство. 2012. № 23. С. 4–9.
5. Идзиев Г. И. Особенности управления экономикой на региональном уровне // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 44. С. 46–52.
6. Лаврова А. В. Устойчивое развитие промышленности: межотраслевое взаимодействие и занятость // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. Ч. 5. С. 1047–1051.
7. Николаев М. А., Махотаева М. Ю. Методологические аспекты межрегионального взаимодействия субъектов Российской Федерации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 2-2. С. 53–60.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.12.2019).
9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 02.12.2019).
10. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902317621> (дата обращения: 02.12.2019).
 11. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 1757-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902307636> (дата обращения: 02.12.2019).
 12. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А. Межрегиональное отраслевое взаимодействие Псковской области: кластерный подход // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 7. С. 32–45. DOI: 10.22412/1995-042X-11-7-3
 13. Рахимова Ю. Ф. Основные направления межрегионального экономического взаимодействия в условиях трансформации экономики России на инновационные стратегии развития [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 663. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17059> (дата обращения: 10.01.2020).
 14. Шабанова К. Р. Кластерный подход как основа инвестиционной стратегии региона // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 756–758.
 15. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации: утв. Минэкономразвития РФ 26 декабря 2008 г. № 20615-ак/д19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (дата обращения: 10.01.2020).

References

1. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2030. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (accessed on 24.11.2019) (In Russ.).
2. Badoev S. Kh. Regional economic system as a sphere of forming a system of economic trends. *Terra Economicus*. 2013;11(1-2):85-87. (In Russ.).
3. Granberg A. G. Fundamentals of regional economics. Moscow: NRU HSE; 2004. 495 p. (In Russ.).
4. Sakhnov S. N., Safronov A. E. Factors of the functioning of industries in the national and regional economy. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2012;(23):4-9. (In Russ.).
5. Idziev G. I. Features of economic management at the regional level. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2011;(44):46-52. (In Russ.).
6. Lavrova A. V. Sustainable industrial development: Intersectoral collaboration and employment. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2014;(12-5):1047-1051. (In Russ.).
7. Nikolaev M. A., Makhotaeva M. Yu. Methodological aspects of interregional interaction of the constituent entities of the Russian Federation. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2012;(2-2):53-60. (In Russ.).
8. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, subject to amendments introduced by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 02.12.2019). (In Russ.).
9. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020. Decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (accessed on 02.12.2019). (In Russ.).
10. On approval of the Strategy for socio-economic development of the North-West Federal District for the period until 2020. Decree of the Government of the Russian Federation of November 18, 2011 No. 2074-r. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902317621> (accessed on 02.12.2019). (In Russ.).
11. On approval of the Strategy for socio-economic development of the Ural Federal District until 2020. Decree of the Government of the Russian Federation of October 6, 2011 No. 1757-r. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902307636> (accessed on 02.12.2019). (In Russ.).
12. Makhotaeva M. Yu., Bakumenko O. A. Interregional industry interaction of the Pskov region: Cluster approach. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and Abroad*. 2017;11(7):32-45. (In Russ.). DOI: 10.22412/1995-042X-11-7-3
13. Rakhimova Yu. F. The main directions of interregional economic cooperation in the context of the transformation of the Russian economy into innovative development strategies. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2014;(6):663. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17059> (accessed on 10.01.2020). (In Russ.).
14. Shabanova K. R. The cluster approach as the basis of the region's investment strategy. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2015;(9):756-758. (In Russ.).
15. Guidelines for the implementation of cluster policy in the constituent entities of the Russian Federation. Approved by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on December 26, 2008 No. 20615-ак/д19. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (accessed on 10.01.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах

Евменов Александр Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13, Россия
(✉) e-mail: kafuesp@gukit.ru

Булочников Павел Андреевич

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13, Россия
(✉) e-mail: kafuesp@gukit.ru

Поступила в редакцию 11.02.2020
Подписана в печать 20.02.2020

Author information

Aleksandr D. Evmenov

Doctor of Economics Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Rector St. Petersburg State University of Film and Television
Pravdy Str. 13, St. Petersburg, 191119, Russia
(✉) e-mail: kafuesp@gukit.ru

Pavel A. Bulochnikov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Chair
St. Petersburg State University of Film and Television
Pravdy Str. 13, St. Petersburg, 191119, Russia
(✉) e-mail: kafuesp@gukit.ru

Received 11.02.2020
Accepted 20.02.2020

Научная и инновационная направленность в экономическом развитии регионов

Е. О. Бутова¹

¹ ООО «ТехноЭкспертСервис», Москва, Россия

Инновационный тип развития российской экономики требует разработки и реализации системной государственной политики, направленной на активизацию научной и инновационной деятельности в регионах, которая способствует развитию предпринимательства и технологий. Кроме того, она играет важную роль в обеспечении социально-экономического прогресса регионов и эффективности распределения доходов.

Цель. Изучить направления оптимизации научно-инновационной деятельности для социально-экономического развития регионов и выявить факторы, способствующие интенсификации инновационной деятельности на их территории.

Задачи. Провести корреляционный анализ между научным и экономическим развитием регионов с учетом таких факторов, как уровень образования населения, количество исследователей, занимающихся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (далее — НИОКР). Изучить состояние научно-инновационной деятельности и государственную политику по формированию научно-инновационного потенциала регионов.

Методология. Методологической базой исследования научно-инновационной направленности в экономическом развитии регионов послужили корреляционно-регрессионный анализ и абстрактно-логические методы.

Результаты. В статье обоснована роль научно-инновационной деятельности в экономическом развитии регионов. Выявлена положительная корреляция между экономическим ростом регионов и числом исследователей. Кроме того, установлена обратная связь между процессом развития науки и экономики, поскольку инновационная активность регионов существенно зависит от наличия накопленного научного потенциала территории. Эмпирически оценивается влияние инновационных факторов на экономический рост регионов и предлагаются направления по повышению эффективности региональной научно-инновационной системы.

Выводы. Проанализированы концентрации знаний как агломерации расходов на исследования и разработки, а также науку и технику. Это влечет за собой увеличение численности ученых и инженеров, научно-технических кадров инновационных предприятий в различных регионах России. Корреляционный анализ между научным и экономическим развитием регионов показал, что темпы роста ВРП на душу населения по числу исследователей статистически значимы, что обуславливает наличие ряда факторов этой зависимости: территориальной доступности высшего образования, объема расходов высших учебных заведений (далее — вуз) на инфраструктуру и услуги, расширения занятости, дополнительных доходов от студентов из других стран и регионов. Установлено, что эффективность региональных систем высшего образования и инновационной развитости приводит к позитивному влиянию на региональное экономическое развитие. Проведенный анализ показал, что политика в области инновационного развития ресурсных регионов должна базироваться на государственной поддержке, стимулирующей создание инноваций и укрепление научного потенциала.

Ключевые слова: наука, инновации, экономика, экономическое развитие регионов, регионы, экономический рост.

Для цитирования: Бутова Е. О. Научная и инновационная направленность в экономическом развитии регионов // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 2. С. 146–156. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-146-156>

Scientific and Innovative Aspects of Regional Economic Development

Е. О. Butova¹

¹ TechnoExpertService Ltd, Moscow, Russia

Innovation-driven development of the Russian economy requires a consistent national policy aimed at boosting scientific and innovative activity in the regions, which would facilitate the development of entrepreneurship and technology. It also plays an important role in ensuring the socio-economic progress of the regions and efficiency of income distribution.

Aim. The presented study aims to examine the potential directions for optimizing scientific and innovative activity in regional socio-economic development and to identify factors that facilitate the intensification of innovative activity in the regions.

Tasks. The authors conduct a correlation analysis between scientific and economic development of the regions with allowance for such factors as the level of education of the population and the number of researchers engaged in research and development (R&D). They also assess the current state of scientific and innovative activity and the national policy on the formation of the scientific and innovative potential of the regions.

Methods. The methodological basis of the study of the scientific and innovative aspects of regional economic development includes correlation-regression analysis and abstract logical methods.

Results. This study substantiates the role of scientific and innovative activity in regional economic development; determines a positive correlation between regional economic growth and the number of researchers; establishes an inverse correlation between scientific and economic development based on the dependence of innovative activity in the regions on the accumulated scientific potential; empirically assesses the impact of innovative factors on regional economic growth and proposes directions for improving the efficiency of the regional system of science and innovation.

Conclusions. Concentrations of knowledge are analyzed as agglomerations of expenses on research and development, science and technology. This leads to an increase in the number of scientists, engineers, scientific and technological personnel of innovative enterprises in various Russian regions. A correlation analysis between scientific and economic regional development shows that per-capita GRP growth rate by the number of researchers is statistically significant, which means there are several factors affecting this dependence: geographical accessibility of higher education, university expenses on infrastructure and services, job creation, additional revenue from students from other countries and regions. It is established that efficient regional higher education systems and innovative development have a positive effect on regional economic development. The conducted analysis shows that a policy on the innovative development of resource regions should be based on government support that would facilitate the creation of innovations and strengthening of scientific potential.

Keywords: *science, innovation, economy, regional economic development, regions, economic growth.*

For citation: Butova E.O. Specific Aspects of Functioning and Interaction of Regional Economic Systems. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 146-156 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-146-156>

В условиях глобализации и повышения конкурентоспособности экономическое развитие создает необходимость в формировании интеллектуального капитала на основе научно-инновационной деятельности регионов, который стал одним из самых востребованных ресурсов, что объясняется его способностью генерировать новые идеи и находить творческие подходы к существующим экономическим процессам.

Экономика инноваций определяется как совокупность экономической теории, которая априори утверждает, что экономическое развитие является результатом присвоения знаний, инноваций и предпринимательства, действующих в институциональной среде систем инноваций. Это отличает инновационную экономику от других отраслей экономики, включая основную неоклассическую теорию, которая рассматривает накопление капитала в качестве главного двигателя экономического развития, главным образом в форме экономического роста. В парадигме инновационной экономики функционирование социально-экономической системы создает требования к развитию науки и образования для формирования интеллектуального потенциала территорий.

Увеличение количества обучающихся в вузах и количества учебных заведений влечет за собой рост общих расходов на высшее образова-

ние как из государственных, так и из частных источников. Высшее образование как социальный императив ставит вопрос о том, как обосновать и оценить эффективность таких расходов. С этой точки зрения вопрос о влиянии высших учебных заведений на социально-экономическое развитие приобретает решающее значение, что предполагает положительный эффект их присутствия на развитии регионов, где они расположены [1]. В данном контексте попытка оценить экономический эффект высшего образования в России осложняется высоким уровнем социально-экономической, географической, культурной неоднородности регионов.

Влияние деятельности науки на рост валового регионального продукта (далее — ВРП) должно учитываться с особенностями регионального социально-экономического и пространственного развития: региональными характеристиками, особенностями вузов, объемами государственной поддержки научно-инновационной деятельности в регионе, территориальной доступности вузов, объемом их расходов на инфраструктуру и услуги, расширением занятости, дополнительными доходами от студентов из других стран и регионов. Следовательно, вузы можно рассматривать как полноценные экономические факторы, спо-

собствующие росту ВРП. При этом возможна отрицательная зависимость между средним расстоянием от каждого районного центра до ближайшего вуза и ростом ВРП.

В современных условиях представлено немало исследований, в которых вузы позиционируются как полноправные экономические субъекты и анализируются с точки зрения экономической эффективности [2–4]. Многие исследования описывают положительную взаимосвязь между развитием системы образования и экономическим ростом. Чаще всего в этих исследованиях сделан вывод о том, что развитие образования ведет к экономическому росту. На микроуровне такие доказательства могут быть получены с помощью показателей уровня доходов населения, которые в большинстве случаев обусловлены связью с уровнем образования [5]. На макроуровне исследования показывают положительную взаимосвязь между национальным человеческим капиталом и экономическим ростом [6].

Западные ученые [7] предполагают несколько факторов влияния вуза на ВРП: создание инновационных технологий, формирование человеческого капитала, передача ноу-хау, капиталовложения, региональное лидерство, влияние региона на окружающую среду, эффективность инфраструктуры экономики знаний. При этом человеческий капитал является основным объектом исследования, а один из наиболее популярных его показателей — средний возраст обучения населения [8]. Существует несколько работ, в которых авторы показывают существование пространственных макроэкономических факторов влияния науки на экономику российских регионов [9; 10].

Охват высшим образованием, характеризующий вузы как экономические субъекты и отражающий текущие экономические показатели региональной системы высшего образования, связан с темпами роста ВРП, поскольку вузы обеспечивают совокупные расходы в региональной экономике (за счет их закупок, заработной платы персонала, налогов), что приводит к более быстрому экономическому росту.

Территориальная доступность высшего образования положительно связана с темпами роста ВРП, поскольку в регионах с более высокой доступностью к высшему образованию люди чаще получают высшее образование, и, как следствие, качество человеческого капитала в этих регионах выше. Известно, что качество человеческого капитала положительно связано с темпами экономического роста. Кроме того, выявлены территориальные взаимодействия между регионами, в связи с чем возникает зависимость их расположений друг от друга и ВРП. Территории с высоким уровнем экономического развития, как правило, коррелируют

с такими же по уровню развития. Итак, некоторые регионы могут играть роль драйверов экономического развития и способствовать экономическому росту других регионов.

Различия в экономическом развитии регионов обуславливают и различия в процессе влияния высшего образования на экономический рост территорий. Это связано с тем, что существуют разные типы регионов (с разной структурой ВРП), и в некоторых из них более востребована рабочая сила с высшим образованием, в то время как в других рынок труда в большей степени ориентирован на людей с профессиональным образованием ввиду специфической структуры ВРП и преобладания конкретных отраслей в экономике регионов.

Инновационная деятельность, зависящая от развития науки в регионе, ориентирована на технологию, привлекая инвестиции, создающие накопление капитала [11]. Технологические инновации — это коммерческое внедрение через осязаемое вложение новых технических знаний, полученных из нематериальных инвестиций в научные или инженерные разработки, связанные с определенными исследованиями и разработками, или в ходе повседневной производственной и маркетинговой деятельности [12]. Технологические инновации требуют значительных материальных и нематериальных инвестиций, которые в совокупности позволяют инновационным предпринимателям создавать новые средства производства. Нематериальные инвестиции сосредоточены на научной организации управления человеческими ресурсами. Дуальность технологического и человеческого капитала имеет решающее значение для успеха реализации новых идей, формирует цепочку инновационной деятельности от НИОКР до создания прототипов, испытаний, новых объектов.

Инновационная политика должна быть активной и позитивной в отношении стимулирования экспериментального поведения, поддержки новых разработок, сосредоточения внимания на построении системы образования, ее расширения распространения, продвижения вузов, а также реализации ее грантов, налоговых льгот [13]. Можно, в частности, выделить успешные примеры по созданию региональных кластеров вокруг университетов и технопарков.

В России при наличии значительного разрыва между регионами по уровню информатизации и инновационной деятельности, за счет концентрации в семи–десяти субъектах 50–70 % ресурсов информационно-коммуникационного и инновационного развития, наблюдается тесная взаимосвязь показателей информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) и показателей развития на-

Показатели линейной корреляции (R^2) между параметрами научного развития и развития экономики регионов ЦФО в 2016 г.

	ВРП на душу населения
Относительное число исследователей	0,79
Относительное число исследователей и преподавателей вузов	0,84
Относительная научная продуктивность (WoS)	0,85

Таблица 2

Показатели линейной корреляции (R^2) между параметрами научного развития и развития экономики регионов ЦФО (кроме Москвы) в 2016 г.

	ВРП на душу населения
Относительное число исследователей	0,35
Относительное число исследователей и преподавателей вузов	0,30
Относительная научная продуктивность (WoS)	0,0008

уки и инноваций [14]. Данная связь выражена в отношении регионов с высоким уровнем информатизации. Наиболее сильное воздействие показатели развития ИКТ оказывают на численность персонала, занятого исследованиями и разработками, внутренние затраты на исследования и разработки (далее — ВЗИР) и объем инновационных товаров и услуг.

Взаимосвязь образования и инновационной экономики переплетается с общей ориентированностью экономики на инновации. Так, система тайваньского образования не имеет вековых традиций, характерных для российской образовательной системы, но тесно и эффективно связана с экономикой, обеспечивая ее инновационной производительностью [15]. Длительный период внедрения инноваций и ориентированность их на государственные интересы тормозит развитие инновационной экономики в России, что создает необходимость усиления международного научно-технического и образовательного сотрудничества для развития отечественной науки и образования.

Высокий уровень развития науки, на основе которой разрабатываются и реализуются инновационные разработки, характеризует экономический рост регионов. По данным Росстата, затраты на научные исследования и разработки по итогам 2018 г. в России возросли незначительно по сравнению с прошлым годом (на 1 %), составив долю в ВВП, равную приблизительно 1,1 %, что является низким показателем по сравнению с развитыми странами. По данным за 2018 г., лидерами рейтинга по науке и технологиям стали Москва, Санкт-Петербург и Республика Татарстан.

Центральный федеральный округ (далее — ЦФО) характеризуется наличием мощнейшего центра науки, образования и инноваций — Москвой, имеющей заметно большие показатели научно-инновационного и экономического развития по сравнению с остальными реги-

онами ЦФО. Показатели корреляции между научным и экономическим развитием ЦФО будут в значительной степени определяться наличием в выборке такого центра, как показано в таблице 1.

При исключении Москвы из выборки показатели несколько изменятся, как видно из таблицы 2.

Таким образом, результат анализа взаимодействия научного развития и развития экономики регионов ЦФО отражает положительную корреляцию между ростом экономики и числом исследователей. Вместе с тем аналогичная корреляция между научной продуктивностью и уровнем экономики отсутствует. Однако возможна обратная связь, поскольку допустима мысль о том, что экономическое развитие региона способствует развитию системы образования. В итоге возникает идея, связанная с тем, что более совершенная система образования способствует экономическому развитию [16] и наоборот: эффективно функционирующие вузы, как правило, появляются в более экономически развитых регионах.

Научную привлекательность развития региона возможно создать путем привлечения кадров из-за рубежа и других регионов для их управления, а также экспертно-аналитического обеспечения такого управления. Концентрация научных кадров в основном сосредоточена в ЦФО, в частности в Москве, что отражает трудности для социально-экономического развития страны в целом. Ввиду невозможности валового увеличения численности ученых из-за естественных демографических процессов необходимы меры по развитию международного научно-технического сотрудничества с постсоветским пространством для привлечения талантливых научных кадров. Кроме того, создается необходимость увеличения маятниковой миграции ученых и перспективных в науке талантов. Примером такого проекта

может стать проект «Вернадский» МГУ имени М. В. Ломоносова. Перспективно повышение уровня мониторинга и прогнозирования региональной ситуации, а также использование цифровизации и интернетизации в регионах.

Устойчивость развития российских регионов связана, прежде всего, с развитием инноваций, то есть количеством и продуктивностью исследователей, активностью предпринимателей, эффективностью государственной политики и промышленности, которая должна внедрять инновационные технологии и, соответственно, производить продукцию, конкурентоспособную на мировых рынках. Это зависит и от эффективной государственной стратегии, учитывающей текущие показатели региона и его способность конкурировать в современных условиях. Инновационные меры направлены на мотивацию всех этих участников, способы их взаимодействия и сотрудничества друг с другом, применяющиеся для решения социально-экономических или в большей степени экологических проблем.

Измеримый результат государственного вмешательства в инновационную деятельность развития регионов может отражаться в новых продажах инновационного продукта, снижении затрат на технологические процессы или повышении производительности труда. Субъекты предпринимательства в свою очередь могут привлекать новых партнеров, осуществлять инновационную деятельность совместно с вузами, приобретать и распространять новые технологии, поощрять инвесторов вкладывать средства в более рискованные инновационные предприятия, повышать осведомленность молодежи о карьере в области науки, техники и инноваций, чтобы обеспечить в будущем приток квалифицированных кадров.

В стратегических документах регионов ЦФО наука и научное развитие как основа социально-экономического благополучия должна играть заметную роль, поскольку ЦФО — важнейший промышленный и наиболее населенный округ России, в котором сконцентрирован большой инновационный потенциал региона. В других городах государственное воздействие на научно-инновационную направленность также отражается в утвержденных и действующих стратегиях социально-экономического развития.

В Стратегии социально-экономического развития Белгородской области отмечается, что доля затрат на развитие научных исследований и разработок в общих затратах на производство ВРП по-прежнему очень мала. Однако в целях поддержки научно-инновационного потенциала создаются условия для реализации интеграционных проектов инновационного развития, объединяющие науку и образование,

интересы бизнес-единиц и мер государственной поддержки [17].

Раздел «Наука, инновации и высшее образование» представлен в Стратегии социально-экономического развития Орловской области до 2035 года. Научные исследования и разработки в Орловской области осуществляют 18 предприятий и организаций (семь научно-исследовательских организаций, девять образовательных организаций высшего образования, две промышленные организации), из которых 12 расположены в городе Орле, что, соответственно, повлекло за собой выделение 80,2 % общего объема затрат. При этом основным источником финансирования научно-инновационной деятельности служат средства федерального бюджета (74,6 %). В основе Стратегии — ее обращение к программам и другим документам ключевых организаций области, в том числе научно-образовательных (в частности Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева). Отмечается, что Орловская область — один из самых «студенческих» регионов страны. В рамках реализации задачи по развитию научно-инновационной сферы этого региона предполагается к 2035 г. увеличить число инновационно-активных организаций от 24 до 37, долю инновационной продукции в общем объеме продукции обрабатывающих производств — от 1,4 до 4 %. Число организаций, выполняющих исследовательские разработки, составляет от 18 до 22, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации — от 4,8 до 9,3 %, наконец, ежегодное число патентов и свидетельств на изобретения — от 57 до 115. Однако в документе не упоминается о количестве исследователей и научной продуктивности.

Правительство Ярославской области приняло 6 марта 2014 г. постановление № 188-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 года» [18], которое отражает существующее несоответствие научных исследований целям и задачам регионального развития, особенно в промышленности и производстве, а также слабый учет традиционными институтами образования и культуры актуальных образовательных и социально-культурных процессов. Предлагается следующий стратегический ориентир научно-инновационного развития, а именно: увеличение объема отгрузки инновационной продукции от 22,5 млрд руб. в 2015 г. до 75,7 млрд руб. в 2025 г.

Развитым в инновационном отношении регионом является Калужская область. 21 ноября 2007 г. Правительство региона приняло постановление № 302 «О концепции инновационного развития Калужской области» [19]. Реализация данной Концепции заключается

в скоординированной деятельности заинтересованных организаций, представляющих различные сферы: власть, науку, образование, бизнес, некоммерческий сектор и осуществлении собственных инициативных проектов и мероприятий.

Тверская область приняла государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика Тверской области» на 2018–2023 годы (с изменениями на 5 марта 2019 г.) [20], содержащую подпрограмму «Государственная поддержка предпринимательской и инновационной деятельности в Тверской области». Две задачи указанных выше документов непосредственно относятся к науке и инновациям: развитие науки и инновационной деятельности в Тверской области, содействие развитию науки и инновационной деятельности в Тверской области. Предполагается увеличить долю внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте от 1,59 до 1,77 % и долю продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте до 27,6 %. Количество организаций (38), выполняющих инновационные разработки, увеличивать не предполагается. Планируется поддержка молодых ученых, проведение конкурса фундаментальных работ.

Правительство Ивановской области утвердило государственную программу «Экономическое развитие и инновационная экономика Ивановской области» от 13 ноября 2013 г. № 459-п (с изменениями на 4 февраля 2019 г.). В программе содержатся подпрограммы «Фундаментальные научные исследования», «Кадры для инновационной экономики». Упомянуты даже научные российские фонды фундаментальных исследований и гуманитарного научного фонда, реализующие финансирование исследований в рамках региональных проектов в области 3,5 млн и 350 тыс. руб. соответственно. Общий объем финансирования подпрограммы «Фундаментальные научные исследования» на 2014–2024 гг. составляет 7 750 тыс. руб. Предполагается реализовать до 22 проектов, и только половина финансирования будет осуществляться из бюджета региона.

В рамках действующей Программы социально-экономического развития Рязанской области планируется создание благоприятных условий, способствующих активизации научно-технической и инновационной деятельности, ее популяризации и государственная поддержка научно-технической и инновационной деятельности. Финансирование подпрограммы «Научно-техническое и инновационное развитие» из регионального бюджета предусмотрено в следующих объемах: на 2019-й г. — 110 965 тыс. руб., 2020-й г. — 6 465 тыс.

руб., 2021-й г. — 6 465 тыс. руб., 2022-й г. — 6 465 тыс. руб., 2023-й г. — 6 465 тыс. руб. Речь идет о годовом финансировании науки в интересах региона в объеме одного крупного гранта Российского научного фонда.

24 сентября 2013 г. администрация Тамбовской области утвердила государственную программу Тамбовской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» [21]. Этот регион имеет и программу инновационного развития, и Стратегию социально-экономического развития до 2035 года, что является редкостью сравнительных периодов среди регионов не только ЦФО, но и России в целом. В частности, предполагается совершенствовать Стратегическое планирование и программно-целевое планирование развития региона.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Владимирской области, до 2030 г. [22] предполагается, что внутренние затраты на исследования и разработки вырастут от 1,2 до 2 %, изобретательская активность — от 1,6 до 3,4 %, а инновационная активность организаций — от 12,8 до 27,8 %.

В Стратегии социально-экономического развития Смоленской области до 2030 года [23], утвержденной постановлением администрации Смоленской области в 2018 г., отражены ведущие направления развития научно-инновационной сферы, а именно: развитие отраслей наукоемкой экономики и создание высокотехнологичных производств. В ходе разработки Стратегии в качестве приоритетных отраслевых секторов экономики выделены агропищевой кластер, включающий в себя сельское хозяйство и пищевую промышленность; транспортно-логистический кластер; машиностроительный кластер. На 2030 г. предполагается достичь таких результатов, чтобы доля Смоленской области на российском рынке высокотехнологичных товаров и услуг составила не менее 2 %, чтобы произошло увеличение затрат на исследования и разработки за счет внебюджетных средств.

Значительным научно-инновационным потенциалом обладает Тульская область. В рамках Программы на основе постановления «Об утверждении государственной программы “Развитие промышленности в Тульской области”» имеется подпрограмма «Развитие научной и инновационной деятельности» [1]. Помимо премий и грантов в число показателей программы входят ВЗИР (увеличение до 11,03 млрд руб. к 2024 г.), доля исследователей младше 39 лет (предполагается их рост до 50,4 %), увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации (на 50 % к 2024 г. в сравнении с 2015 г.). Планируется увеличение количества работ (от 118

до 155 единиц к концу 2024 г.), заявленных на соискание грантов и премий Тульской области в сфере науки и техники, а также грантов в сфере фундаментальных научных исследований; присуждение грантов правительства Тульской области в сфере науки и техники за период реализации программы в объеме 27,0 млн руб.; присуждение премий Тульской области в сфере науки и техники за период реализации программы в объеме 9,0 млн руб.; присуждение грантов в сфере фундаментальных научных исследований за счет средств бюджета Тульской области за период реализации программы в объеме 53,5 млн руб.; обеспечение суммарной стоимости научно-исследовательских разработок (далее — НИР), выполненных для государственных нужд Тульской области, за период реализации программы в объеме 43,8 млн руб. Предусмотрены и мероприятия под общим названием «Стимулирование взаимодействия хозяйствующих субъектов и научных организаций», на реализацию которых планируется расходовать из бюджета от трех до девяти миллионов рублей в год.

В Курской области научно-инновационная деятельность основана на реализации государственной программы «Развитие экономики и внешних связей Курской области» [24], в задачи которой входит развитие торгово-экономического, научно-технического, гуманитарно-культурного и трансграничного сотрудничества с зарубежными странами, расширение сотрудничества с регионами РФ во всех сферах деятельности. Наблюдается недостаточное использование одного из основных ресурсов области — научно-технического и интеллектуального потенциала. Однако предполагается снизить удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации обрабатывающего комплекса, от 17 до 9,5 %.

В Стратегии социально-экономического развития Воронежской области [25] установлено, что по численности докторов наук, преподающих в образовательных организациях высшего образования, Воронежская область занимает пятое место в ЦФО, уступая Москве, Московской, Калужской, Ярославской областям. Данная область обладает сетью научно-исследовательских и образовательных организаций, обеспечивающих проведение фундаментальных исследований и прикладных разработок в сферах инновационных технологий и современных технических систем. По численности аспирантов этот регион занимает 3-е место в ЦФО и 15-е место в общероссийском рейтинге, докторантов — соответственно 3-е и 13-е места. Доля аспирантов в рассматриваемом регионе составляет 35,6 % от общего количества аспирантов в регионах Центрально-Черноземного района (далее — ЦЧР). Занимая

лидирующее место в ЦФО по основным характеристикам образовательного и инновационного потенциалов, Воронежская область заметно отстает от регионов, являющихся лидерами по уровню его использования: по удельному весу инновационной продукции она занимает 11-е место, по показателю инновационной активности организаций — 5-е место, по числу используемых передовых производственных технологий — 10-е место в ЦФО [26]. О слабой реализации инновационного потенциала Воронежской области свидетельствует и низкое значение показателя «доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП», который в 2016 г. составил 19 % [27].

Стратегия предполагает превращение Воронежской области в ведущий инновационно-технологический и научно-образовательный центр ЦФО. Один из механизмов реализации данной Стратегии — развитие межрегиональной производственной кооперации, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с другими субъектами РФ, создание грантов органов власти на реализацию проектов в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и профессиональной подготовки кадров, владеющих современными компетенциями менеджера инновационного производства.

Ожидаются следующие результаты реализации Стратегии, имеющие отношение к науке и инновациям:

- увеличение доли объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг не менее чем до 20 %;
- увеличение доли инновационно-активных организаций не менее чем до 30 %;
- повышение уровня коммерциализации инновационных разработок области, увеличение количества используемых передовых производственных технологий на предприятиях Воронежской области не менее чем в два раза;
- функционирование не менее пяти центров поддержки технологий и инноваций (далее — ЦПТИ) на территории Воронежской области;
- формирование сетевой инфраструктуры поддержки инноваций в реальном секторе экономики;
- повышение эффективности деятельности в сфере промышленного инжиниринга, способствующей развитию, модернизации и внедрению новых технологий, адаптации научных разработок для промышленного производства;
- рост количества молодежи и предпринимателей, вовлеченных в инновационный процесс;
- рост уровня инновационной культуры в предпринимательской среде и у населения Воронежской области;

- формирование единого информационного пространства в сфере осуществления инновационной деятельности в сети Интернет.

Ведущим благоприятным фактором развития системы образования в регионе является функционирование на территории регионального центра сети научно-исследовательских и образовательных учреждений, обеспечивающих проведение фундаментальных исследований и прикладных разработок в сферах инновационных технологий и современных технических систем. Так, в 3 759 организациях числится около 700 докторов и более 3 000 кандидатов наук. Ежегодно субъекты инновационной деятельности города завершают научно-исследовательские работы по 80–100 темам.

Среди наиболее действенных мер по развитию научно-инновационной деятельности в регионе предусмотрена трансформация Воронежского государственного университета в центр инновационного, социального и технологического развития Воронежской области. Кроме того, предполагается создание регионального центра наукоемких технологий и социально значимых проектов на базе Воронежского государственного технического университета (из федерального бюджета на эти цели выделено 95 млн руб., а сумма внебюджетных источников — 14,25 млн руб. на 2018–2020 гг.). В рамках Инновационного развития экономики и социальной сферы запланировано создание Регионального центра инжиниринга Воронежской области, Межвузовского инжинирингового центра, Центра компетенций в сфере постгеномных технологий, Регионального проектного центра экспертизы и сопровождения высокотехнологичных проектов, Инжинирингового центра технологической платформы «SMART».

Таким образом, в каждом регионе принята своя Стратегия научно-инновационной направленности в развитии территории, основанная на влиянии различных факторов, как правило, в зависимости от уровня ее экономической устойчивости. В связи с чем формируются различные формы и направления мотивации ин-

новационной активности, различный бюджет в рамках реализации Стратегии, связанный с количеством вузов и организаций, занимающихся научно-инновационными разработками, количеством сотрудников, занятых в этой области.

Эластичность темпов роста ВРП на душу населения по территориальной доступности высшего образования статистически значима и отрицательна с учетом общей площади региона, плотности населения и доли городских жителей в общей численности населения. Являясь частью инфраструктурной системы, регионы не изолированы и играют важную роль в развитии соседей, что следует учитывать при анализе влияния вузов и исследовательских центров на экономический рост на региональном уровне. Политическое регулирование касается чаще всего вопросов развития региональных сетей высшего образования и науки в целом. При этом вузы можно рассматривать как полноправные экономические субъекты, вносящие позитивный вклад в рост ВРП. Поэтому развитие региональных систем высшего образования положительно скажется на экономическом развитии региона. С точки зрения политических вмешательств в научно-инновационную деятельность важно, чтобы при реализации политики реструктуризации региональных систем высшего образования учитывалась структура региональной экономики. В частности, слияние вузов с последующим сокращением штата может привести к существенным негативным последствиям для менее развитых регионов с более высокой долей государственного сектора в ВРП.

Результаты проведенной работы позволяют определить направления дальнейших исследований. Так, необходим анализ пространственных показателей охвата высшего образования. Следует установить, будет ли развитие высшего образования и повышение территориальной доступности благоприятствовать региональному экономическому развитию, выявить его особенности и сформулировать более точные рекомендации.

Литература

1. Об утверждении государственной программы Тульской области «Развитие промышленности в Тульской области»: постановление Правительства Тульской области от 23 июля 2015 г. № 343 (с изм. на 29 марта 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/430504358> (дата обращения: 09.09.2019).
2. Agasisti T. Performance and Sending Efficiency in Higher Education: a European Comparison Through Non-parametric Approaches // *Education Economics*. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 199–224. DOI: 10.1080/09645290903094174
3. Agasisti T., Johnes G. Heterogeneity and the Evaluation of Efficiency: the Case of Italian Universities // *Applied Economics*. 2010. Vol. 42. No. 11. P. 1365–1375. DOI: 10.1080/00036840701721463
4. Hanushek E. A. Will More Higher Education Improve Economic Growth? // *Oxford Review of Economic Policy*. 2016. Vol. 32. No. 4. P. 538–552. DOI: 10.1093/oxrep/grw025
5. Piras G. sphet: Spatial Models with Heteroskedastic Innovations in R. *Journal of Statistical Software*. 2010. Vol. 35. No. 1. P. 1–21. DOI: 10.18637/jss.v035.i01

6. Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence // The Journal of Political Economy. 1992. Vol. 100. No. 2. P. 223–251. DOI:10.1086/261816
7. Goldstein H. A., Maier G., Luger M. I. The University as an Instrument for Economic and Business Development: U. S. and European Comparisons // Emerging Patterns of Social Demand and University Reform: Through a Glass Darkly / eds. D. D. Dill, B. Sporn. Oxford, Tarrytown, N. Y.: Pergamon Press, 1995. P. 105–133.
8. Hanushek E. A., Woessmann L. Do Better Schools Lead to More Growth? Cognitive Skills, Economic Outcomes and Causation // Journal of Economic Growth. 2012. Vol. 17. No. 4. P. 267–321. DOI: 10.1007/s10887-012-9081-x]
9. Belenzon S., Schankerman M. Spreading the Word: Geography, Policy and Knowledge Spillovers // Review of Economics and Statistics. 2013. Vol. 95. No. 3. P. 884–903. DOI: 10.1162/REST_a_00334
10. Демидова О. А., Иванов Д. С. Модели экономического роста с неоднородными пространственными эффектами (на примере российских регионов) // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20, № 1. С. 52–75.
11. Verspagen B. Uneven Growth between Interdependent Economies: A Evolutionary View on Technology Gaps, Trade and Growth. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd, 1993. 296 p.
12. Sahal D. Patterns of Technological Innovation. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing, 1981. 381 p.
13. Smith K. Innovation as a Systemic Phenomenon: Rethinking the Role of Policy // Enterprise and Innovation Management Studies. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 73–102. DOI: 10.1080/146324400363536
14. Магомедгаджиев Ш. М. Оценка влияния информационно-коммуникационных технологий на показатели инновационной деятельности регионов России с помощью методов корреляционно-регрессионного анализа // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. Ч. 4. С. 820–824.
15. Ручин В. А., Смолина Е. С. Эффективность науки и образования в контексте глобального образовательного пространства: региональный аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 1 (60). С. 62–69.
16. Kapoor M., Kelejian H., Prucha I. Panel Data Model With Spatially Correlated Error Components // Journal of Econometrics. 2007. Vol. 140. No. 1. P. 97–130. DOI: 10.1016/j.jeconom.2006.09.004
17. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года: постановление Правительства Белгородской области от 25 января 2010 г. № 27-пп (с изм. на 25 марта 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/428596289> (дата обращения: 09.09.2019).
18. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области на период до 2025 года: постановление Правительства Ярославской области от 6 марта 2014 г. № 188-пп (с изм. на 23 октября 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/412703993> (дата обращения: 09.09.2019).
19. О концепции инновационного развития Калужской области: постановление Правительства Калужской области от 21 ноября 2007 г. № 302. URL: <https://base.garant.ru/15910286/>. (дата обращения: 09.09.2019).
20. О государственной программе Тверской области «Экономическое развитие и инновационная экономика Тверской области» на 2018–2023 годы: постановление Правительства Тверской области от 29 декабря 2017 г. № 467-пп (с изм. на 25 октября 2019 г.). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=117246513&page=1&rdk=7 (дата обращения: 09.09.2019).
21. Об утверждении государственной программы Тамбовской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2014–2020 годы: постановление Администрации Тамбовской области от 24 сентября 2013 г. № 1057 (с изм. на 20 ноября 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/467400667> (дата обращения: 29.11.2019).
22. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года: указ губернатора Владимирской области от 2 июня 2009 г. № 10 (с изм. на 21 сентября 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/965014297> (дата обращения: 09.09.2019).
23. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Смоленской области до 2030 года: постановление Администрации Смоленской области от 29 декабря 2018 г. № 981. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553122332> (дата обращения: 09.09.2019).
24. Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие экономики и внешних связей Курской области»: постановление Администрации Курской области от 24 октября 2013 г. № 774-па (с изм. на 5 сентября 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/463602736> (дата обращения: 09.09.2019).
25. О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года»: закон Воронежской области от 20 декабря 2018 г. № 168-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550300779> (дата обращения: 13.09.2019).
26. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]: стат. сборник. 2017 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 13.09.2019).
27. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВПИ. URL: <https://www.gks.ru/folder/11186?print=1> (дата обращения: 13.09.2019).

References

1. On approval of the state program of the Tula region "Industrial Development in the Tula Region". Decree of the Government of the Tula Region dated July 23, 2015 No. 343 (as amended on March 29, 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/430504358> (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
2. Agasisti T. Performance and sending efficiency in higher education: A European comparison through non-parametric approaches. *Education Economics*. 2011;19(2):199-224. DOI: 10.1080/09645290903094174
3. Agasisti T., Johnes G. Heterogeneity and the evaluation of efficiency: The case of Italian universities. *Applied Economics*. 2010;42(11):1365-1375. DOI: 10.1080/00036840701721463
4. Hanushek E.A. Will more higher education improve economic growth? *Oxford Review of Economic Policy*. 2016;32(4):538-552. DOI: 10.1093/oxrep/grw025
5. Piras G. sphet: Spatial models with heteroskedastic innovations in R. *Journal of Statistical Software*. 2010;35(1):1-21. DOI: 10.18637/jss.v035.i01
6. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Convergence. *The Journal of Political Economy*. 1992;100(2):223-251. DOI: 10.1086/261816
7. Goldstein H.A., Maier G., Luger M.I. The university as an instrument for economic and business development: US and European comparisons. In: Dill D.D., Sporn B., eds. *Emerging patterns of social demand and university reform: Through a glass darkly*. Oxford, Tarrytown, NY: Pergamon Press; 1995:105-133.
8. Hanushek E.A., Woessmann L. Do better schools lead to more growth? Cognitive skills, economic outcomes and causation. *Journal of Economic Growth*. 2012;17(4):267-321. DOI: 10.1007/s10887-012-9081-x
9. Belenzon S., Schankerman M. Spreading the word: Geography, policy and knowledge spillovers. *The Review of Economics and Statistics*. 2013;95(3):884-903. DOI: 10.1162/REST_a_00334
10. Demidova O., Ivanov D. Models of economic growth with heterogenous spatial effects: The case of Russian regions. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = The HSE Economic Journal*. 2016;20(1):52-75. (In Russ.).
11. Verspagen B. Uneven growth between interdependent economies: A evolutionary view on technology gaps, trade and growth. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd; 1993. 296 p.
12. Sahal D. Patterns of technological innovation. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing; 1981. 381 p.
13. Smith K. Innovation as a systemic phenomenon: Rethinking the role of policy. *Enterprise and Innovation Management Studies*. 2000;1(1):73-102. DOI: 10.1080/146324400363536
14. Magomedgadzhiev Sh.M. Assessing the impact of information and communication technologies on the indicators of innovation in the regions of Russia using the methods of correlation and regression analysis. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2014;(5-4):820-824. (In Russ.).
15. Ruchin V.A., Smolina E.S. The effectiveness of science and education in the context of the global educational space: A regional aspect. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2016;(1):62-69. (In Russ.).
16. Kapoor M., Kelejian H., Prucha I. Panel data model with spatially correlated error components. *Journal of Econometrics*. 2007;140(1):97-130. DOI: 10.1016/j.jeconom.2006.09.004
17. On approval of the Strategy for socio-economic development of the Belgorod region for the period until 2025. Decree of the Government of the Belgorod Region of January 25, 2010 No. 27-pp (as amended on March 25, 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/428596289> (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
18. On approval of the Strategy for socio-economic development of the Yaroslavl region for the period until 2025. Decree of the Government of the Yaroslavl Region dated March 6, 2014 No. 188-pp (as amended on October 23, 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/412703993> (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
19. On the concept of innovative development of the Kaluga region. Decree of the Government of the Kaluga Region of November 21, 2007 No. 302. URL: <https://base.garant.ru/15910286/>. (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
20. On the state programme for development of the Tver Region "Economic development and innovative economy of the Tver Region" for the period 2018-2023. Decree of the Government of the Tver region dated December 29, 2017 No. 467-pp (as amended on October 25, 2019). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=117246513&page=1&rdk=7 (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
21. On approval of the state program of the Tambov region "Economic development and innovative economy" for 2014-2020. Decree of the Administration of the Tambov Region dated September 24, 2013 No. 1057 (as amended on November 20, 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/467400667> (accessed on 29.11.2019). (In Russ.).
22. On approval of the Strategy for socio-economic development of the Vladimir region until 2030. Decree of the Governor of the Vladimir Region of June 2, 2009 No. 10 (as amended on September 21, 2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/965014297> (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
23. On approval of the Strategy for socio-economic development of the Smolensk region until 2030. Decree of the Administration of the Smolensk region of December 29, 2018 No. 981. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553122332> (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).

24. On approval of the state program of the Kursk region “Development of the economy and external relations of the Kursk region”. Resolution of the Administration of the Kursk Region dated October 24, 2013 No. 774-pas (as amended on September 5, 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/463602736> (accessed on 09.09.2019). (In Russ.).
25. On the Strategy of socio-economic development of the Voronezh region for the period until 2035. Law of the Voronezh Region dated December 20, 2018 No. 168-OZ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550300779> (accessed on 13.09.2019). (In Russ.).
26. Regions of Russia. Socio-economic indicators: Stat. coll. 2017. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (accessed on 13.09.2019). (In Russ.).
27. The share of high-tech and knowledge-intensive sectors of the economy in GRP. Federal State Statistics Service. URL: <https://www.gks.ru/folder/11186?print=1> (accessed on 13.09.2019). (In Russ.)

Сведения об авторах

Бутова Евгения Олеговна

HR-директор

ООО «ТехноЭкспертСервис»

127018, Москва, ул. Сущёвский Вал, д. 5, стр. 28,
Россия

(✉) e-mail: e.bezruchenkova@mail.ru

Поступила в редакцию 12.02.2020

Подписана в печать 21.02.2020

Author information

Evgeniya O. Butova

HR Director

TechnoExpertService Ltd

Bld. 28, 5 Sushchevskiy Val Srt., Moscow, 127018,
Russia

(✉) e-mail: e.bezruchenkova@mail.ru

Received 12.02.2020

Accepted 21.02.2020

О реализации проектов в рамках внедрения цифровых технологий: федеральный и региональный аспекты

Е. В. Ушакова¹, Е. В. Воронина¹, Е. В. Фугалевич¹, М. В. Михайлова²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

В 2017 г. цифровая революция вышла на новый виток в мировом масштабе, преодолев существенный рубеж. Каждый второй житель нашей планеты подключился к всемирной сети Интернет. Программа «Цифровая экономика», утвержденная Правительством РФ в июле 2017 г., направлена на решение амбициозных задач, которые продиктованы новыми требованиями к системе государственного управления, а также к организации и структуре государственного аппарата РФ. Миссия внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления должна заключаться в повышении его качества, в первую очередь качества государственных услуг и качества управления реализацией национальных проектов (программ), направленных на обеспечение экономического роста России.

Цель. Определить приоритетные сферы и направления государственного управления в рамках внедрения цифровых технологий на федеральном и региональном уровнях.

Задачи. Проранжировать уровни использования в субъектах и федеральных округах РФ потенциала цифровых технологий во всех аспектах народно-хозяйственной деятельности; выявить лидеров среди субъектов и федеральных округов РФ по применению цифровых технологий в сфере государственного управления.

Методология. В исследовании использованы общие методы научного познания и научный социологический количественный метод определения места территории в рейтинге субъектов и федеральных округов РФ по применению цифровых технологий в сфере государственного управления.

Результаты. Авторами статьи сделан вывод о том, что в вопросах реализации проектов в рамках внедрения цифровых технологий на федеральном уровне требуется тщательная детализация нормативно-правовых актов. Применительно к субъектам РФ определены факторы, оказывающие влияние на неравномерное развитие цифровизации, в частности из-за недостаточной квалификации кадров, дефицита финансирования проектов в регионах, цифрового неравенства и проблемы формирования новой регуляторной среды.

Выводы. Развитие цифровых технологий требует тесного взаимодействия государственных органов на всех уровнях исполнительной власти. Следует отметить, что методология формирования цифрового правительства сама по себе способствует созданию необходимых условий для решения народнохозяйственных задач, в частности задач стратегического планирования на базе единых цифровых информационных платформ. Данный аспект является первоочередным для развития отечественной экономики. Таким образом, цифровизация должна стать базой дальнейшего освоения государством принципа управления по результатам.

Ключевые слова: государственное управление, федеральные округа, регионы, цифровые технологии, цифровизация, цифровое государственное управление, цифровая экономика.

Для цитирования: Ушакова Е. В., Воронина Е. В., Фугалевич Е. В., Михайлова М. В. О реализации проектов в рамках внедрения цифровых технологий: федеральный и региональный аспекты // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 157–164. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-157-164>

Project Implementation in the Context of Digital Technologies: Federal and Regional Aspects

E. V. Ushakova¹, E. V. Voronina¹, E. V. Fugalevich¹, M. V. Mikhaylova²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

In 2017, the digital revolution reached a new global milestone: every second inhabitant of our planet was connected to the Internet. The Digital Economy Program approved by the Government of the

Russian Federation in July 2017 aims to address ambitious tasks dictated by new requirements to the public administration system and the organization and structure of the state apparatus of the Russian Federation. The mission of implementing digital technologies in public administration should involve improving the quality of the latter, primarily the quality of public services and management of the implementation of national projects (programs) aimed at ensuring Russia's economic growth.

Aim. The presented study aims to determine priority areas and directions of public administration in the context of the implementation of digital technologies at the federal and regional levels.

Tasks. The authors rank the constituent entities and federal districts of the Russian Federation by the extent to which the potential of digital technologies is realized in all aspects of national economic activity and identify the leading constituent entities and federal districts of the Russian Federation in terms of the implementation of digital technologies in public administration.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition and the scientific sociological quantitative method for ranking the constituent entities and federal districts of the Russian Federation in terms of the implementation of digital technologies in public administration.

Results. The authors conclude that regulatory and legal acts need to be specified at the federal level in matters of project implementation in the context of digital technologies. With respect to the constituent entities of the Russian Federation, the study identifies factors that affect the uneven development of digitalization, particularly the under-qualified staff, lack of project funding in regions, digital divide, and problems of creating a new regulatory environment.

Conclusions. The development of digital technologies requires close cooperation between public bodies across all levels of the executive branch. It should be noted that the methodology of forming a digital government itself facilitates the establishment of the necessary conditions for addressing national economic challenges, including those associated with strategic planning based on unified digital information platforms. This aspect is crucial for the development of the Russian economy. Thus, digitalization should lay the groundwork for the further implementation of results-based management by the government.

Keywords: *public administration, federal districts, regions, digital technologies, digitalization, digital public administration, digital economy.*

For citation: Ushakova E.V., Voronina E.V., Fugalevich E.V., Mikhaylova M.V. Project Implementation in the Context of Digital Technologies: Federal and Regional Aspects. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 157-164 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-1-157-164>

В современных условиях актуальной становится проблема повышения качества государственного управления. Не вызывает сомнения тот факт, что ее решение непосредственно связано с деятельностью органов власти и зависит от введения в практику современных и эффективных методов управления [1, с. 45].

Цифровизация государственного управления — общемировая тенденция. Сегодня мировая экономика вступила в новую фазу цифрового развития. Данная фаза определяется активной трансформацией институтов и механизмов государственного управления. За последние двадцать лет проблемы повышения качества и эффективности государственного управления стали важнейшими направлениями исследований. Полученные результаты таких исследований определяют основные принципы реформирования институтов гражданского общества и государственного управления.

К сожалению, наша страна пока не входит в число стран-лидеров в сфере развития цифровой экономики. Сегодня доля этого сектора составляет около 3,9 % ВВП страны. Это приблизительно в два–три раза ниже, чем у лидирующих стран. Но, несмотря на отставание, в России заметны и положительные тенден-

ции. Например, объем цифровой экономики в последние годы устойчиво растет. Только за 2011–2015 гг. на цифровую экономику пришлось 24 % общего прироста ВВП [2].

По оценке экспертной группы *Digital McKinsey*, российское государство имеет значительный потенциал и перспективы дальнейшего развития в рассматриваемой области. Так, к 2025 г. цифровизация экономики России может увеличить ВВП страны на 4,1–8,9 трлн руб., что составит 19–34 % от общего увеличения ВВП [3]. В мае 2018 г. вступил в силу Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В этом Указе поставлены цели, которые необходимо выполнить правительству страны в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В их числе — ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа; обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

В связи с этим одной из приоритетных задач следует признать внедрение цифровых тех-

нологий и платформенных решений в сфере государственного управления и оказания государственных услуг. Для достижения поставленных целей и решения задач их реализации Правительством РФ разработан федеральный проект «Цифровое государственное управление», входящий в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». С момента инициации национальных проектов прошло больше года, а прошедший 2019 год формально является первым годом их полноценной реализации. Однако ввиду разных причин пока рано говорить о том, что процесс реализации национальных проектов запущен в полной мере. Об этом свидетельствуют показатели их исполнения. Так, по данным Счетной палаты РФ, уровень исполнения расходов федерального бюджета на национальные проекты за первое полугодие 2019 г. составил 32,4 % (0,56 трлн руб.), а в среднем по бюджету исполнение составляет 42,5 % [4].

Расходы на программу «Цифровая экономика» профинансированы всего на 8,3 % [5]. Причем из 27 задач на первое полугодие выполнено всего 12. Проектный офис программы «Цифровая экономика» такое низкое исполнение объясняет тем, что на текущем этапе принимаются новые правовые акты, необходимые для реализации национального проекта. Они требуют большого количества согласований. После принятия этих актов бюджетные деньги будут расходоваться быстрее.

Не вызывает сомнения тот факт, что активное применение новых электронных платформ и цифровых технологий создает все необходимые условия для последующей трансформации функций государственного управления и, как следствие, развития институциональных форм. Такая трансформация позволит в ближайшее время обеспечить более эффективное взаимодействие между органами государственной власти и обществом. Но стоит отметить тот факт, что достижение согласия в рамках определения стратегических направлений и целей выбранной обществом модели социально-экономического развития обязательно должно базироваться на фундаментальном понимании роли, задач и функций трех взаимосвязанных элементов: государства, бизнеса и общества.

В 2018 г. представлена Концепция цифровизации государственного управления на 2018–2024 гг. — «Сервисное государство 2.0». Данная модель «сервисного государства» направлена на комплексное решение жизненно важных ситуаций граждан. Такое решение может быть достигнуто на основании автоматизированных бизнес-процессов, которые носят название «суперсервисы». В рамках этой модели будет минимизировано участие чиновников в принятии решений по оказанию

услуг, будут исключены документы на бумажных носителях, как в самом процессе оказания услуг, так и между ведомствами. Представленная концепция «сервисного государства» версии 2.0 укладывается в федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика РФ» [6, с. 176].

Не остаются в стороне от внедрения технологий цифрового управления и регионы. Программы цифровизации регионов и ведущие направления стратегического развития задаются федеральным центром. Основными задачами цифровизации регионов являются, прежде всего, повышение эффективности деятельности органов государственной власти за счет цифровизации государственного управления и приоритетных отраслей экономики, создание устойчивой и безопасной информационной инфраструктуры, а также обеспечение подготовки квалифицированных кадров.

На базе Центра финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково» была представлена полная версия рейтинга «Цифровая Россия» по 85 субъектам РФ за первое полугодие 2018 г. По нашему мнению, индекс цифровизации отражает состояние процессов цифровизации в регионах России. Что под этим понимается? Речь идет об уровне использования в отдельно взятом регионе потенциала цифровых технологий во всех аспектах народно-хозяйственной деятельности, бизнес-процессах, сервисах, продуктах, а также подходах к принятию решений. Эти решения направлены на модернизацию социально-экономической инфраструктуры регионов страны с учетом официальных открытых источников (сайтов муниципалитетов, официальных документов и др.), а также наиболее популярных СМИ.

Определение индекса осуществлялось по 100-бальной шкале. Интервал показателей индекса «Цифровая Россия» в первом полугодии 2018 г. сузился — от 37,2 до 75,14 баллов (в 2017 г. этот интервал составлял 26,06–70,01). Полученный результат подтверждает факт снижения разрыва между лидирующими и отстающими субъектами РФ в данном рейтинге. В десятку лидирующих вошли такие субъекты РФ, как Москва, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Московская область, Республика Башкортостан, Ленинградская область, Челябинская область. Бесспорное лидерство столицы основано, в первую очередь, на перманентном совершенствовании региональной программы «Информационный город», стартовавшей в 2012 г., одной из первоочередных городских

программ на 2012–2018 гг. Ее цели — повышение качества жизни населения Москвы за счет широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий в социальной сфере, в сфере обеспечения комплексной безопасности города Москвы, во всех сферах управления городским хозяйством, а также в повседневной жизни граждан; повышение эффективности и прозрачности городского управления.

В рамках программы «Информационный город» реализуется три подпрограммы: обеспечение предоставления государственных услуг в электронном виде гражданам и юридическим лицам, развитие открытой и безопасной городской среды путем внедрения информационно-коммуникационных технологий; повышение эффективности реализации функций органами исполнительной власти Москвы путем внедрения информационно-коммуникационных технологий; формирование общедоступной информационно-коммуникационной среды. План финансирования в 2012–2018 гг. равен 440 млрд руб. Плановый объем финансирования на реализацию мероприятий Государственной программы города Москвы «Информационный город» в 2018 г. составил 92 484 942,0 тыс. руб., в том числе 66 384 942,0 тыс. руб. — средства бюджета столицы; 26 100 000,0 тыс. руб. — средства, полученные из внебюджетных источников. Эти средства направлены на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры региона.

Помимо данной программы, Москва принимает активное участие в работе с федеральным центром. Необходимо отметить, что некоторые технологические направления, предусмотренные в федеральной программе «Цифровая экономика России (2018–2024 гг.)», в Москве уже применяются в практической деятельности. Следующий лидер в данном рейтинге — Санкт-Петербург. В 2018 г. губернатором утверждена Концепция развития Санкт-Петербурга с помощью технологий «Умного города». Настоящая Концепция разработана в рамках деятельности проектного офиса «Умный Санкт-Петербург», организованного распоряжением губернатора Санкт-Петербурга от 26 июля 2017 г. с целью инициирования приоритетной программы «Умный Санкт-Петербург». Цель Концепции — формирование основ будущего образа Санкт-Петербурга на основе применения технологий «Умного города», механизмов их внедрения с учетом особенностей и целей развития города.

К успешно функционирующим сегодня элементам инфраструктуры «Умного города» можно, например, отнести городские интернет-ресурсы, обеспечивающие полноценное взаимодействие граждан с органами власти, го-

сучреждениями и городскими службами: портал государственных услуг Санкт-Петербурга gu.spb.ru, портал «Наш Санкт-Петербург» gorod.gov.spb.ru; городскую сеть центров государственных услуг «Мои документы»; развитие городской беспроводной сети Wi-Fi. В настоящее время беспроводной доступ к сети Интернет обеспечивается на всех линиях Петербургского метрополитена, а также в трех районах Петербурга: Центральном, Петроградском и Василеостровском.

В состав средств управления входят следующие функциональные элементы: средства поддержки стратегического управления; средства поддержки генерального планирования развития города; средства поддержки оперативного управления; средства поддержки управления в чрезвычайных ситуациях. Происходит преобразование города в «эффективного собственника» за счет создания системы эффективного государственного и частного управления всеми городскими ресурсами, в том числе трудовыми.

29 августа 2019 г. подписано соглашение между администрацией Санкт-Петербурга и генеральным директором организации «Цифровая экономика» Е. Ковниром в рамках Петербургского цифрового форума. Соглашение предусматривает сотрудничество сторон для реализации проектов национальной программы «Цифровая экономика РФ» в Санкт-Петербурге, в том числе на основе предложений организации «Цифровая экономика». В частности, планируется организовать взаимодействие по направлению повышения эффективности государственного управления в Санкт-Петербурге за счет применения цифровых технологий. По словам в тот период временно исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга А. Беглова, «есть программа по развитию города, чтобы во всех сферах городского хозяйства присутствовала современная цифровая составляющая». Рейтинг замыкают следующие регионы: Севастополь, Псковская область, Республика Адыгея (Адыгея), Республика Северная Осетия — Алания, Чукотский автономный округ, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Республика Ингушетия, Еврейская автономная область.

В июле 2017 г. Законодательным собранием города Севастополя утверждена Стратегия социально-экономического развития города Севастополя до 2030 г. [7] Для каждой цели Стратегии сформулированы стратегические задачи. В качестве одной из шести задач создания высокоэффективной экономики определено формирование условий для развития информационно-коммуникационных технологий. Стратегические цели развития цифровой экономики в Севастополе также определены

Индекс «Цифровая Россия» в аспекте федеральных округов за первое полугодие 2018 г.

№ п/п	Федеральный округ (наименование)	Первое полугодие 2018 г.	Место в 2017 г.	Изменение, %
1	Уральский	65,81	57,17 (1)	15,11
2	Центральный	59,82	50,05 (3)	19,52
3	Приволжский	59,55	46,93 (4)	26,89
4	Северо-Западный	58,95	50,9 (2)	15,82
5	Сибирский	53,48	41,91 (7)	27,61
6	Дальневосточный	52,28	44,2 (5)	18,28
7	Южный	51,35	43,06 (6)	19,25
8	Северо-Кавказский	43,44	33,37 (8)	30,18

и в Концепции формирования цифровой среды Севастополя «Умный город» [7], утвержденной в январе 2018 г. В Севастополе действует региональный проект «Цифровое государственное управление». Цель проекта — внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей.

В таблице 1 представлены федеральные округа РФ, упорядоченные по индексу «Цифровая Россия».

Лидером по итогам первого полугодия 2018 г. с отрывом от второго места практически в шесть баллов стал Уральский федеральный округ (УФО). По уровню цифровизации на Урале лидирует Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) с показателем 74,24. В общероссийском рейтинге он занял четвертое место. В него попали еще три уральских региона: Тюменская область с показателем 74 (пятое место), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) — 72,4, (шестое место) и Челябинская область — 70,7 (десятое место).

Эксперты полагают, что Уральский федеральный округ стал лидером рейтинга, так как в его состав входят меньше всего субъектов. Следует отметить, что в данном федеральном округе сконцентрированы релевантные образовательные центры, деятельность которых направлена на подготовку кадров, создание научно-производственной базы и, как следствие, формирование территории опережающего социально-экономического развития. Четыре региона из шести, входящие в состав Уральского федерального округа, набрали более 70 баллов. На основании этого они смогли попасть в десятку лучших в общем индексе, что и обеспечивает Уральскому федеральному округу первое место: Челябинская (70,75) и Тюменская (74,01) области, ХМАО — Югра (74,24) и ЯНАО (72,43). Второе и третье места, соответственно, достались Центральному и Приволжскому федеральным округам.

По полученным данным из открытых источников определены основные факторы, оказывающие влияние на неравномерное развитие цифровизации в субъектах РФ:

1. Дефицит квалифицированных кадров и, как следствие, необходимость корректировок образовательных программ.
2. Недостаточное финансирование. В сложной ситуации оказываются регионы, которым не хватает средств на решение экономических вопросов. В связи с этим сложно выделять средства им на цифровизацию.
3. Наличие цифрового неравенства. Как известно, без доступа к сети Интернет не представляется возможным пользоваться как государственными услугами, так и услугами «Умного города». Сегодня, к сожалению, только треть базовых станций сотовой связи поддерживают современный стандарт мобильного интернета — это 4G и LTE. Кроме того, принято решение, что внедрение стандарта 5G оказалось отложенным до 2022 г.
4. Постепенное формирование новой регуляторной среды. Цель такой среды — создание максимально благоприятного правового режима для возникновения и дальнейшего развития цифровых технологий. Данный процесс еще не завершился в большинстве регионов России.

Достижение высокого уровня информатизации и автоматизации является важным условием цифровизации отраслей экономики. Исходя из данного положения, субъекты РФ, помимо проектов и программ, реализуемых в сфере цифровой экономики, обращали внимание на проекты и программы в сфере развития информационной инфраструктуры, внедрения автоматизированных информационных систем. С 30 апреля по 17 мая 2019 г. проведен опрос и получены ответы из 79 субъектов РФ. В частности, в 34 субъектах указали, что их региональные программы по цифровизации либо разработаны, либо находятся на стадии разработки. Из 45 субъектов РФ, принимавших участие в опросе, сообщили,

что региональные программы по цифровизации на их территории отсутствуют.

Как показывает анализ, перечень отраслей и сфер, которые регионы выбирали в качестве наиболее актуальных для внедрения цифровых технологий, очень широк. В связи с этим для некоторых субъектов РФ созданы укрупненные группы. Перечислим приоритетные сферы и отрасли, наиболее актуальные для большинства регионов: 56 % регионов — ЖКХ и энергетика; 61 % регионов — транспорт и связь, включая беспроводную связь и цифровую мобильность; 66 % регионов — кадры и образование; 75 % регионов — городская среда; 75 % регионов — здравоохранение.

Необходимо указать и на ряд других приоритетных отраслей, выбранных регионами: государственные и муниципальные услуги и управление (в том числе электронное правительство), туризм, культуру, лесное и сельское хозяйство, промышленность и строительство. В качестве знаковых проектов в сфере цифровой экономики субъекты РФ преимущественно представили проекты в сфере государственного управления (включая оказание государственных услуг и государственные финансы). Региональные органы исполнительной власти отбирали знаковый проект. Основным критерий такого проекта — это наиболее существенный ожидаемый, достигнутый эффект реализации и преимущественно финансируемый за счет средств бюджета субъекта РФ.

В целом регионы решают подобные проблемы по выделенным направлениям. Большая часть указанных региональных проектов в сфере государственного и муниципального управления связана с созданием информационной инфраструктуры. Приоритетное значение информатизации государственного управления для исполнительной власти субъектов РФ, выявленное на основе анализа одного или нескольких значимых проектов, не свидетельствует об отсутствии в регионе проектов по цифровизации в других отраслях экономики. В сфере здравоохранения во многих регионах реализуются проекты по внедрению региональной медицинской информационной системы и автоматизации работы скорой медицинской

помощи. Большинство кейсов в регионах, отметивших проекты в сферах образования и транспорта, связаны с созданием автоматизированной системы управления образованием и внедрением системы фото- и видеофиксации в области дорожного движения.

18 октября 2019 г. прошло заседание Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации. Тема заседания — «От умного города к цифровому региону». На заседании А. Турчак, вице-спикер Совета Федерации, предложил разработать федеральный проект «Цифровой регион». Цель нового проекта — ликвидация отставания в качестве жизни людей, проживающих в населенных пунктах, которые не попали в программу «Умный город». По мнению Турчака, у государственно-частного партнерства существует огромный потенциал при реализации проекта «Цифровой регион».

Подводя итог, можно отметить, что регионы начинают активнее принимать участие в процессе формирования и реализации стратегических решений в сфере цифровой экономики. Это связано с желанием обеспечить свои конкурентные преимущества на длительную перспективу путем выхода на вновь создаваемые рынки инновационных видов технологий, товаров и услуг. Однако по-прежнему не решены вопросы, связанные с оценкой возможных последствий реализации преимуществ цифровой экономики применительно к отдельным отраслям, регионам и социальным группам населения. Исходя из этого, возникают вопросы о том, смогут ли войти во вновь формируемые цепочки создания стоимости технологически отсталые отрасли экономики; что будет происходить с региональной занятостью в отстающих от других субъектах РФ по степени цифровизации; насколько усилится роль ТНК в функционировании национальных и региональных экономик [8].

К сожалению, на эти вопросы сегодня нет четко сформулированных и однозначных ответов, что еще раз подтверждает актуальность и необходимость проведения глубоких прикладных исследований в этой сфере. Последние позволили бы систематизировать происходящие процессы и на основании этого подготовить обоснованные решения на возникающие вызовы и угрозы.

Литература

1. Воронина Е. В., Ким О. Л., Михайлова М. В. Электронные государственные услуги в России: проблемы формирования и перспективы развития // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: сб. науч. трудов по итогам 1-й национальной науч.-практ. конф. / под ред. И. В. Федосеева. М.: Перо, 2018. С. 44–49.
2. Антекман А. [и др.]. Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс]. М.: McKinsey & Co., 2017. 133 с. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 09.12.2019).
3. Цифровое правительство 2020. Перспективы для России [Электронный ресурс]: доклад. 2016. 84 с. URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf> (дата обращения: 09.12.2019).

4. Уровень исполнения расходов на нацпроекты вырос: пресс-релиз [Электронный ресурс] // Счетная палата РФ. 2019. 24 июля. URL: <http://www.ach.gov.ru/news/uroven-ispolneniya-rashodov-na-nacproekty-vyros-38037/> (дата обращения: 15.12.2019).
5. Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов за I полугодие 2019 г. [Электронный ресурс] // Счетная палата РФ. URL: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-2/index.html> (дата обращения: 21.12.2019).
6. Воронина Е. В., Соловьев С. А. Сервисное государство в контексте повышения эффективности государственного управления // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: сб. науч. трудов по итогам 2-й национальной науч.-практ. конф. / под ред. И. В. Федосеева. М.: Перо, 2019. С. 173–178.
7. Умный город: концепция формирования цифровой среды Севастополя [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Севастополя № 16-ПП от 25 января 2018 г. URL: <https://sevastopol.gov.ru/docs/253/46715> (дата обращения: 25.12.2019).
8. Смешко О. Г., Ушакова Е. В., Борисова Т. А. Управление качеством государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации общества // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 4–13. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-4-13

References

1. Voronina E. V., Kim O. L., Mikhailova M. V. Electronic public services in Russia: Problems of formation and development prospects. In: Theory and practice of managing public functions and services. Tariff regulation. Proc. 1st Nat. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, Nov. 07, 2018). Moscow: Pero; 2018:44-49. (In Russ.).
2. Aptekman A. et al. Digital Russia: A new reality. Moscow: McKinsey & Co., 2017. 133 p. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (accessed on 09.12.2019). (In Russ.).
3. Digital government 2020: Prospects for Russia. Washington, DC: The World Bank; 2016. 84 p. URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf> (accessed on 09.12.2019). (In Russ.).
4. Level of execution of expenditures on national projects has increased: Press release. Accounts Chamber of the Russian Federation. July 24, 2019. URL: <http://www.ach.gov.ru/news/uroven-ispolneniya-rashodov-na-nacproekty-vyros-38037/> (accessed on 15.12.2019). (In Russ.).
5. Analytical report on the implementation of the federal budget and the budgets of state extra-budgetary funds for the first half of 2019. Accounts Chamber of the Russian Federation. URL: <http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-2/index.html> (accessed on 21.12.2019). (In Russ.).
6. Voronina E. V., Solov'ev S. A. Service state in the context of improving the efficiency of public administration. In: Theory and practice of managing public functions and services. Tariff regulation. Proc. 2nd Nat. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, Nov. 07, 2019). Moscow: Pero; 2019:173–178. (In Russ.).
7. Smart city: The concept of the formation of the digital environment of Sevastopol. Approved by order of the Government of Sevastopol No. 16-RP of January 25, 2018. URL: <https://sevastopol.gov.ru/docs/253/46715> (accessed on 25.12.2019). (In Russ.).
8. Smeshko O. G., Ushakova E. V., Borisova T. A. Quality Management of Public and Municipal Services in the Context of the Digitalization of Society. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):4–13 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-4-13

Сведения об авторах

Ушакова Елена Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а,
Россия

(✉) e-mail: ushakovaev@yandex.ru

Author information

Elena V. Ushakova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of Chair

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, 190103,
Russia

(✉) e-mail: ushakovaev@yandex.ru

Воронина Елена Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а,
Россия

Фугалевич Елена Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а,
Россия

Михайлова Марина Владиславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, Россия

Поступила в редакцию 29.01.2020
Подписана в печать 07.02.2020

Elena V. Voronina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of Chair
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, 190103,
Russia

Elena V. Fugalevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of Chair
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, 190103,
Russia

Marina V. Mikhaylova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of Chair
St. Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia

Received 29.01.2020
Accepted 07.02.2020

Человекоориентированное управление предприятиями и организациями

В. К. Потемкин¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Исследование направлено на изучение и преодоление противоречий в системе управления современными предприятиями, а также углубление понимания новых знаний, способностей и роли личности в производственной деятельности.

Цель. Определить спектр проблемных ситуаций в человекоориентированной системе управления предприятиями и организациями на стадиях формирования знаний о профессии, акцентирования знаний, умений и навыков в работе с учетом предполагаемой профессионализации, а также ресурсный потенциал работников в сложившейся системе экономики и организации управления персоналом.

Задачи. Провести сравнительные исследования с учетом пространственно-временных преобразований в использовании инструментов повышения эффективности и качества работы в деятельности российских предприятий, а также с данными о деятельности современных зарубежных корпораций с определением динамики, новых ценностных ориентаций и мотивирования персонала предприятий.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования послужили разработки отечественных и зарубежных ученых о совершенствовании деятельности предприятий и организаций на принципах человекоориентированного управления образовательным потенциалом, предметно-деятельной профессионализации и мотивирования трудовой деятельности работников, а также опрос различных возрастных и профессионально ориентированных групп работников.

Результаты. Установлены первопричины низкого уровня профессионализации молодежи в системе диссеминации семейных отношений, спонтанного выбора профессии учащимися вузов, несоответствия формируемых в образовательных процессах новых знаний их фактическому использованию в деятельности предприятий и организаций, невнимания руководящего состава к социальным ожиданиям и представлениям работников по улучшению качества и уровня жизни, несоответствия процессов мотивирования работников задачам повышения эффективности и качества работы. Кроме того, сформулированы направления преодоления современных противоречий в человекоориентированной деятельности предприятий и организаций, а также общесистемные механизмы мотивирования различных категорий работников.

Выводы. Определение спектра проблемных ситуаций в человекоориентированной системе управления предприятиями и организациями, теоретический и эмпирический анализ процессов профессионализации и мотивирования работников к высокоэффективному труду позволяет не только зафиксировать спектр противоречий в складывающихся социально-трудовых отношениях, но и разработать программу действий по их разрешению.

Ключевые слова: деятельность, работник, личность, профессионализация, предприятие, организация, социальность, мотивирование, ценности, человекоориентированное управление.

Для цитирования: Потемкин В. К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 165–176. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-165-176>

People-Oriented Management of Enterprises and Organizations

V. K. Potemkin¹

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

The presented study examines and undertakes to overcome contradictions in modern enterprise management systems, providing a deeper insight into the new knowledge, skills, and role of an individual in business activities.

Aim. The study aims to determine a range of problem situations in the people-oriented management of enterprises and organizations at the stages of building knowledge about the profession and accentuating knowledge, skills, and abilities relevant to the intended professionalization, and the resource

potential of employees within the existing economic and organizational framework of personnel management.

Tasks. The authors conduct comparative studies with allowance for the spatial and temporal transformations in the use of tools for improving the efficiency and quality of the operation of Russian enterprises, and make comparisons with data on the operation of modern foreign corporations, determining the dynamics, new value orientations, and motivation among the personnel.

Methods. The theoretical and methodological basis of this study includes works of Russian and foreign scientists on improving the operation of enterprises and organizations through the principles of people-oriented management of educational potential, professionalization and motivation of employees, and interviews of different age and professional groups of employees.

Results. The authors determine the primary causes of the low level of professionalization among young people within the system of disseminating family relations, spontaneous choice of profession by university students, inconsistency between new knowledge generated during education and its actual use in the operation of enterprises and organizations, lack of consideration among the management for the social expectations of employees and their ideas on improving the quality of life, inadequacy of employee motivation measures to the task of improving the efficiency and quality of work. The study also formulates directions for overcoming modern inconsistencies in the people-oriented activity of enterprises and organizations as well as systemic motivation mechanisms for different employee groups.

Conclusions. Definition of the range of problem situations in the people-oriented management of enterprises and organizations combined with theoretical and empirical analysis of professionalization and employee motivation makes it possible not only to determine the scope of contradictions in the emerging social and labor relations, but also to develop a program of actions to resolve them.

Keywords: *activity, employee, personality, professionalization, enterprise, organization, sociability, motivation, values, people-oriented management.*

For citation: Potemkin V.K. People-Oriented Management of Enterprises and Organizations. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 165-176 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-165-176>

Внимание к вопросу человекоориентированного управления предприятиями и организациями во многом связано с задачами формирования нового технико-технологического уклада, повышения роли накопленных знаний, умений, навыков и опыта работы персонала в эффективной производственной деятельности.

Принято считать, что к проблеме человекоориентированного управления российские организации на практике подошли с большим опозданием, приводя в пример работы Э. Мэйо, считавшего работников предприятий важным и едва ли не основным активом управления; Н. Бонтиса, который полагал, что при объединении в системе управления интеллекта, навыков, знаний создаются отличительные черты фирмы и увеличивается вклад в определение ее стоимости; Х. Скарборо, обращавшего внимание на то, что человекоориентированное управление связано с методами организационной работы персонала по достижению проектируемых результатов; Р. Пунтама, утверждавшего, что социальные качества личности, столь характерные для социальной жизни, на основе взаимодействия, норм поведения и доверия являются залогом достижения общей цели; Р. Гранта, рассматривавшего процессы обучения персонала, адаптации его к возникающим проблемным ситуациям, что формирует, с его точки зрения, гибкость управления, создает условия для приверженности и лояльности работников и определяет контуры способности сохранять и увеличивать

конкурентное преимущество конкретной фирмы [1–5]. Вероятно, это далеко не так и не вполне соответствует действительности.

В работах отечественных исследователей учитывался этот теоретический задел по изучению системы человекоориентированного управления. Отмечалось, что недопустимо недооценивание накопленных на отечественных предприятиях и в организациях новых знаний, понимания роли профессиональных компетенций, ценностно-смысловых ориентаций различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников в производственной деятельности [6]. Руководствуясь интересами отечественных товаропроизводителей, с 1982 г. в рамках программы фундаментальных исследований (т. V «Важнейшие экономические проблемы АН СССР и РАН») автор также стал участником исследования различных аспектов человекоориентированного управления.

В частности, исследовались организация коллективной деятельности в решении общественно значимых задач; самоуправляющиеся хозяйственные системы, определяющие роли работников в достижении поставленных целей; использование в практике управления социальных резервов человека; формирование осознанного поведения работников в экономической системе функционирования предприятий и организаций; осознание ценностно-мотивационных смыслов деятельности работников с целью совершенствования методов

управленческого воздействия на развитие профессиональных коммуникаций; формирование процессов развития экономического и инновационного мышления работников; самооценка и самопознание работниками своей роли в преобразовании деятельности предприятий и организаций; профессиональное распознавание и оценка личности работников; повышение уровня и качества управленческого труда.

Результаты исследований и практик использования человекоориентированного управления в деятельности зарубежных и отечественных предприятий во многом совпадают. Однако современные вызовы, обусловленные Четвертой промышленной революцией, применением цифровых технологий, перераспределением доходов работников, появлением значительного числа работников, не удовлетворенных своим профессиональным статусом, материальным положением, снижают уровень доверия в коллективе предприятий и организаций, проектируют конфликтные зоны и зоны «отстраненного взгляда» к результатам деятельности коллективов.

В этой связи возникает очевидный вопрос о том, на какой теоретической платформе и на каком опыте может в ближайшем будущем развиваться человекоориентированное управление предприятиями и организациями. Четвертая промышленная революция, ее динамика, новые ценностные ориентации в труде и социальном развитии обуславливают необходимость более глубокого понимания роли работников в процессах инновационного преобразования общественных отношений, противодействия неравенству при распределении материальных благ, поляризации общественных институтов, создающих условия недоверия в профессиональной и общественной деятельности, бессистемности рынка труда. В докладе Глобального института Маккинси (McKinsey Global Institute), прозвучавшем на Всемирном экономическом форуме в 2016 г., отмечалось, что создаваемые новые технологии, бизнес-модели и рынки труда приведут к изменению 35 % умений и навыков, составляющих основу профессиональных компетенций работников предприятий и организаций [7].

Произойдет и изменение спроса на трудовые навыки, такие как когнитивные способности, системные навыки, умение решать сложные технико-технологические и организационные задачи, умение осуществлять профессиональные коммуникации по типу производитель–потребитель, расширение диапазона использования общих и специальных компетенций, приобретение новых возможностей регулирования социальных отношений, управления человеческими ресурсами, развития физического, ментального, эмоционального и духовного

интеллекта. К. Шваб, описавший основные характеристики Четвертой промышленной революции, обратил внимание на переосмысление принципов человекоориентированного управления хозяйственными системами, когда новые технологии должны облегчать взаимодействие между людьми, делая его более гармоничным и значимым [8]. Знаковым стало его утверждение о том, что Четвертая промышленная революция изменяет не только то, что мы делаем, но и то, кем мы являемся [9].

Ввиду этого возникает вопрос о роли личности и, более того, о роли человека — личности — работника в системе преобразования всех без исключения сфер человеческой деятельности. Человекоориентированная деятельность даже в условиях предполагаемых технико-технологических трансформаций позволяет «вернуть человеку достоинство свободы», но не свободы произвола и насилия, а свободы моральной необходимости [10]. В этом контексте лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц писал, что «мы можем достичь общества, которое более согласуется с нашими фундаментальными ценностями, с большими возможностями, более высоким совокупным доходом, более сильной демократией и более высокими стандартами жизни для большинства людей» [11].

Важным в достижении «больших возможностей» он определял улучшение доступа к образованию, но, как это бывает зачастую, без какой-либо конкретизации. Как известно, образование носит модульный характер, что придает ему относительно самостоятельный, функционально ориентированный процесс приобретения человеком новых знаний, навыков, компетенций, имеющих собственное программно-целевое, предметно-деятельное и методическое обеспечение. Кроме того, образование всегда должно ориентироваться на формируемые и прогнозируемые человеческие потребности, на конкретные группы населения, включая его половозрастные характеристики. Почему именно так, а не иначе?

Человек-ребенок (5–14 лет) в дошкольном возрасте уже в результате диссеминации семейных отношений приобретает интерес к определенной или нескольким сферам профессиональной деятельности. В более позднем возрасте (15–18 лет) его профессиональные предпочтения приобретают активно-действенный характер, базирующийся на осознании взгляда на свое будущее, профессию, сферу приложения труда. В 18–25 лет человек или, как уже признано, молодежь в процессе обучения в лицее, колледже, институте, университете получает знания, столь необходимые для определения своего места и назначения в профессиональной деятельности. Образование человека на этом не

заканчивается, а приобретает собирательный и, возможно, интегрировано-инновационный характер, в основе которого находятся способы приобретения, накопления, обмена и распространения знаний с использованием информационных и цифровых технологий.

В послевузовском образовании специалист сталкивается с необходимостью многогранных, более сложных к восприятию, ситуативных, абстрактных знаний, возникающих из совместного опыта работы и индивидуальных способностей человека. С. Трасслер отметил, что «способность эффективно собирать и использовать знания станет главным источником конкурентного преимущества» [12]. Знания человека, осуществляющего профессиональную деятельность на предприятии или в организации, становятся источником не только конкурентного преимущества, но и повышают ценность создаваемых товаров и услуг. В последние годы образование является, как правило, непрерывным постоянно возобновляющимся процессом. По своему характеру образование определяется либо как индивидуальное, либо как коллективное, предполагающее организационно-ориентированное обучение с учетом миссии, целей и задач функционирования предприятий и организаций.

Значимым аспектом и гарантией того, что знания, умения, навыки в работе будут носить постоянно возобновляемый на качественно новой инновационной основе характер, становится научение, суть которого состоит в том, что новые знания фокусируются не только на видах деятельности, не на анализе рабочих мест и технологий, а на индивиде — работнике — участнике процесса труда. Научение создает предпосылки более точного прогноза относительно степени использования того или иного работника, установления свойств личности работников, наиболее адаптированных к условиям деятельности предприятий и организаций и т. п. Понимание роли образования в грядущих изменениях производственных и общественных практик все же дает основание утверждать, что «в отношении всех проявлений основных технологических изменений люди, предприятия и учреждения ощущают глубину изменений, но часто оказываются не в состоянии разобраться в них, поскольку не осознают последствий таких изменений» [13]. Неслучайно возникает вопрос о том, что делать и с чего начать.

Ответы на эти вопросы позволяют определить степень соответствия требований выбираемой сферы труда и профессии личностным качествам человека. Тем более что процесс выбора профессии является двусторонним: не только «сама» профессия через требования к уровню образования, квалификации, состо-

янию здоровья, социально-психологической совместимости со сферой приложения труда, устойчивости интереса к соответствующему виду деятельности, стрессоустойчивости выбирает конкретного работника, но и сам работник формулирует требования в виде профессиональных и социальных ожиданий, условий работы, безопасности, уровня материального обеспечения к деятельности на конкретном предприятии. При этом работник, обладающий соответствующим набором компетенций, вправе определять будущий социально-профессиональный статус, уровень и качество жизни и видеть, насколько деятельность на предприятии или в организации соответствует потребностям, мотивам, ценностным ориентациям на перспективу.

В результате опроса школьников 10–11 классов нами выявлено, что и в семье, и в школе, как правило, не занимаются трудовым воспитанием, не акцентируют внимание на возможной профессиональной принадлежности учащихся, а лишь предоставляют образовательные услуги (№ 51 — родители учащихся, 132 — учащиеся). Установлено также, что более 52 % учащихся не имеют устойчивых планов в выборе профессии и 27 % из них подойдут к своему выбору спонтанно; 21 % отметили, что им все равно, какую профессию выбирать, «лишь бы платили»; более 50 % ориентируются на поступление в колледж или вуз по результатам ЕГЭ; для 62 % поступление в вуз имеет ограничения из-за платности обучения.

Технология обучения в средней школе не позволяет осуществлять знакомство с различными видами профессиональной деятельности (46 % опрошенных). Семья практически исключена из профессионального выбора своего ребенка. Обучение в ПТУ и колледже, по сути, является своеобразным началом профессионального выбора молодежи. Однако учащиеся/студенты первого года обучения удовлетворены на 62 % профессиональным выбором, второго года обучения — только 28 %. Основная причина кроется в отсутствии возможности закрепления за определенной сферой труда либо в трудоустройстве по полученной профессии. Заметим, что более 35 % выпускников ПТУ и колледжей желали бы продолжить образование в вузе, но только 17 % — по уже выбранной профессии.

Интервьюирование родителей показало, что в основе взаимодействия со школой, лицеем, колледжем — борьба за «отметки», «натаскивание на ЕГЭ». Совершенно иная определенность в выборе профессии своих детей была более 30 лет назад, когда, по мнению родителей, в результате обучения в школе учащиеся должны были получить представление о насто-

ящей трудовой деятельности взрослых (67 %); приобрести полезные трудовые навыки (62 %); выработать привычку к длительной напряженной работе, физическому труду (59 %) [14]. Более того, родители в тот период считали, что целесообразно привлекать школьников к участию в производительном труде с 5 (1 %), 6–7 (9 %), 8–9 (5 %), 10–11 (15 %), 12–13 (21 %), 14–15 (34 %), с 16 и более лет (15 %) [14].

По окончании среднего учебного заведения молодые люди находятся перед важнейшим в жизни выбором будущей профессии, приобретением знаний, адекватных выбору в высшем учебном заведении. Этому выбору привержено абсолютное большинство молодежи. Именно он дает возможность в будущем приобрести профессию, социально-профессиональный статус и стать непосредственным участником общественно-профессиональной жизни. Университет (вуз) в современной России можно рассматривать как обучающее предприятие, предоставляющее образовательные услуги и являющееся важнейшим этапом профессионального становления личности [15]. В вузе воспроизводятся ценности и профессиональное видение человека, помогающие осознанию будущего профессионального статуса, профессионального пространства и профессиональных действий. Перефразируя Дж. Велша, задача вуза состоит в том, чтобы «раздобывать, усиливать и распространять знания и идеи» [16].

В молодежной среде процесс профессионализации во многом осуществляется через самопознание, в котором можно зафиксировать такие формы, как целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, что влияет на ее социальность в контексте идентичности, свободы выбора, осознания собственной ответственности, этичности и духовности поведения. Данные формы самопознания определяют способность молодежи к самооценке, к самоанализу социальных действий, креативности в поиске профессиональных предпочтений и понимании необходимости участия в получении новых знаний, умений, навыков и опыта работы. В. Е. Лепский писал, что «ничто не может так мотивировать человека, как убежденность в возможности приняться за нечто, полное смысла» [17].

Познание молодежью своих общественных и профессиональных предпочтений связано с такой социокультурной характеристикой поведения, как социабельность (*sociability*), что проявляется в способности к установлению социально-профессиональных связей с различными субъектами общественных отношений: индивидами, группами, организациями, государством, межгосударственными образованиями как представителями новых знаний,

профессий, профессиональных и междисциплинарных коммуникаций. Социабельность выступает в качестве одной из первопричин высоких темпов обновления знаний, создания информационно-профессионального общества, доступности профессионального самоопределения молодежи, ценностно-целевых установок на выбор профессии, закрепления в профессиональной среде и профессиональной идентичности.

Знания, степень обновления которых в современном российском обществе составляет 3–5 лет, становятся основой не только жизнедеятельности, но и жизнеспособности человека, а также стремления молодежи к самоопределению в профессиональной деятельности. Жак Фитц-Енц и Барбара Девисон в своих оценках практического менеджмента отмечают усиленную ориентацию на людей, которые стремятся учиться, расти, развиваться и получать от жизни больше [18].

В сознании выпускников средних школ получение высшего образования соотносится в основном с возможностью решения уже в ближайшей перспективе задачи приобретения экономической независимости и необходимых материальных благ. Так, исследования автора, проведенные на протяжении последних 30 лет, фиксируют, что студенческая молодежь хочет добиться хорошего материального положения (48,2 %), овладеть профессией и найти работу (43,7 %), найти место в жизни и в обществе (25,1 %), создать семью (22,4 %), стать независимым и обрести экономическую свободу (16,3 %), добиться общественного признания (8,3 %) [19]. Заглядывая несколько вперед, заметим, что социально-профессиональные ориентации студенческой молодежи не всегда достижимы. Так, в среде молодежи даже в зрелом возрасте (26–29 лет), когда приобретены необходимые профессиональные знания, умения и опыт, только 4,0 % добились успеха в жизни. Их работа хорошо вознаграждается (14,0 %), она дает достаточные материальные средства для жизни (7,0 %). В более раннем возрасте показатели успеха в жизни и материального благополучия либо незначительны, либо не определены.

Подчеркнем, что студенческая молодежь относится практически к так называемым образовательным услугам, но препятствия в достижении ценностных ориентаций видит совсем в другом, а именно: в постоянном росте цен (64,7 %), низком уровне заработной платы (53,9 %), в коррупции (35,1 %), в бюрократизации общественных отношений (30,0 %), в ухудшении межнациональных отношений (12,0 %). А. Косалимова в этой связи отмечает, что подобные препятствия в достижении ценностных ориентиров студентов вызывают

Таблица 1

Самооценка удовлетворенности своей жизнью студенческой молодежи

№ п/п	Контурсы удовлетворенности своей жизнью в оценках студенческой молодежи	Студенты/курс	
		1–3	4–5
		Самооценка, %	
1	Материальное благополучие	67,0	85,0
2	Благополучие в любви и семейных отношениях	65,0	63,0
3	Хорошее самочувствие и здоровье	49,0	52,0
4	Отношение личной свободы и независимости	37,0	32,0
5	Уважение окружающих	35,0	30,0
6	Комфортные условия проживания и учебы	27,0	29,0
7	Достижение успеха в профессиональной сфере	25,0	28,0

Таблица 2

Отношение студенческой молодежи к образованию и профессиональной подготовке в вузе

№ п/п	Образование и профессиональная подготовка в вузе	Студенты / курс	
		1–3	4–5
		Самооценка, %	
1	Постоянное саморазвитие и самосовершенствование	5,0	27,0
2	Свободное владение иностранными языками	5,0	25,0
3	Духовно и культурно богатая жизнь	3,0	18,0
4	Карьера в политической сфере	0,5	2,0
5	Работа по контракту за границей	0,5	1,5
6	Популярность среди друзей и знакомых	10,0	7,0
7	Наличие влиятельных знакомых в бизнесе и структурах власти	2,0	15,0
8	Ощущение безопасности	8,5	10,0
9	Социальная защищенность	1,0	8,0

чувство тревоги и страх (56,6 %), чувство беспомощности (19,1 %), склонность к употреблению наркотиков и алкоголя (19,6 %), склонность к девиантному поведению (14,7 %) при одновременном повышении чувства ответственности перед семьей (42,0 %) и перед обществом (21,0 %) [20]. С 2009 по 2019 г. в исследовании процессов профессионального самоопределения студенческой молодежи (№ 379) нами установлены контуры ее удовлетворенности своей жизнью, что находит отражение в таблице 1.

Отметим, что самооценки удовлетворенности жизнью у студентов 1–3 и 4–5 курсов отличаются незначительно друг от друга по причине того, что 87–93 % из них получают материальную поддержку от родителей и 78 % проживают в родительской семье. Рост материального благополучия объясняется тем, что более 3/4 студентов имеют так называемый приработок в пределах 15–27 тыс. руб. в месяц (2018–2019).

Другой аспект самооценивания студенческой молодежи — это отношение к образованию и профессиональной подготовке в вузе, как видно из таблицы 2.

Вероятно, результаты самооценок по приведенным показателям могли быть и выше. Однако в период прохождения ознакомитель-

ной и производственной практики студенты сталкиваются на предприятиях и в организациях с рядом факторов:

- принижением на предприятии общечеловеческих и профессиональных качеств молодежи (85,0 %);
- проявлением недоверия со стороны руководителей и «старожил» к молодежи при выполнении ответственных, хорошо оплачиваемых работ (78,0 %);
- принуждением со стороны руководителей к выполнению работ более низкой квалификации, рутинных операций и функций (67,0 %);
- втягиванием молодежи во внутригрупповые конфликты, «подставы», интриги (58,0 %);
- организацией труда молодежи по остаточному признаку (42,0 %);
- отстранением молодежи от вопросов стратегического планирования, инновационного развития, работ, характеризующихся как «ноу-хау», имеющих статус коммерческой тайны (40,0 %);
- выполнением за счет молодежи общественных работ по благоустройству, уборке и т. п. (34,0 %).

Несмотря на трудности закрепления на практике своих знаний, умений, навыков, а в целом

Самооценка признаков саморегуляции собственного поведения у студенческой молодежи

№ п/п	Состав признаков саморегуляции собственного поведения студентами вузов	Самооценка признаков саморегуляции собственного поведения студентами вузов, %		
		Неотъемлемая часть моего поведения	Вспоминаю о них по случаю	Хотелось бы использовать, но не знаю как
1	2	3	4	5
1	Эмоциональная зрелость и устойчивость характера в неопределенности ситуации	42,0	50,0	8,0
2	Внутреннее спокойствие в критические моменты	27,0	15,0	58,0
3	Умение подходить к решению проблем с разных точек зрения	20,0	60,0	20,0
4	Готовность к любым неожиданным событиям	15,0	35,0	50,0
5	Чувство меры воздействия поведения на обстоятельства жизнедеятельности	8,0	72,0	20,0
6	Восприятие действительности такой, как она есть	82,0	15,0	3,0
7	Наблюдательность	70,0	20,0	10,0
8	Прогнозирование событий	11,0	80,0	9,0
9	Умение извлекать положительный опыт из происходящих событий	24,0	72,0	4,0
10	Стремление понять позицию других лиц	34,0	42,0	24,0
11	Умение подняться над неразрешимой проблемой	4,0	15,0	81,0
12	Способность отстаивания собственной позиции	55,0	10,0	35,0
13	Соблюдение личной свободы и независимости	65,0	15,0	20,0
14	Формирование лидерской позиции	45,0	15,0	40,0
15	Противодействие стихийной, произвольно возникающей, индуцированной социальной напряженности	72,0	24,0	4,0

и профессиональных компетенций, студенческая молодежь предпринимает усилия для саморегуляции собственного поведения, как показано в таблице 3.

На основании самооценок становится понятным тот факт, что выпускниками вузов, молодыми специалистами, образовательный процесс оценивается высоко (2010, 2016, 2019 гг.), с позиции не только профессионализации, но и формирования гражданской позиции: чувства долга (71,6; 71,8; 82,0 %), чувства собственного достоинства (55,7; 59,0; 72,1 %), ответственности перед обществом (53,2; 55,0; 64,0 %), верности традициям (46,6; 42,4; 47,5 %), честности (43, 0; 41,0; 58,0 %), целеустремленности (38,3; 46,7; 58,0 %), уважения к другим людям (32,4; 35,0; 44,0 %).

Полученные знания в вузе и начальная профессиональная подготовка создают объективные предпосылки для самореализации молодежи в профессиональной среде. Однако опрос молодых специалистов, проработавших

на предприятии в течение трех лет, выявил целый ряд проблемных ситуаций на предприятиях. Эти проблемные ситуации зафиксированы в результате опроса 401 рабочих основного и вспомогательного производства, 270 инженерно-технических работников и 105 руководителей различных уровней управления. Так, по оценкам молодых специалистов, только 22 % представляют ясность целей организации, 16 % имеют планы по достижению поставленных целей, 17 % участвуют в профессиональных и межпрофессиональных коммуникациях, 10 % осуществляют взаимную подотчетность, 22 % мотивированы в повышении эффективности и качества работы, 8 % проявляют инициативу в решении производственных вопросов, 13 % отмечают взаимодействие между различными профессионально-квалификационным и статусными группами работников. Если обратиться к сравнительным исследованиям процессов управления на западных и отечественных предприятиях, то окажется, что по постановке

целей, включенности в реализацию целей, полноте использования знаний и способностей работников, ответственному поведению персонал российских предприятий отстает от западных предприятий на 10–30 пунктов [21].

Можно полагать, что новые знания в сфере организации, планирования, управления, координации и стимулирования профессиональной деятельности применяются не в полной мере, а показатели рефлексивности, идентичности, этичности, духовности, креативности, обучаемости, коммуникабельности, ответственности практически не применяются в лексиконе работников управления. Среди этой категории работников развиты такие приоритеты в управлении, как:

- престиж, удовольствие, удовлетворенность (32,5 %);
- власть и влияние, т. е. право принимать решение (26,3 %);
- высокий жизненный уровень и комфорт, обеспечиваемый оплатой (16,3 %);
- возможность внести свой вклад в дело (15,0 %);
- карьера, т. е. продвижение вверх (4,8 %);
- присутствие элемента состязательности и «вызова» (3,8 %);
- возможность самореализации как личности (1,3 %).

Иные ожидания у работников предприятий (опрошено более 1 000 респондентов на 19 предприятиях Санкт-Петербургского промышленного комплекса) о влиянии мотивации на ответственное поведение в сфере труда, как представлено в таблице 4.

Из приведенных данных видно, что среди признаков мотивации в сфере труда наряду с экономическими и организационно-управленческими значительная роль принадлежит социально-культурным, лечебно-оздоровительным и образовательным признакам. Причем мотивация работников видоизменяется не только под воздействием приобретенных социально-профессиональных качеств, но в различные возрастные периоды работы на предприятии, в организации. Мотивации в этой связи приобретают характер процессорно-технологических, раскрывающих цели трудовой деятельности, характеристики и особенности трудового потенциала работников, требования к перспективам профессиональной карьеры, результаты мотивирования персонала предприятий и организаций. По нашему мнению, процессорно-технологические мотивации дают установку на характер и содержание труда, определяют основные роли и требования к работнику, исходя из уровня его образования, компетенций, физических возможностей и опыта, приобретенного в процессе обучения в вузе и на предприятии.

М. Армстронг подчеркивал, что «мотивация вероятна только, если существуют ясно ощущаемые и применимые отношения между показателями работы и последствиями» [22]. Как следствие, при разработке процессорно-технологической мотивации персонала предприятий и организаций возрастающее значение приобретают способности человека и понимание его роли в производственной деятельности [23]. Теоретическое осмысление проблемы, анализ эмпирических данных о деятельности персонала современных предприятий позволили сформулировать направления эффективной деятельности предприятий и организаций за счет человекоориентированного управления:

1. Формирование общественной ценности результатов деятельности предприятий и организаций с акцентом на уникальную культуру и этику поведения персонала.
2. Создание условий для понимания профессиональной значимости выполняемых работ, поддержания инициативы и предприимчивости, профессиональной преемственности поколений.
3. Проведение политики полной занятости за счет приведения в соответствие перечня работ, специальностей и профессий, введения системы внутрифирменного совместительства за счет создания смежных производств и сервисных центров.
4. Определение на предприятии зон экономической ответственности и усиление личных стимулов.
5. Создание системы контроллинга на предприятии, фиксирующей не только издержки и их отклонения от нормативных величин, но и степень влияния на этот процесс работников с целью их обязательного поощрения.
6. Развитие неспециализированной карьеры, что предполагает в рамках предприятия освоение новых, до сих пор не существовавших специальностей и профессий. Это дает возможность взглянуть на свою основную специальность, профессию со стороны, обеспечить модернизацию сферы приложения труда, усилить комбинацию и маневренность трудовых усилий.
7. Развитие системы участия персонала предприятия в принятии производственных решений, а при определенных условиях — и стратегических.
8. Создание холизма персонала, предполагающего усиление понимания персонала как единого целого, развивающего причастность руководства к образу жизни персонала, создание стереотипа руководителя-демократа.
9. Формирование стереотипа производственного поведения, которое возможно за счет разработки кодекса поведения работника предприятия. В нем не только фиксируются

Оценка признаков мотивации работников в процессе труда

№ п/п	Состав признаков мотивации работников в процессе труда	Кол-во лиц, отметив- ших данный признак	Доля лиц, отметивших данный признак в выборке, %	Ранг распространенности данного признака	Доля тех (%), кто отметил данный признак среди					
					мужчин (N = 302 чел.)	женщин (N = 198 чел.)	лиц до 30 лет (N = 269 чел.)	лиц 31–40 лет (N = 151 чел.)	лиц 41–50 лет (N = 54 чел.)	лиц старше 50 лет (N = 26 чел.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Большой заработок	410	82	I	86	76	88	79	57	85
2	Хорошие взаимоотно- шения в коллек- тиве	370	74	II	81	64	71	75	89	73
3	Возможность получе- ния квартиры, места в общежитии	319	64	III	67	59	67	69	59	11
4	Хорошие условия труда	310	62	III	55	73	58	60	91	54
5	Интересная работа	300	60	III	67	49	64	62	46	42
6	Хорошие отношения с руководством	296	59	III	63	54	57	60	67	65
7	Расстояние от места работы до дома	238	48	IV	38	62	37	57	61	77
8	Возможность работать по специальности	220	44	IV	64	14	46	44	41	35
9	Хорошо организованная физкультурно- спортивная работа	194	39	IV	41	36	43	41	28	8
10	Возможность повысить квалифи- кацию	168	34	V	43	20	34	37	37	4
11	Хорошо организо- ванная лечебно- оздоровительная работа	167	33	V	27	43	28	35	41	67
12	Хорошо организо- ванная культурно- массовая работа	165	33	V	35	29	34	35	31	15
13	Возможность получить специаль- ность	148	30	V	36	20	37	32	0	0
14	Перспектива продви- жения по службе	136	27	V	33	18	25	34	31	4
15	Хорошо организо- ванная работа по различным видам творческой деятель- ности, в том числе по рационализации и изобретательству	74	15	VI	20	7	12	21	19	0
16	Возможность получе- ния места в детском дошкольном учреждении	62	12	VI	1	30	15	14	0	0
17	Надомная работа или работа с непол- ным рабочим днем	6	1	VII	0	3	0	0	2	19

общепринятые нормы, но и обозначаются контуры материального и морального поощрения, включая представление к государственным и отраслевым наградам: книга профессиональной доблести, книга ветеранов, книга рабочих династий и т. п.

Фокусирование на данных направлениях человекоориентированного управления предприятиями и организациями обусловлено тем, что на протяжении нескольких десятилетий культивировалась сопричастность работников к управлению, формировался стереотип «приверженности» предприятию или его руководителю. Отлучение работника от управления приводит к формированию стереотипа безразличия, отвлеченности от общих задач производства. Работник замыкается в контуре единичных функций и теряет в итоге профессиональный тонус.

В выборе основных направлений человекоориентированного управления предприятиями и организациями важное значение приобретают практико-ориентированные мотивационные механизмы. Среди них следующие:

1. Мотивирование профессиональной интеграции, суть которой состоит в создании условий, например, для молодых специалистов быстрого вхождения и самореализации в коллективе предприятия или в создании плавающих инновационных центров, в которых в зависимости от поставленных задач меняется подбор персонала.
2. Мотивирование профессионального единого статуса, состоящего в формировании отличительных признаков персонала: рабочая одежда, эмблема, открытая книга для записей пожеланий персонала.
3. Мотивирование соревновательной среды: физкультурно-трудовой и физкультурно-оздоровительной, интеллектуальной, инновационной. При этом усиливается значимость профессии, создаются ориентиры для подражания, преемственности профессионального опыта, реализуется эффект признания в коллективе.

4. Мотивирование поощрения расхождения во взглядах. При этом стратегические решения обкатывают в самых различных группах персонала методом педалирования основополагающей идеи. Результатом реализации в практической деятельности подобных подходов к мотивации персонала может стать новая идея, раскрытие способностей работников, появление новых специалистов-лидеров.

6. Мотивирование институционализации процессов трансформации деятельности предприятия, которое предполагает в определенные периоды (раз в два–три года) вносить предложения по вопросам технической, экономической, правовой, социальной политики предприятия, с широким их обсуждением среди персонала структурных единиц. Концептуально обозначенные механизмы мотивирования производственной деятельности персонала предприятий мешают проявлениям люмпенского сознания у работников, усиливают престиж постоянной работы на предприятии, создают условия для целевого, адресного мотивирования производственной деятельности персонала предприятий.

7. Адресное мотивирование работников и малых групп персонала снижает уровень социальной напряженности, для которой характерны явные или скрытые формы противоборства, вызванные ущемлением интересов одной из сторон социально-трудовых отношений, а также различного рода конфликтных ситуаций.

Человекоориентированное управление предприятиями и организациями если оно приобретает программно-деятельный характер, по предварительным экспертным оценкам руководящего состава предприятий, позволяет от 10 до 20 % обеспечить рост производительности труда, на 7–10 % — снижение непроизводительных затрат рабочего времени. Кроме того, обеспечивает активизацию включенности персонала в достижение целей социально-экономического развития.

Литература

1. Mayo A. The Human Value of the Enterprise: valuing people as assets — monitoring, measuring, managing. London, Boston: Nicolas Brealey International, 2001. 256 p.
2. Bontis N., Dragonetti N. C., Jacobsen K., Roos G. The Knowledge Toolbox: a Review of the Tools Available to Measure and Manage Intangible Resources // European Management Journal. 1999. Vol. 17. No. 4. P. 391–402. DOI: 10.1016/S0263-2373(99)00019-5
3. Elias J., Scarborough H. Evaluating Human Capital: an Exploratory Study of Management Practice // Human Resource Management Journal. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 21–40. DOI: 10.1111/j.1748-8583.2004.tb00131.x
4. Putnam R. Who Killed Civic America? Prospect, 1996. March 20. URL: <https://www.prospect-magazine.co.uk/magazine/whokilledcivicamerica> (дата обращения: 11.12.2019).
5. Grant R. M. The Resource-Based Theory of Competitive Advantage: Implications for Strategy Formulation // California Management Review. 1991. Vol. 33. No. 3. P. 114–135. DOI: 10.1016/B978-0-7506-7088-3.50004-8

6. Гончаров В. В. В поисках совершенства управления: руководство для высшего управленческого персонала. В 2 т. Т. 2. М.: МНИИПУ, 1998. 784 с.
7. A Future that Works: Automation, Employment, and Productivity. 2017 January // McKinsey Global Institute. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx> (дата обращения: 11.12.2019).
8. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. М.: Эксмо, 2018. 317 с.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 209 с.
10. Кантор М. Франкфуртская школа и ее советское зеркало [Электронный ресурс] // Story. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-utopiy/frankfurtskaya-shkola-i-ee-sovetskoe-zeralo/> (дата обращения: 11.12.2019).
11. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. Е. Рождественской. М.: Эксмо, 2015. 255 с.
12. Trussler S. The Rules of the Game // Journal of Business Strategy. 1998. Vol. 19. No. 1. P. 16–19. DOI: 10.1108/eb039904
13. Castells M. The Impact of the Internet on Society: A Global Perspective [Электронный ресурс] // MIT Technology Review. 2014. URL: <https://www.technologyreview.com/view/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/> (дата обращения: 11.12.2019).
14. Профориентационная работа среди молодежи с учетом социально-экономических факторов: метод. пособие. Л.: НИИ Профтехобразования АПН СССР, 1991. 31 с.
15. Гейсельхарт Х. Обучающееся предприятие в XXI веке / пер. с нем. Калуга: Духов. познание, 2004. 262 с.
16. Lowe J. C., Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg am Lech: Verlag Moderne Industrie, 1999. 272 p.
17. Лепский В. Е. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 3–33.
18. Фитц-енц Ж., Девисон Б. Как измерить HR-менеджмент / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Изд-во ГИППО, 2009. 349 с.
19. Потемкин В. К. Социально-профессиональное самоопределение молодежи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2020.
20. Косалимова О. А. Саморегуляция экономического поведения молодежи в сфере труда: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2008. 19 с.
21. Потемкин В. К. Экономическое развитие предприятий и социальные практики в управлении персоналом // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 47–53.
22. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / под ред. С. К. Мордовина. СПб.: Питер, 2009. 832 с.
23. Потемкин В. К. Способности и роли личности в профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2019. 160 с.

References

1. Mayo A. The human value of the enterprise: Valuing people as assets — monitoring, measuring, managing. London, Boston: Nicolas Brealey International; 2001. 256 p.
2. Bontis N., Dragonetti N. C., Jacobsen K., Roos G. The knowledge toolbox: A review of the tools available to measure and manage intangible resources. European Management Journal. 1999; 17(4):391-402. DOI: 10.1016/S0263-2373(99)00019-5
3. Elias J., Scarborough H. Evaluating human capital: An exploratory study of management practice. Human Resource Management Journal. 2004;14(4):21-40. DOI: 10.1111/j.1748-8583.2004.tb00131.x
4. Putnam R. Who killed civic America? Prospect. March 20, 1996. URL: <https://www.prospect-magazine.co.uk/magazine/whokilledcivicamerica> (accessed on 11.12.2019).
5. Grant R. M. The resource-based theory of competitive advantage: Implications for strategy formulation. California Management Review. 1991;33(3):114-135. DOI: 10.1016/B978-0-7506-7088-3.50004-8
6. Goncharov V. V. Seeking management excellence: A guide for senior management (in 2 vols.). Vol. 2. Moscow: International Research Institute for Management Problems; 1998. 784 p. (In Russ.).
7. A future that works: automation, employment, and productivity. 2017 January. McKinsey Global Institute. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Executive-summary.ashx> (accessed on: 11.12.2019).
8. Schwab K., Davis N. Shaping the fourth industrial revolution. Cologny: World Economic Forum; 2018. 287 p. (Russ. ed.: Schwab K., Davis N. Tekhnologii Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii. Moscow: Eksmo; 2018. 317 p.).
9. Schwab K. The fourth industrial revolution. New York: Crown Business; 2016. 198 p. (Russ. ed.: Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Moscow: Eksmo; 2016. 209 p.).
10. Kantor M. Frankfurt School and its Soviet mirror. Story. URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-utopiy/frankfurtskaya-shkola-i-ee-sovetskoe-zeralo/> (accessed on 11.12.2019). (In Russ.).

11. Stiglitz J. E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York, London: W. W. Norton & Co. Publ.; 2012. 560 p. (Russ. ed.: Stiglitz J. E. Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. Moscow: Eksmo; 2015. 555 p.).
12. Trussler S. The rules of the game. *Journal of Business Strategy*. 1998;19(1):16-19. DOI: 10.1108/eb039904
13. Castells M. The impact of the Internet on society: A global perspective. MIT Technology Review. Sept. 08, 2014. URL: <https://www.technologyreview.com/s/530566/the-impact-of-the-internet-on-society-a-global-perspective/> (accessed on 11.12.2019).
14. Career guidance among youth, taking into account socio-economic factors. Leningrad: Scientific Research Institute of Vocational Education of the USSR APS; 1991. 31 p. (In Russ.).
15. Geiselhart H. Das lernende Unternehmen im 21. Jahrhundert: Wissen produzieren, Lernprozesse initiieren, in virtuellen Realitäten agieren. Wiesbaden: Gabler Verlag; 2001. 204 p. (Russ. ed.: Geiselhart H. Obuchayushcheesya predpriyatie v XXI veke. Kaluga: Dukhovnoe poznanie; 2004. 262 p.).
16. Lowe J. C. Jack Welch hat das Wort: Ansichten und Einsichten eines Business-Genies. Landsberg am Lech: Verlag Moderne Industrie; 1999. 272 p.
17. Lepskii V. E. Scientific and sociocultural significance of the reflexive movement in Russia. *Refleksivnye protsessy i upravlenie = Reflexive Processes and Control*. 2001;(1):3-33. (In Russ.).
18. Fitz-enz J., Davison B. How to measure human resources management. New York: McGraw-Hill, Inc.; 2002. 368 p. (Russ. ed.: Fitz-enz J., Davison B. Kak izmerit' HR-menedzhment. Moscow: Hippo Publ.; 2009. 349 p.).
19. Potemkin V. K. Social and professional self-determination of youth. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2020. (In Russ.).
20. Kosalimova O. A. Self-regulation of economic behavior of youth in the world of work. Cand. social. sci. diss. Synopsis. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2008. 19 p. (In Russ.).
21. Potemkin V. K. Economic development of enterprises and social practices in personnel management. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(3):47-53. (In Russ.).
22. Armstrong M. Armstrong's handbook of human resource management practice. London: Kogan Page Publ.; 2001. 792 p. (Russ. ed.: Armstrong M. Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami. St. Petersburg: Piter Publ.; 2009. 832 p.).
23. Potemkin V. K. Abilities and roles of a person in professional activity. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2019. 160 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Потемкин Валерий Константинович

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заведующий
кафедрой

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, Россия
(✉) e-mail: dept.ksocupr@unecon.ru

Поступила в редакцию 12.02.2020
Подписана в печать 20.02.2020

Author information

Valeriy K. Potemkin

Doctor of Economics Sciences, Professor, Honored
Scientist of the Russian Federation, Head of Chair
St. Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia
(✉) e-mail: dept.ksocupr@unecon.ru

Received 12.02.2020
Accepted 20.02.2020

Стоимостной инжиниринг как фактор обеспечения конкурентоспособности предприятия

М. Ю. Леонтьев¹, Е. А. Синцова²

¹ ООО «ТД ЛГСТ», Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассмотрены вопросы влияния финансово-экономических факторов на уровень конкурентоспособности предприятия. В частности, подробно исследован процесс воздействия ценового фактора. Проведен анализ ведущих параметров стоимостного инжиниринга как вида консалтинговых услуг и определена целесообразность его внедрения в деятельность предприятий с целью создания дополнительных конкурентных преимуществ.

Цель. Определить особенности влияния стоимостного инжиниринга на конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и выявить его взаимосвязь с факторами конкурентоспособности.

Задачи. Раскрыть содержание стоимостного инжиниринга и особенности применения данного вида консалтинговых услуг; определить влияние со стороны ценового фактора на конкурентоспособность предприятия; обосновать перспективность применения стоимостного инжиниринга при реализации проектов как способа повышения конкурентоспособности.

Методология исследования основана на системном подходе, а также применении логического, сравнительного, факторного и структурного анализа с применением теоретического аппарата анализа экономических процессов.

Результаты. В процессе исследования предлагается применение стоимостного инжиниринга в качестве основополагающего звена при интеграции процессов планирования, финансирования и ценообразования на уровне предприятия. Целесообразность применения именно такого вида консалтинговых услуг определяется и наличием тесной связи между стоимостным инжинирингом и факторами конкурентоспособности.

Выводы. Применение стоимостного инжиниринга на современном этапе развития национальной экономики способно оказывать положительное влияние на уровень конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, а также создавать и развивать их дополнительные конкурентные преимущества.

Ключевые слова: стоимостной инжиниринг, ценообразование, управление стоимостью проекта, факторы конкурентоспособности, эффективность деятельности.

Для цитирования: Леонтьев М. Ю., Синцова Е. А. Стоимостной инжиниринг как фактор обеспечения конкурентоспособности предприятия // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 177–183. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-177-183>

Cost Engineering as a Factor in Ensuring the Competitiveness of Enterprises

M. Yu. Leont'ev¹, E. A. Sintsova²

¹ LTD "TH LMCT", St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

The presented study examines the effects of financial and economic factors on the competitiveness of enterprises, with a particular focus on the impact of the price factor. It analyzes the major parameters of cost engineering as a type of consulting services and assesses the practicability of its implementation in the activity of enterprises to create additional competitive advantages.

Aim. The study aims to determine the effects of cost engineering on the competitiveness of economic entities and its correlation with competitiveness factors.

Tasks. The authors define cost engineering and the specific features of this type of consulting services, determine the impact of the price factor on the competitiveness of enterprises, and substantiate the potential for using cost engineering in the implementation of projects as a way of enhancing competitiveness.

Methods. This study is based on the systems approach as well as logical, comparative, factorial, and structural analysis using the theoretical framework of analysis of economic processes.

Results. The study proposes using cost engineering as a fundamental link in the integration of planning, funding, and pricing processes at the enterprise level. The practicability of using this particular type of consulting services is further substantiated by the direct correlation between cost engineering and competitiveness factors.

Conclusions. Application of cost engineering at the modern stage of development of the national economy can have a positive effect on the competitiveness of economic entities, while also creating and developing their additional competitive advantages.

Keywords: *cost engineering, pricing, project cost management, competitiveness factors, performance.*

For citation: Leont'ev M.Yu., Sintsova E.A. Cost Engineering as a Factor in Ensuring the Competitiveness of Enterprises. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 177-183 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-177-183>

Циклический характер экономического развития выступает в качестве неотъемлемой компоненты рыночных условий хозяйствования. В таких условиях, характеризующихся наличием динамичных изменений во внешней среде, каждому предприятию необходимо применять те или иные меры для обеспечения своевременной реакции на них.

В рыночных условиях хозяйствования достижение стабильного роста и развития предприятия без проведения мероприятий, связанных с мониторингом и планированием, не представляется возможным. Анализ потенциальных конкурентов, их положения на рынке, состояния отрасли и региона, а также текущего положения исследуемого хозяйствующего субъекта и перспектив его развития — необходимое условие обеспечения эффективности деятельности предприятия. Невысокий, по нашему мнению, уровень конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в Российской Федерации (РФ) оказывает значительное влияние на развитие национальной экономики. Поэтому анализ факторов конкурентоспособности и поиск путей повышения ее уровня в современных условиях хозяйствования выходит на первый план.

Поскольку конкурентоспособность представляет собой многоуровневый показатель, что подробно рассмотрено в ряде работ (например, интересная градация приведена В. А. Быковым и Т. Г. Философовой [1]), то следует отметить, что в настоящей статье речь пойдет о конкурентоспособности на уровне предприятия. О. А. Тарутько [2, с. 303] пишет о том, что под конкурентоспособностью в масштабе предприятия следует понимать экономическую категорию, характеризующую реальное и потенциальное превосходство предпринимательской структуры в вопросах функционирования в динамичной конкурентной среде, привлечения потребителей и удовлетворения их потребностей, умения производить и реализовывать конкурентоспособный продукт (постоянно повышая его качество), наращивания конкурентных преимуществ и увеличения доли

на рынке, достигнутых без ущерба финансовому состоянию.

Конкурентоспособность — отличительная черта, определяющая степень отличия одного предприятия от конкурентов в вопросах удовлетворения потребителей. На уровень конкурентоспособности предприятия оказывается влияние со стороны большого количества факторов, как внутренних, так и внешних. Конкурентоспособность предприятия представляет собой неоднозначную, спектральную категорию, которая включает в себя не только качественные, количественные и ценовые параметры товаров/услуг, но также зависит от профессионализма руководства предприятия. К наиболее важным факторам, влияющим на конкурентоспособность предприятия, следует отнести рыночные условия, уровень конкуренции со стороны других участников рынка в том же сегменте, техническое оснащение предприятия, внедренные в производство инновации, уровень мотивации и квалификации работников, финансовую стабильность [3, с. 364–366]. Высокий уровень конкурентоспособности предприятия также определяется его авторитетом на рынке.

Несмотря на большое количество исследований, выполненных отечественными и зарубежными авторами, многие вопросы, связанные с содержанием понятия конкурентоспособности, методиками ее оценки и факторами, оказывающими влияние на ее уровень, остаются дискуссионными. При попытке составить максимально полный перечень факторов конкурентоспособности исследователь может столкнуться с тем, что одни факторы входят в состав других, а некоторые из них оказывают косвенное влияние. Поэтому при составлении перечня факторов крайне важным является определение сфер или индикаторов, в рамках которых будет производиться оценка.

Так как настоящая статья посвящена исследованию воздействия на уровень конкурентоспособности со стороны ценовых факторов, то следует остановиться на внутренних факторах конкурентоспособности, т. е. на группе

финансово-экономических факторов (согласно системной классификации, представленной в работе О. А. Тарутко «Исследование влияния хозяйственных рисков на конкурентоспособность предпринимательских структур» [4, с. 34]). Ценообразование, как фактор конкурентоспособного, оказывает существенное влияние на маркетинг продуктов, работ, услуг, в несколько раз, по мнению авторов, превышая эффект от рекламных кампаний. Следовательно, значимым аспектом ценообразования считается рациональный подход к этому процессу, его адекватность.

Правильно установленная цена в ходе операций по реализации продукции, работ или услуг позволит предприятию получать выручку, значительно превосходящую по объемам все понесенные расходы, и, как следствие, получать положительный финансовый результат. Это будет основным условием обеспечения непрерывного производственного процесса, а также расширенного воспроизводства. Получив выручку от продажи, предприятие направит ее на закупку сырья, необходимого для обеспечения производственного процесса, наймет сотрудников, произведет иные необходимые расходы и начнет новый производственный цикл. Если объем продаж по установленной цене не позволяет покрыть совокупные расходы предприятия, это может привести к отсутствию возможности финансировать некоторые элементы производства.

Таким образом, адекватное ценообразование должно создавать условия для роста выручки, покрытия расходов и получения прибыли на уровне не ниже ожидаемой, необходимой для развития предприятия и удовлетворения потребностей заинтересованных сторон (акционеров, учредителей, членов команды и т. д.) [5, с. 130]. Поэтому данный фактор может быть определен как один из основных с точки зрения его влияния на конкурентоспособное развитие предприятия.

В экономической литературе встречается несколько подходов к формированию цен, в том числе затратный и маркетинговый:

- подход, ориентированный на себестоимость производимых товаров, оказываемых услуг или производимых работ, и основанный на объеме производственных затрат. В российских реалиях чаще всего прослеживается этот подход. Он игнорирует ориентацию на рынок или запросы потребителей, но в полной мере связан с совокупными производственными затратами;
- подход, основанный на маркетинге, можно условно разделить на два подтипа, а именно: определение цены в зависимости от результатов анализа цен, установленных на аналогичные товары, и определение цены, ис-

ходя из результатов анализа потребительной стоимости товара и предпочтений клиентов. С маркетинговым подходом становится возможным получать большую прибыль, устанавливая более высокие цены, используя различные маркетинговые методы.

Для исследования воздействия ценового фактора на уровень конкурентоспособности предприятия рассмотрим стоимостной инжиниринг как самостоятельный вид консалтинговых услуг, который определяется как предоставление одной из сторон (консультантом) другой стороне (заказчику) комплекса услуг по оценке и контролю.

Стоимостной инжиниринг занимает значимое место в сфере управления стоимостью, в связи с необходимостью повышения эффективности планирования и управления капитальными вложениями в условиях повышения конкурентной борьбы на рынке. Услуги связаны с расчетом затрат на проектирование, строительство и изготовление, а также ввод объекта в эксплуатацию, с расчетом затрат на новые технологические процессы на предприятии заказчика. Ценообразование на существующие производственные процессы осуществляется до внедрения продукта в производство и сбыта продукции [6]. Стоимостной инжиниринг представляет собой комплексную технологию, направленную на оптимизацию стоимости объекта на всех этапах инвестиционного проекта.

Стоимостной инжиниринг, по сути, является связующим звеном таких процессов, как ценообразование, планирование и финансирование. Отношение затрат к выручке предприятия, согласно динамического метода оценки конкурентоспособности предприятий [7], позволяет определить один из интегральных факторов конкурентоспособности, в частности операционную эффективность. Исследователь определяет, какие именно затраты принимать в расчет при проведении оценки: затраты, относимые на себестоимость, или совокупные расходы предприятия. Соответственно, внедрение стоимостного инжиниринга как эффективного подхода в деятельность того или иного предприятия способно оказывать влияние на уровень его конкурентоспособности через непосредственное воздействие на такой интегральный фактор, как операционная эффективность.

Второй интегральный фактор конкурентоспособности в соответствии с вышеуказанным методом [7] — стратегическое позиционирование, основным индикатором которого выступает доля рынка, занимаемая предприятием. Расчет показателя стратегического позиционирования основан на применении индекса изменения объемов выручки, т. е. напрямую связан с объемом продаж предприятия. Как отмечалось ранее, объем продаж тесно связан

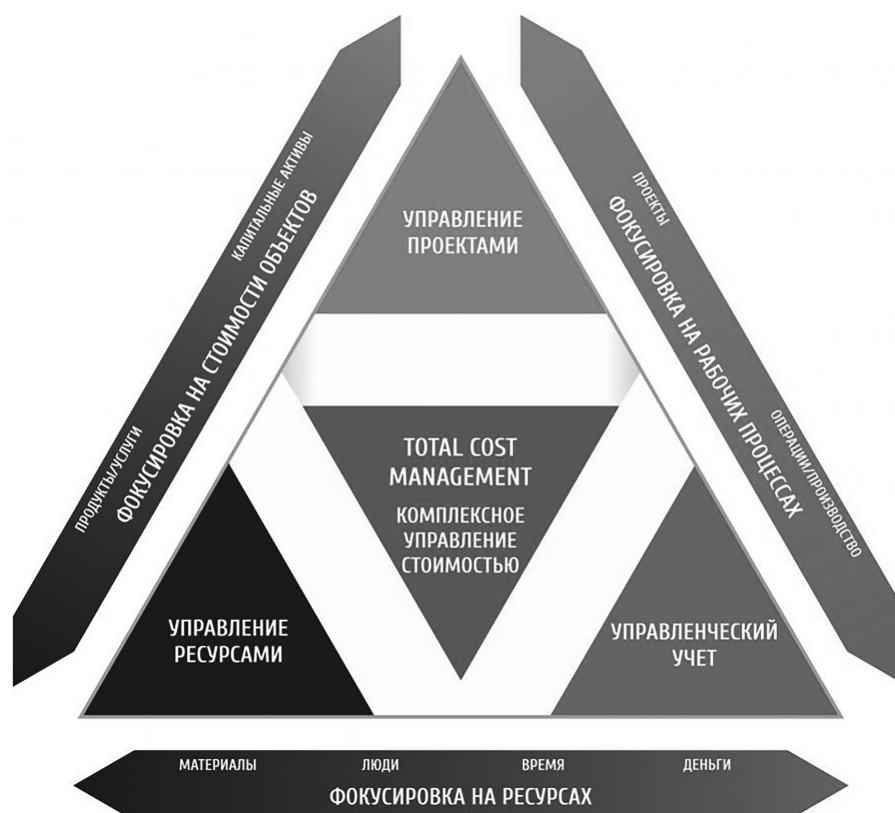


Рис. 1. Положение стоимостного инжиниринга в системе управления затратами предприятия [9]

с эффективностью ценовой политики. Другими словами, это демонстрирует взаимосвязь между ценовым фактором и интегральным фактором конкурентоспособности.

Стоимостной инжиниринг включает в себя ряд этапов: бюджетирование проекта, в том числе составление планового бюджета, определение суммы необходимых инвестиций, оценку эффективности капитальных вложений; определение расчетной цены; проведение экспертизы, направленной на проверку сметной стоимости; формирование стоимости реализации проекта; осуществление контроля расходования средств в процессе реализации проекта; проведение анализа фактических затрат по результатам реализации проекта [8, с. 1183].

Планирование затрат на инвестиционные строительные проекты тесно связано с понятиями управления рисками проекта, комплексного управления стоимостью проекта (Total Cost Management, TCM). При интегрированном управлении проектами могут использоваться все методы и инструменты расчета затрат, в том числе технологический аудит, аудит цен, метод освоенного объема. Для более наглядного представления о месте и роли стоимостного инжиниринга в системе управления затратами предприятия рассмотрим положение такого элемента, как комплексное управление стоимостью относительно других компонентов этой системы, что находит отражение на рисунке 1.

Из анализа рисунка 1 следует, что центральным звеном системы управления затратами предприятия служит комплексное управление стоимостью, которое может быть представлено в качестве интегрирующего компонента системы. Данный компонент позиционируется, как увязывающее звено между управлением ресурсами, управлением проектами, а также управленческим учетом. В основе вышеуказанной системы находится процессная модель, что наглядно представлено боковыми блоками схемы и отражает тот факт, что метод охватывает различные аспекты деятельности предприятия, в том числе использование стратегических активов в постоянном режиме [10].

Стоимостной инжиниринг может быть охарактеризован как инновационный и актуальный проект, направленный на комплексное решение задач, что позволяет говорить о его перспективности и востребованности со стороны участников рынка. Данное суждение особенно актуально в условиях, когда снижение затрат как на этапе проектирования, так и во время внедрения и эксплуатации проекта выступает в качестве ключевой задачи предприятий. Одной из особенностей стоимостного инжиниринга является то, что данный подход способствует достижению всех планируемых результатов, удовлетворению ожидания клиента и дает возможность сделать это в намеченные сроки. Применение методологии освоенного объема в качестве передовой системы методов конструирования затрат, объединен-



Рис. 2. Процесс реализации проекта с применением стоимостного инжиниринга [9]

ных общим названием, позволяет качественно измерять и контролировать эффективность реализации проекта.

Очень важный этап в реализации проекта — этап предварительного технологического инжиниринга, поскольку степень влияния на проект по мере его реализации значительно снижается. Возможность внесения изменений в проект существенно зависит от своевременности разработки вариантов, выбора приоритетного решения и использования гибких подходов в разработке. Плохо оптимизированные проектные решения могут негативно повлиять на инвестиционную привлекательность проекта и привести к приостановке реализации на многих этапах.

Процесс реализации проекта с применением стоимостного инжиниринга схематично представлен на рисунке 2.

Применение стоимостного инжиниринга дает возможность на любом этапе отслеживать эффективность проекта, прогнозировать все отклонения от графика исполнения и освоения бюджета. Для проведения мониторинга эффективности проекта на всех стадиях его реализации необходимо создание расписания и программы проекта, комплексного целевого плана, а также основного бюджета проекта. Анализ отклонений разработанного проекта в процессе мониторинга позволяет своевременно замечать потенциально возможные нежелательные последствия и принимать превентивные меры для их устранения, в том числе:

- с точки зрения отклонения от плана (видеть отставание и опережать целевой план, синхронизировать данные с отчетами о заверше-

нии, анализировать возможные отклонения от графика);

- с точки зрения стоимости проекта (определить состояние выполненных работ по отношению к целевому плану (с использованием отклонения в затратах), выявить отклонения (устранить ошибку в оценке реализации проекта, возникающую из прямого сравнения фактических затрат с бюджетом);
- с точки зрения готовности (расставить приоритеты и сосредоточиться на работе, направленной на реализацию проекта, оценить оставшиеся требования и сформировать наиболее вероятную оценку времени и затрат, необходимых для достижения целей, определить отклонение по степени готовности и оценить степень несоответствия с планом).

Вопросы, связанные с управлением стоимостью проектов, наращиванием эффективности капиталовложений, совершенствованием процессов планирования и увеличением отдачи на вложенный капитал в текущих условиях, характеризующихся высоким уровнем конкуренции, выходят на передний план. Процедура расчета стоимости инвестиционных проектов тесно связана с концепцией управления стоимостью проекта, которая, в свою очередь, включает в себя процессы, необходимые для обеспечения реализации проекта в установленные сроки и в рамках утвержденного бюджета [8, с. 1194]. Достижение всех заранее определенных результатов дает возможность сделать проект более привлекательным для инвесторов и, следовательно, оказывает положительное влияние на уровень конкурентоспособности предприятия.

Таким образом, на основе выбранной стратегии управления стоимостью проекта разрабатывается тактика ценообразования в виде набора конкретных практических мер, обеспечивающих реализацию стратегии управления ценами на основе текущей рыночной ситуации, включая реализацию цели продавца на каждом рынке и каждый товар на определенный период. Применение концепции стоимостного инжиниринга в качестве основополагающе-

го звена при интеграции процессов планирования, финансирования и ценообразования способно создать условия для успешного и конкурентоспособного развития предприятий. Именно данный вид консалтинговых услуг за счет взаимосвязи с интегральными факторами конкурентоспособности положительно влияет на уровень конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, а также создает и развивает дополнительные конкурентные преимущества.

Литература

1. *Философова Т. Г., Быков В. А.* Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 296 с.
2. *Тарут'ко О. А.* Анализ и уточнение категорийно-понятийного аппарата теории конкурентоспособности предпринимательских структур // Развитие финансовых отношений в период становления цифровой экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2018. С. 297–306.
3. *Бурим Е. О., Лымарева О. А.* Влияние конкурентоспособности предприятия на финансовую устойчивость // Молодой ученый. 2015. № 13. С. 364–366.
4. *Тарут'ко О. А.* Исследование влияния хозяйственных рисков на конкурентоспособность предпринимательских структур // Исследование методов управления финансовыми рисками. Российский и зарубежный опыт: монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 30–56.
5. *Утегенова Г. С.* Прагматичный подход в вопросах ценообразования как фактор повышения конкурентоспособности предприятия // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и финансов: сб. науч. трудов по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 2017. С. 130–133.
6. *Малахов В. И.* Стоимостное моделирование инвестиционно-строительных проектов. М., 2018. 80 с.
7. *Воронов Д. С.* Динамический подход к оценке конкурентоспособности предприятий // Маркетинг в России и за рубежом. 2014. № 5. С. 92–102.
8. *Мухаррамова Э. Р.* Стоимостной инжиниринг в строительстве // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 10. С. 1179–1196. DOI: 10.18334/rp.17.10.35283
9. Стоимостной инжиниринг [Электронный ресурс] // ПЕГАЗ. URL: <https://nipi-pegaz.ru/competencies/288/> (дата обращения: 04.10.2019).
10. Стоимостной инжиниринг: управление стратегическими активами и управление проектами [Электронный ресурс] // Международная ассоциация развития стоимостного инжиниринга. URL: <http://www.aace.ru/about-the-association-aace/cost-management-and-cost-engineering/> (дата обращения: 04.10.2019).

References

1. *Filosofova T. G., Bykov V. A.* Competition. Innovation Competitiveness. Moscow: Yuniti-Dana; 2012. 296 p. (In Russ.).
2. *Tarut'ko O. A.* Analysis and clarification of the category-conceptual apparatus of the theory of competitiveness of enterprise structures. In: The development of financial relations during the emergence of the digital economy. Proc. Int. sci.-pract. conf. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. of Management Technology and Economics; 2018:297-306. (In Russ.).
3. *Burim E. O., Lymareva O. A.* The impact of enterprise competitiveness on financial stability. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2015;(13):364-366. (In Russ.).
4. *Tarut'ko O. A.* Study of the impact of economic risks on the competitiveness of business entities. In: Research on financial risk management methods. Russian and foreign experience. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. of Management Technology and Economics; 2017:30-56. (In Russ.).
5. *Utegenova G. S.* A pragmatic approach to pricing as a factor in increasing the competitiveness of an enterprise. In: Actual issues of economics, management and finance. Proc. Int. sci.-pract. conf. Almaty: Narxoz University; 2017:130-133. (In Russ.).
6. *Malakhov V. I.* Cost modeling of investment and construction projects. Moscow. 2018. 80 p. (In Russ.).
7. *Voronov D. S.* A dynamic approach to assessing the competitiveness of enterprises. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Journal of Marketing in Russia and Abroad*. 2014;(5):92-102. (In Russ.).
8. *Mukharromova E. R.* Cost engineering in construction. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2016;17(10):1179-1196. (In Russ.). DOI: 10.18334/rp.17.10.35283
9. Value engineering. PEGAZ. URL: <https://nipi-pegaz.ru/competencies/288/> (accessed on 04.10.2019). (In Russ.).
10. Cost engineering: Strategic asset management and project management. AACE Russia Section. URL: <http://www.aace.ru/about-the-association-aace/cost-management-and-cost-engineering/> (accessed on 04.10.2019). (In Russ.).

Сведения об авторах

Леонтьев Михаил Юрьевич

генеральный директор

ООО «ТД ЛГСТ»

198332, Санкт-Петербург, Ленинский пр., д. 96,
корп. 2, Россия

(✉) e-mail: leontevmu2302@gmail.com

Синцова Елена Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а, Россия

(✉) e-mail: sintsova_elena@hotmail.com

Поступила в редакцию 04.02.2020

Подписана в печать 19.02.2020

Author information

Mikhail Yu. Leont'ev

General Manager

LTD "TH LMCT"

Leninskiy Ave 96/2, St. Petersburg, 198332, Russia

(✉) e-mail: leontevmu2302@gmail.com

Elena A. Sintsova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of Chair

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, 190103,
Russia

(✉) e-mail: sintsova_elena@hotmail.com

Received 04.02.2020

Accepted 19.02.2020

Эволюция теорий управления и возможности их применения в агропродовольственном комплексе

Н. В. Решетникова¹

¹Институт аграрных проблем РАН, Саратов, Россия

Актуальность вопросов научного обоснования подходов к формированию и трансформации структуры управления агропродовольственным комплексом четко прослеживается в современных условиях совершенствования агропродовольственной системы, реализации задач Доктрины продовольственной безопасности РФ в редакции 2020 г.

Цель. Проследить развитие и эволюцию экономической мысли в направлении исследования теорий управления, особенно в условиях возникновения новых внешних угроз и внутренних рисков. Провести систематизацию важнейших положений классической экономической теории и новых теоретико-методологических аспектов в сфере управления.

Задачи. Систематизация и анализ теорий управления, выявление тенденций и особенностей зарождения и развития различных теорий в зависимости от экономического положения страны, иных внешних факторов. Рассмотрение изучаемого вопроса в контексте агропродовольственного комплекса.

Методология. В ходе исследования применены методы системного анализа, эмпирического исследования (описания, сравнения), эволюционно-институциональной теории, исторического подхода и контент-анализа.

Результаты. Изучены различные школы и подходы к научному обоснованию построения сбалансированной и эффективно работающей системы управления агропродовольственным комплексом. Вопрос подробно изложен в историческом аспекте. Выделены факторы, влияющие на формирование и развитие системы управления агропродовольственным комплексом, даны методические рекомендации по ее совершенствованию.

Выводы. На основе проведенного анализа теорий управления выявлены возможности их применения в агропродовольственном комплексе. Рассмотрен вопрос о проектировании оптимальной структуры управления агропродовольственным комплексом, ее государственного регулирования. Предложен методологический подход к проектированию структуры системы управления, принципы системного подхода адаптированы для рациональной организации системы управления агропродовольственным комплексом.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, управление, научная организация труда, институциональная структура, системный подход.

Для цитирования: Решетникова Н. В. Эволюция теорий управления и возможности их применения в агропродовольственном комплексе // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 2. С. 184–191. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-184-191>

Evolution of Management Theories and Their Application in the Agro-Food Industry

N. V. Reshetnikova¹

¹Institute of Agrarian Problems of the RAS, Saratov, Russia

The relevance of the issues of scientific justification of approaches to the formation and transformation of the management structure in the agro-food industry is evident in the context of the ongoing development of the agro-food system and accomplishment of the objectives of the Food Security Doctrine of the Russian Federation for 2020.

Aim. The presented study aims to trace the development and evolution of economic thought exploring management theories, particularly in the context of new external threats and internal risks, and to systematize the fundamental provisions of classical economic theory and new theoretical and methodological aspects in the field of management.

Tasks. The authors systematize and analyze management theories, identify trends and specific features of the conception and development of various theories depending on the country's economic situation and other external factors, and consider the subject in the context of the agro-food industry.

Methods. This study uses the methods of systems analysis, empirical research (description, comparison), evolutionary-institutional theory, historical approach, and content analysis.

Results. Different schools of thought and approaches to the scientific justification of building a balanced and efficient management system for the agro-food industry are examined. The historical aspects of the subject are thoroughly examined. The factors that affect the formation and development of the management system in the agro-food industry are identified, and methodological recommendations for improving this system are provided.

Conclusions. Based on the analysis of management theories, the authors identify opportunities for their implementation in the agro-food industry, address the issue of designing an optimal management structure for the agro-food industry and its regulation by the government, propose a methodological approach to management system design and adjust the principles of the systems approach to ensure rational organization of the management system in the agro-food industry.

Keywords: agro-food industry, management, scientific management, institutional structure, systems approach.

For citation: Reshetnikova N.V. Evolution of Management Theories and Their Application in the Agro-Food Industry. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 184-191 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-184-191>

Вопросы научного обоснования построения сбалансированной и эффективно работающей системы управления агропродовольственным комплексом являются определяющими ее структуру и функционирование. Разнообразие внешних факторов трансформации агропродовольственных систем обуславливает необходимость научно обоснованного подхода к вопросам управления агропродовольственным комплексом. Мировые трансформационные процессы в экономике, обществе и технологиях отражаются и на современном восприятии вопросов управления. Совокупность проблем экологического характера, активного роста народонаселения, рост потребности в природных ресурсах обуславливают потребность в устойчивом экономическом развитии, стремящемся к экономико-экологическому равновесию. Появляется социальная ответственность бизнеса.

Выделяют четыре основные школы менеджмента: научного управления, административного управления, управления с позиций психологии и человеческих отношений, управления с позиций науки о поведении.

Концепция научного управления сформировалась в США в начале XX в. Ее основные положения и идеи отражены в книге «Принципы научного управления» (1911) Ф. Тейлора (1856–1915) [1, с. 52]. Тейлор обосновал выделение управления в отдельную сферу науки, выявил закономерности и принципы управления, выдвинул идею о внедрении специализации работников, в том числе сотрудников управленческого звена, что дало возможность выделить исследования в сфере управления в самостоятельную область научных исследований. Тейлор сформулировал систему научной организации труда на базе пяти главных принципов.

Во-первых, речь идет о научно обоснованном отборе сотрудников с учетом специализации трудовой деятельности путем выявления со-

ответствующих способностей посредством тестирования. Во-вторых, исследование рабочих процессов с научной точки зрения, включая изучение временных затрат, усилий. Обучение сотрудников эффективным технологиям работы. В-третьих, научно обоснованная специализация подразделений производства. В-четвертых, материальная и моральная мотивация, в-пятых, справедливое распределение ответственности между рабочими и управляющими.

Ф. Гилберт (1868–1925) и Л. Гилберт (1878–1972) являлись основными последователями идей Тейлора и занимались разработкой вопроса человеческого ресурса управления. Концепция научного управления рассматривала вопросы менеджмента на предприятии, в том числе рост эффективности его производства [1, с. 59]. В методологическом плане данная школа изучала предприятие как совокупность самостоятельных подразделений с определенными закономерностями в работе. К функции управления относится изучение данных тенденций и закономерностей, управление ими внутри подразделения. При этом предприятие не позиционировалось как единая система, что снижало эффективность управленческих решений, ограничивало реализацию производственного потенциала.

Концепция административного управления активно разрабатывалась в 20-е гг. XX в. и была направлена на исследование вопросов построения управления организации в целом [1, с. 64]. В рамках этой концепции дано определение организационной структуры как системы взаимосвязей с установленной иерархией. Особенность концепции административного управления заключается в изучении организации как замкнутой системы, потенциал роста эффективности которой состоит в повышении эффективности внутрифирменных процессов без рассмотрения воздействия внешних факторов.

В вопросах внутрифирменного управления появилась тенденция изучения систематизированного направления как основного фактора эффективного достижения целей организации. Эта концепция получила также название классической теории управления. Родоначальником последней и в целом научного менеджмента считается А. Файоль (1841–1925). Он выделял такие ключевые направления деятельности организации, как техническое (производственный процесс), коммерческое (приобретение материалов, создание товарных запасов), финансовое (регулирование денежных потоков), административное (управление персоналом), защита жизни, личности и собственности людей [2, с. 110]. Направления деятельности организации требуют управления на базе планирования, организации, координации, контроля, мотивации. Всесторонний анализ управленческих процессов и закономерностей позволили Файолю сформулировать 14 принципов административного управления, которые актуальны и в настоящее время. Продолжил развивать идеи Файоля инженер-механик Г. Эмерсон, основным научным трудом которого стали 12 принципов производительности. Подобные вопросы организации управления рассматривал и Г. Форд.

К классической школе менеджмента также относится концепция «рациональной бюрократии» М. Вебера (1864–1920). Характеристиками модели рациональной бюрократической организации являются функционально обоснованное разделение труда по направлениям деятельности, иерархическая структура управления, регламентация прав и обязанностей работников, конкурентный отбор и дальнейшее продвижение по карьерной лестнице работников, исходя из их квалификации [1, с. 73]. Взгляды Вебера сформировались в первой половине XX в. и применимы для крупных организаций, государственных корпораций того времени, а в условиях рыночной экономики его реализация не выгодна из-за снижения мобильности.

Концепция управления с позиции психологии разрабатывалась американским психологом А. Маслоу (1908–1970). Она объясняет нематериальные факторы роста мотивации и вовлеченности в рабочий процесс. Данная концепция получила наибольшее распространение в 30–50-е гг. XX в. В 60-е гг. активно реализуется концепция управления с позиции науки о поведении [2, с. 129]. Она рассматривает возможности роста эффективности деятельности предприятия за счет работы с человеческими ресурсами посредством мотивации, оптимизации организационной структуры, коммуникации в организации, повышения качества трудовой жизни и содержания работы.

Данная концепция направлена на поддержку сотрудников в осознании своего потенциала благодаря использованию положений поведенческих наук.

Вторая половина XX в. характеризуется переходом к эре постиндустриального развития, которому свойственны новые закономерности и особенности. Перемены вызваны прорывным научно-техническим прогрессом, активным наращиванием научного и производственного потенциала. После Второй мировой войны произошла глобальная трансформация мировой экономики: прослеживается преобладание инновационных отраслей и отраслей, направленных на удовлетворение потребности населения. По запросам рынка стала углубляться производственная специализация, призванная удовлетворить спрос небольших по емкости рынков. Эта тенденция привела к росту предпринимательских структур, в том числе и малых предприятий, усложнению процесса взаимодействия между институтами экономической системы. Периоду, начавшемуся в 90-е гг. XX в., присуще внимание к человеческому фактору. В это время выделился социальный аспект управления. Ученые стали изучать роль социальных факторов, мотивации в управленческих процессах. В новых условиях возросла роль качества человеческого капитала, его высокой степени профессиональной подготовки, мотивации и самоотдачи, взаимодействия в коллективе.

Мировое развитие научных подходов к управлению повлекло за собой формирование моделей управления с национальными особенностями, основными из которых являются европейская, американская и японская. Отличительной чертой европейской модели управления стало главенство рыночных механизмов в экономике, что способствует обеспечению высокого социального уровня жизни, стимулированию экономического и технологического развития посредством высокой конкуренции. Государственная политика в целом и экономическая в частности ориентированы на максимально полное выполнение социальных функций, социальное выравнивание, что позволяет минимизировать социальное напряжение. Отдельного внимания заслуживает шведская модель управления, которая характеризуется уникальной системой социальной защиты. Американской системе управления свойственны жесткая структура управления, персонализированный подход в отношении кадровой политики, ожидание инициативности и индивидуальности сотрудников, отбор сотрудников уже на уровне университетов, персональная ответственность сотрудников, зависимость оплаты труда от индивидуальных достижений, производительности, ори-

ентация на узких специалистов. Японская модель управления отличается следующими принципами. Структура управления обладает гибкостью, отличается активным привлечением для обучения на производстве студентов и школьников, непрерывным внутрифирменным обучением, принципом уравнительной зарплаты в зависимости от показателей группы и трудового стажа, коллегиальной ответственностью, преобладанием руководителей широкого профиля.

Наука управления включает в себя широкий спектр школ, концепций, моделей, порой не совместимых друг с другом. Однако они объединены стремлением на основе исследования организационно-технических проблем менеджмента предложить решения для оптимального управления в условиях рыночной экономики. Это предъявляет требования к повышению практической значимости теоретических исследований в сфере управления.

Современному этапу исследования управления присуще акцентирование внимания на вопросах взаимодействия с внешней средой, ориентацией фирм в динамичных условиях рыночной экономики. Важно в рамках регулирования рыночных отношений осветить вопросы адаптации организации к внешним рыночным условиям по каждому продукту, так называемого планирования продукта, которое включает в себя совокупность мероприятий по исследованию рынка определенного товара, составлению прогнозов, разработке и внедрению нового товара, активизации спроса и получению высокой прибыли от реализации. Менеджмент в условиях рынка содержит не только теоретические послы к регулированию, а также разрабатывает практические рекомендации по разработке новых форм и методов организации хозяйственной деятельности предприятий.

Российские ученые и управленцы внесли значительный вклад в развитие мировой управленческой мысли. В отношении производственной оптимизации труда уже в 1860–1870 гг. в Московском высшем техническом училище (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана) создана методика рационализации трудовых движений, удостоенная «Медали преуспевания» на Всемирной торговой выставке в Вене в 1873 г. Методика сразу получила распространение в Великобритании. В 1908 г. в России стали выпускать сборники переводов зарубежных изданий в области научного менеджмента под названием «Административно-техническая библиотека». В некоторых высших учебных заведениях начали преподавать дисциплины, связанные с управлением. После Первой мировой и Гражданской войн в начале 20-х гг. XX в. возобновились отечественные исследо-

вания в сфере управления производством и научной организации труда (НОТ), нашедшие отражение в «Основных законах научной организации производства и НОТ», сохранивших актуальность и сегодня [2, с. 142].

Сформулированы основные законы управлением производственными системами, актуальные по настоящее время. Так, например, закон наименьших при цепной связи говорит об ограничении объема конечной продукции со стороны наиболее слабого звена, несмотря на возможности остальных звеньев. Закон взаимного замыкания объясняет целесообразность в первую очередь создания основного производства и подразделений, во вторую очередь — подразделений, обеспечивающих удовлетворение внутренних потребностей, а затем подразделений, работающих во внешнюю среду. Закон фронта работ заключается в объективной необходимости соответствия нагрузки на людей их реальным возможностям. Закон реальных условий состоит в потребности постановки только достижимых целей на основе реальных условий, существующих потребностей и возможных результатов.

Наибольший вклад в развитие отечественных исследований в области управления внесен в 20-е гг. XX в. в период нэпа. В это время выделились два главных течения в исследовании управления — организационно-техническое и социальное. К первому направлению можно причислить концепции «организационного управления» А. А. Богданова, «физиологического оптимизма» О. А. Ерманского, «узкой базы» А. К. Гастева, «производственную трактовку» Е. Ф. Розмирович; ко второму — концепцию «организационной деятельности» П. М. Керженцева, «социально-трудовую концепцию управления производством» М. А. Витке и теорию «административной емкости» Ф. Р. Дунаевского [2, с. 156].

Выдающийся ученый А. А. Богданов (1873–1928) выявил общие черты различных типов управления (в природе, технике и обществе), что дало возможность заговорить об управлении как о науке. Предметом исследования для технических отраслей выступают организация вещей, для экономики — организация людей. Воззрения Богданова не получили широкого распространения, но повлияли на развитие современной кибернетики и сетевых методов планирования, в том числе положения о структурной устойчивости систем, их уровнях и организационных механизмах формирования. Крупный организатор науки А. К. Гастев (1882–1941) в качестве ключевого фактора исследований научной организации труда и управления выделял человеческий фактор. П. М. Керженцева (1881–1940) можно отнести к исследователям направления

социального управления. В рамках научной организации труда он разделял понятия труда, производства и управления, особое внимание уделяя последнему. Согласно позиции Керженцева, научная организация управления подразумевает нахождение оптимальных путей осуществления управленческой функции, например, создание структуры управления, распределение функций, планирование, контроль. Керженцев был убежден в целесообразности привлечения работников к научной организации труда и управлению. Он ожидал от них не только выполнения стандартных функций, исполнения управленческих решений, но и инициативы, способствующей генерации инновационных идей. При этом руководству он отводил определяющую роль в результативности деятельности организации.

Важным этапом социального подхода к управлению является теория «административной емкости» Ф. Р. Дунаевского (1887–1964). Дунаевский определял «административную емкость» [2, с. 167] как возможность руководителя управлять ограниченным количеством работников, вне зависимости от их личных качеств, что в современном управлении принято называть диапазоном контроля. Расширение административного звена при наращивании производства обусловлено необходимостью компенсировать ограниченную административную емкость управляющего центра. С одной стороны, это ведет к расширению управленческой емкости, с другой – может привести к излишней бюрократизации и появлению информационного барьера. Дунаевский считал, что этих проблем можно избежать при качественном подборе и обучении персонала, применении инновационных подходов к управлению и планированию, механизации этапов производства и управления.

Тенденция развития исследований в области управления нашла свое продолжение в сфере отраслевой специализации. Предметом научного интереса стали отдельные организации и решение их технических проблем. В 60-е гг. XX в. вследствие широкого внедрения автоматизированных систем управления предприятиями возродилась потребность в комплексном подходе к управлению и концепция изучения хозяйственного механизма как единой организационной, экономической и социальной системы управления.

Рассматривая вопрос о проектировании оптимальной структуры управления, необходимо, в первую очередь, отталкиваться от функции системы, она должна отвечать требованиям осуществления этой функции. Под системой управления агропродовольственным комплексом традиционно понимают совокупность институтов управления, задачей которых

является создание условий для эффективной работы комплекса с учетом внутренних и внешних ограничений. У каждого института определены его место в системе, цели, задачи, функции, полномочия и ответственность. Под структурой управления понимают упорядоченную совокупность связей между институтами. В контексте структуры управления рассматривают и уровни системы, ее элементы и связи между ними. Функции системы, которые должны реализоваться посредством работы системы, определяют ее структуру, создание которой состоит в выделении и организационном закреплении функций за соответствующими элементами системы. Структура управления должна отражать организационное устройство объекта управления, его иерархический строй. Эффективность системы управления зависит от соответствия ее структуры внешним и внутренним условиям, факторам. Внешняя и внутренняя среда нуждаются в постоянном мониторинге с целью отслеживания тенденций, закономерностей и совершенствования системы в соответствии с ними.

Государственное управление реализуется в целях эффективной деятельности хозяйствующих субъектов агропродовольственного комплекса и контроля за их деятельностью. Государственные институты преимущественно осуществляют управленческое воздействие экономическими методами. Таким образом, речь идет не об управлении агропродовольственным комплексом со стороны государства, а скорее, о регулировании. Контроль со стороны государства также проводится в рамках мониторинга соблюдения требований законодательства. В качестве контролирующих институтов обычно выступают налоговая инспекция, ветеринарная служба, службы стандартизации и сертификации, экологический надзор [3, с. 247]. Эти институты обладают правами по наложению штрафов, приостановлению и запрету деятельности. Они осуществляют контрольную функцию для соблюдения прав и интересов населения, государства, экологии. Следует отметить, что чем более экономически и социально развита страна, тем более жесткие требования предъявляются в отношении контроля, что относится и к требованиям экологического надзора, контроля качества и стандартов.

В России действует трехуровневая система управления агропродовольственным комплексом, объединяющая институты федерального, регионального и районного уровней. Такое структурное деление целесообразно в связи удобством распределения функций для каждого звена. Федеральный уровень включает в себя институты, осуществляющие общую экономическую и социальную политику в от-

расли, и представлен Президентом РФ, Советом Федерации, Государственной Думой, Правительством РФ, министерством сельского хозяйства РФ, министерством экономического развития и торговли РФ, министерством финансов РФ, комиссией Правительства РФ по вопросам агропродовольственного комплекса, а также различными службами (Федеральной службой земельного кадастра России и др.), ассоциациями крестьянских и фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, агропромышленным союзом РФ, другими союзами и ассоциациями, контрольными и иными органами [4, с. 6]. На региональном уровне государственное управление агропродовольственным комплексом реализуется региональным министерством сельского хозяйства. Региональное министерство находится в двойном подчинении: со стороны администрации региона (линейное) и со стороны министерства сельского хозяйства РФ (функциональное). Региональный министр назначается на должность главой региона с согласованием кандидатуры с федеральным министром сельского хозяйства. Управление агропродовольственным комплексом на районном уровне осуществляется районным управлением сельского хозяйства, имеющим также двойное подчинение — администрации региона (линейное) и региональному министерству сельского хозяйства РФ (функциональное). Районные управления выполняют важную функцию регулирования непосредственно на местах, консолидируют в себе органы местного самоуправления и государственное управление, в том числе контрольно-надзорные функции [5, с. 600].

Экономическое развитие ставит все новые задачи перед государственным управлением в целом и агропродовольственным комплексом в частности. Новые задачи требуют новых подходов, новых функций государственной системы управления агропродовольственным комплексом. Можно сделать вывод о том, что функции агропродовольственной системы, ее задачи и структура должны изменяться в зависимости от требований экономической, социальной, политической ситуаций, решать насущные проблемы отрасли. Действующая система управления агропродовольственным комплексом сформирована в период перехода к рыночной экономике. предполагалось, что такая децентрализация будет в полной мере отвечать потребностям отрасли. Тем не менее наличие разнообразных полномочий у низшего звена системы не обеспечило должную эффективность регионального и местного уровней управления [6, с. 18]. Это обуславливает потребность в усилении вертикали управления агропродовольственным комплексом с целью повышения качества проводимой аграрной по-

литики, экологического контроля при соблюдении норм частной собственности.

Изменения в системе управления инициируются при неэффективности существующей системы. Перед трансформацией ее структуры стоит цель сформировать такой алгоритм управления, который наилучшим образом будет соответствовать задачам системы, повысит эффективность взаимодействия с внешней средой, работы и взаимодействия внутренних звеньев и элементов, оптимизирует пути достижения результата.

Целесообразно выделить следующие этапы проектирования структуры системы управления: анализ, проектирование, оценка эффективности. Задача анализа структуры управления состоит в выявлении соответствия действующей системы требованиям к ее эффективности, т. е. установлении того, насколько структура управления рациональна с точки зрения оценочных критериев, характеризующих ее качество. Проектирование структуры управления направлено на выявление оптимального типа структуры, детализацию вопросов количества, состава, функционала и взаимодействий элементов системы, расчет затрат на содержание аппарата управления. В отношении методологических подходов проектирования структуры управления различают такие направления, как метод аналогий, экспертный метод, метод структуризации целей, метод организационного моделирования, метод оценки эффективности структур управления [7, с. 8]. Метод структуризации целей заключается в применении системного подхода при разработке целей системы, графических описаний этой структуры с качественным и количественным анализом и обоснованием вариантов ее построения и функционирования. Организационное моделирование состоит в определении параметров оценки оптимальности и эффективности структуры управления. Суть метода отражена в разработке формализованных математических, графических или машинных описаний распределения полномочий и ответственности в организации.

Помимо внешнего и внутреннего воздействия на структуру управления и эффективность ее функционирования значительное влияние имеют такие организационно-управленческие параметры, как соответствие управленческой системы производственным возможностям, эффективность децентрализованных звеньев системы, согласования в работе территориальных и отраслевых институтов управления, управляемость системы в целом. Территориальный фактор заметно воздействует на структуру управления, размещение объектов управления, качество инфраструктурных объектов (дороги и др.), мелиорации, связи, на транспортную

доступность и т. д. Например, в случае компактной территории, качественной инфраструктуры наличие крупных рынков сбыта, населенных пунктов, структура управления будет проще и централизованнее. Территориальная разобщенность – один из главных факторов децентрализации структуры управления. Решение многих вопросов на региональном и муниципальном уровне становится необходимостью. В связи с этим большое значение имеет квалификация сотрудников, занимающихся данными проблемами. Создание рациональной системы управления требует учета всех факторов на всех уровнях системы. Это обуславливает возможности системы реализовывать свои функции и достигать результатов наиболее рациональным путем, что особенно важно в условиях интеграционных процессов на мировых рынках.

Организационные процессы в управлении направлены на формирование новой или трансформацию существующей системы менеджмента в целях повышения эффективности ее функционирования посредством разработки структуры, определения параметров функционирования ее элементов, установления структуры системы на основе анализа и осмысления прогрессивного опыта. Возможны различные варианты организации системы управления: создание ее «с нуля», трансформация или совершенствование существующей системы.

Внедрение принципов системного подхода способствует рациональной организации системы управления. При разработке и совершенствовании системы управления должны быть установлены границы, состав структурообразующих институтов/элементов, проведена их систематизация, распределены функций, определены и отлажены внутренние и внешние взаимодействия, делегированы полномочия, выделены институты, принимающие решения, использованы информационные технологии [8]. Структура управления должна обладать минимально возможной сложностью. Существенную роль играет рациональное распределение институтов системы по горизонтали и вертикали, проработка их взаимодействий и соподчинения, определение границ делеги-

рования полномочий, внедрение информационных технологий. Важнейшим параметром любой системы является ее взаимодействие с внешней средой и взаимодействие ее внутренних подразделений. Значимый аспект — применение информационных технологий. Эффективные связи и взаимодействия обеспечивают быстрое продвижение информации, качественную совместную работу подразделений, оперативное принятие решений и в итоге функционирование системы в целом, реализацию поставленных перед ней задач. Обязательно наличие регламента, определяющего управленческие процессы разработки, согласования, принятия решения и контроля за его исполнением, что позволит установить функции, ответственность, степень самостоятельности элементов системы и их взаимодействие в ней.

При планировании трансформации структуры управления системой первоочередным вопросом является постановка целей ее функционирования. Эффективность проведенных трансформаций впоследствии будет оцениваться именно с позиции достижения целей. В случае спокойной экономической ситуации трансформации системы управления чаще всего призваны повысить эффективность ее функционирования. Кризисные явления формируют новые требования, в том числе и к структуре управления. Первоочередным становится выживание в новых условиях за счет более рационального использования ресурсов, снижения затрат и приспособления к требованиям внешней среды. Зачастую это требует расширения полномочий на нижних уровнях структуры управления и повышения производственно-хозяйственной самостоятельности элементов системы. Это требуется для привлечения большего числа людей к процессу выявления и решения проблем, что обуславливает необходимость оценки не только экономических и социальных характеристик системы, но и мониторинг движения информационных потоков, применения современных информационных технологий, которые способствуют повышению скорости принятия решений, положительно сказываются на внутрисистемных взаимодействиях.

Литература

1. Астахова Н. И., Москвитина Г. И. Теория управления. М.: Юрайт, 2013. 375 с.
2. Менеджмент в АПК / Ю. Б. Королев, В. Д. Коротнев, Г. Н. Кочетова и др. М.: КолосС, 2007. 424 с.
3. Решетникова Н. В. Институциональные факторы трансформации агропродовольственных систем // Островские чтения. 2019. № 1. С. 246–249.
4. Ушачев И., Маслова В., Чекалин В. Государственная поддержка сельского хозяйства в России: проблемы, пути их решения // АПК: экономика, управление. 2018. № 3. С. 4–12.
5. Решетникова Н. В. Трансформация государственного регулирования АПК России // Научное обозрение: теория и практика. 2019. Т. 9. № 5 (61). С. 594–602. DOI: 10.26088/INOV.2019.61.02

6. Яковенко Н. А., Иваненко И. С., Воронов А. С. Структурная модернизация как фактор роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. № 1 (367). С. 17–20. DOI: 10.24411/2587-6740-2019-11004
7. Ушаев И., Серков А., Маслова В., Чекалин В. Актуальные направления совершенствования аграрной политики России // АПК: экономика, управление. 2019. № 3. С. 4–16. DOI: 10.33305/193-4
8. Теория и методы управления межотраслевыми и межрегиональными взаимодействиями в агропродовольственном комплексе / под общ. ред. А. А. Анфиногентовой. Саратов: Саратовский источник, 2019. 118 с.

References

1. Astakhova N. I., Moskvitina G. I. Management theory. Moscow: Yurait; 2013. 375 p. (In Russ.).
2. Korolev Yu. B. et al. Management in agribusiness. Moscow: KolosS; 2007. 424 p. (In Russ.).
3. Reshetnikova N. V. Institutional factors in the transformation of agri-food systems. *Ostrovskie chteniya*. 2019;(1):246-249. (In Russ.).
4. Ushachev I., Maslova V., Chekalin V. State support for agriculture in Russia: Problems, solutions. *APK: ekonomika, upravlenie*. 2018;(3):4-12. (In Russ.).
5. Reshetnikova N. V. Transformation of state regulation of AIC in Russia. *Nauchnoe obozrenie: teoriya i praktika = Scientific Review: Theory and Practice*. 2019;9(5):594-602. (In Russ.). DOI: 10.26088/INOB.2019.61.02
6. Yakovenko N. A., Ivanenko I. S., Voronov A. S. Structural modernization as a factor in the growth of competitiveness of the Russian agri-food complex. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal = International Agricultural Journal*. 2019;(1):17-20. (In Russ.). DOI: 10.24411/2587-6740-2019-11004
7. Ushachev I., Serkov A., Maslova V., Chekalin V. Actual directions of improving the agricultural policy of Russia. *APK: ekonomika, upravlenie*. 2019;(3):4-16. (In Russ.). DOI: 10.33305/193-4
8. Anfinogentova A. A., ed. Theory and methods of managing inter-industry and inter-regional interactions in the agri-food complex. Saratov: Saratovskii istochnik; 2019. 118 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Решетникова Наталия Владимировна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт аграрных проблем РАН

410012, г. Саратов, Московская ул., д. 94, Россия

(✉) e-mail: natalia.resn@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2020

Подписана в печать 17.02.2020

Author information

Nataliya V. Reshetnikova

Candidate of Economic Sciences, Senior Research Officer

Institute of Agrarian Problems of the RAS

94 Moskovskaya Str., Saratov, 410012, Russia

(✉) e-mail: natalia.resn@mail.ru

Received 03.02.2020

Accepted 17.02.2020

Исследование характера взаимного влияния показателей при планировании инновационной деятельности предприятий

М. С. Кузьмин¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Автором проанализированы программы инновационного развития 11 компаний с государственным участием и государственных корпораций России. В ходе исследования проведено сопоставление достигнутых ранее результатов и планов инновационного развития. По итогам анализа выявлено, что сложившиеся взаимосвязи между показателями эффективности инновационной деятельности компаний за 2014–2016 гг. не были учтены и не нашли отражения в сформированных программах инновационного развития до 2020 г. Сформулированы причины сложившейся ситуации и показаны возможные направления повышения эффективности планирования развития инновационной деятельности.

Цель. Исследовать характер взаимного влияния показателей при планировании инновационной деятельности предприятий.

Задачи. Проанализировать сформированные к настоящему времени программы инновационного развития крупных государственных компаний; провести анализ взаимосвязи между показателями эффективности процессов инновационной деятельности; оценить фактические результаты выполнения программ инновационного развития за 2014–2016 гг. и выявить обоснованность сформированных плановых показателей развития инновационной деятельности на период до 2020 г.; предложить возможные направления повышения эффективности планирования развития инновационной деятельности.

Методология. При выполнении исследования использованы методы системного и корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты. В процессе анализа выявлено, что реально сложившиеся взаимосвязи между показателями эффективности инновационной деятельности компаний за 2014–2016 гг. не учтены и не нашли отражения в сформированных программах инновационного развития до 2020 г. Сформулированы причины сложившейся ситуации и показаны возможные направления повышения эффективности планирования развития инновационной деятельности. Разработана матрица определения проблемных ситуаций при планировании развития инновационной деятельности.

Выводы. При планировании развития инновационной деятельности не в полной мере учитывается характер реально сложившихся ранее взаимосвязей между показателями, характеризующими многочисленные аспекты инновационного развития на разных стадиях жизненного цикла инноваций. Проведенное исследование подтвердило формальный подход к определению планируемых значений рассмотренных показателей, не предполагающий учета реально складывающихся между ними связей, что и нашло отражение в разработанных корпорациями программах инновационного развития до 2020 г. Учет реально сложившихся взаимосвязей при планировании целевых значений ключевых показателей инновационного развития предприятий представляется возможным на основе использования методов и инструментов динамического моделирования.

Ключевые слова: инновации, планирование инновационной деятельности, показатели эффективности, взаимное влияние, стратегическое развитие.

Для цитирования: Кузьмин М. С. Исследование характера взаимного влияния показателей при планировании инновационной деятельности предприятий // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 2. С. 192–198. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-192-198>

Research the Mutual Influence of Indicators in Innovation Planning at Enterprises

M. S. Kuz'min¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

The author analyzes the innovation development programs of 11 Russian companies with state participation and state corporations and compares the achieved results with innovation development plans. The results of the analysis show that the existing relationships between the performance indicators

of the companies' innovation activity for 2014–2016 are not considered or reflected in the programs of innovation development until 2020. This study indicates the causes of the current situation and proposes directions for improving the efficiency of innovation development planning.

Aim. The study aims to examine the mutual influence of indicators in innovation planning at enterprises.

Tasks. The author analyzes the existing innovation development programs of large state-owned companies and the correlation between the performance indicators of innovation activity, assesses the actual results of the implementation of innovation development programs for 2014–2016 and the validity of the planned indicators of innovation development until 2020.

Methods. This study uses the methods of systems and correlation-regression analysis.

Results. The analysis shows that the actual relationships between the performance indicators of the companies' innovation activity for 2014–2016 are not considered or reflected in the programs of innovation development until 2020. This study indicates the causes of the current situation and proposes directions for improving the efficiency of innovation development planning. A matrix for determining problem situations in innovation development planning is developed.

Conclusions. The actual relationships between the indicators that characterize many aspects of innovation development at various stages of the innovation life cycle are not fully considered in the planning of innovation development. The conducted study confirms a formal approach to estimating the target values of the examined indicators, which disregards the actual relationships between them. The outcome of this can be seen in the programs of innovation development until 2020 developed by corporations. It is possible to make allowance for the actual relationships in the planning of the target values of innovation development indicators by using the methods and tools of dynamic modeling.

Keywords: *innovation, innovation planning, performance indicators, mutual influence, strategic development.*

For citation: Kuz'min M.S. Research the Mutual Influence of Indicators in Innovation Planning at Enterprises. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 192-198 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-192-198>

Формирование нового технологического уклада, сопровождающееся развитием передовых технологий и усилением конкуренции за лидерство на рынках высокотехнологических товаров, предопределяет необходимость внедрения различных организационных и управленческих изменений в деятельность компаний. В складывающихся условиях инновации служат одним из источников экономического роста [1] и становятся важнейшим фактором повышения конкурентоспособности продукции предприятий на международных рынках [2].

Для стимулирования инновационного развития отечественных промышленных предприятий органами государственной власти в течение последних десяти лет проводится активная государственная политика [3; 4]. Еще в 2010 г. Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям было принято решение об обязательной разработке программ инновационного развития компаниями с государственным участием и государственными корпорациями [5]. При этом, как отмечается в соответствующих нормативных документах, программы инновационного развития должны быть ориентированы на формирование научно-технического потенциала, вывод продукции на мировые рынки товаров, услуг и технологий и на внедрение высокоэффективных технологий в производство.

По оценкам российских информационно-аналитических и экспертных агентств, реализация программ инновационного развития госкомпаний с 2010 по 2016 г. ориентирована в основном на выстраивание корпоративных инновационных систем. В этот период в компаниях создавались ключевые элементы оргструктуры управления инновациями, разрабатывалась методическая документация по отдельным аспектам инновационной деятельности. Большая часть проектов в рамках программ инновационного развития была ориентирована на поддерживающие инновации, связанные с изменением только качественных или стоимостных характеристик существующего продукта, а также с адаптацией имеющихся на рынке технологий для их применения в производственно-хозяйственной деятельности.

В этих условиях на протяжении всего периода выполнения программ инновационного развития наблюдался высокий уровень достижения плановых значений ключевых показателей эффективности программ инновационного развития, оцениваемый аналитиками в 80 % [6]. К числу чаще всего встречающихся замечаний экспертов по целевым показателям программ инновационного развития компаний с государственным участием следует отнести недостаточную амбициозность ключевых показателей эффективности и отсутствие их взаимосвязи

Количественная мера тесноты связи между показателями эффективности инновационной деятельности в фактическом и плановом периодах, 2014–2020 гг.

	Доля инновационной продукции в общем объеме продаж, %				
	Коэффициенты корреляции в фактическом периоде	Коэффициенты корреляции в плановом периоде			
		2014–2016	2017	2018	2019
Доля затрат на НИОКР в общем объеме выручки, %	0,73	0,75	0,26	1	0,39
Количество патентов, шт.	0,2	0,79	0,47	0,77	0,18
Финансирование НИОКР, млн руб.	0,3	0,83	0,83	0,35	0,28
Количество внедренных в производство технологий, ед.	0,42	–0,01	–0,16	–0,15	–0,17
Финансирование программы инновационного развития (ПИР), млн руб.	0,44	0,99	0,98	–0,50	0,31

с другими целями развития компаний [7; 8]. Чтобы оценить изменения в практике формирования программ инновационного развития, в частности, определить, насколько сохраняется преемственность в разработке методологии планирования инновационного развития с учетом накопленного опыта проведения такой работы, проведен анализ сформированных к настоящему времени программ инновационного развития крупных государственных компаний, разработанных на 2017–2020 гг. В рассматриваемую выборку включены 11 крупных предприятий, входящие в перечень компаний, обязанных разрабатывать программы инновационного развития, утвержденный Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям.

Для их анализа использовалась информация об инновационной деятельности из открытых источников, включая следующие ключевые показатели эффективности инновационной деятельности, используемые одновременно всеми рассматриваемыми компаниями: объем финансирования программы инновационного развития, объем финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), доля затрат на НИОКР в общем объеме выручки, количество патентов, количество внедренных в производство технологий, доля инновационной продукции в общем объеме продаж [9]. Среди выбранных показателей лишь показатель «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» характеризует эффективность результатов инновационной деятельности компании. Остальные отобранные показатели характеризуют эффективность процессов инновационного развития.

Дальнейшее исследование ориентировано на выявление взаимосвязей между показателем эффективности результата и показателями эффективности процессов инновационной де-

ятельности. На основе использования метода корреляционного анализа исследована взаимосвязь показателя «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» с остальными отобранными показателями. Это позволило установить статистически достоверную связь между ними и определить ее тесноту по шкале Чеддока. Исследование проведено по двум направлениям, включая фактические результаты выполнения программ инновационного развития, достигнутые за 2014–2016 гг. (далее — фактический период), и плановые показатели развития инновационной деятельности на период до 2020 г. (далее — плановый период). Полученная вследствие проведенных расчетов матрица парных коэффициентов корреляции между рассмотренными показателями эффективности инновационной деятельности представлена в таблице 1.

В результате проведенного анализа сложившихся взаимосвязей между рассмотренными показателями за 2014–2016 гг. выявлено следующее. Во-первых, взаимосвязь показателей «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» и «Доля затрат на НИОКР в общем объеме выручки» имеет высокую прямую связь по шкале Чеддока. Во-вторых, взаимосвязь показателей «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» и «Количество патентов» характеризуется как слабая прямая связь. В-третьих, взаимосвязь показателя «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» с показателями «Финансирование НИОКР», «Количество внедренных в производство технологий» и «Финансирование ПИР» отличается умеренной прямой связью.

Таким образом, за прошедший период (2014–2016) при увеличении доли затрат на НИОКР в общем объеме выручки четко прослеживается увеличение доли инновационной продукции в общем объеме продаж. Вместе с тем такое увеличение продаж ин-



Рис. 1. Матрица определения проблемных ситуаций при планировании развития инновационной деятельности

новационной продукции не сопровождается значительным ростом количества патентов и количества внедренных в производственную деятельность технологий. Данный факт можно объяснить воздействием внешних и внутренних факторов, включая и преобладание в составе программ инновационного развития маркетинговых и организационных инноваций над инновациями, связанными с разработкой и внедрением новых технологий и продуктов (услуг). В свою очередь преобладание управленческих инноваций в программах инновационного развития объясняется, прежде всего, тем, что приоритетами в ходе их разработки за рассматриваемый период являлось становление и выстраивание корпоративных инновационных систем, в том числе формирование базовых управленческих структур и механизмов; создание условий для реализации прорывных инновационных проектов и обеспечения технологического сдвига; развитие инновационной инфраструктуры [10].

Вследствие анализа по выявлению возможной взаимосвязи между запланированными показателями за 2017–2020 гг. выявлено следующее. Во-первых, взаимосвязь показателя «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» с показателями «Доля затрат на НИОКР в общем объеме выручки» и «Количество патентов» на протяжении всего периода планирования колеблется в широких границах, от слабой прямой связи до высокой связи по шкале Чеддока. Во-вторых, взаимосвязь показателя «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» с показателями «Фи-

нансирование НИОКР» и «Финансирование ПИР» переходит от высокой связи в начале периода планирования к слабой связи в его конце. В-третьих, взаимосвязь показателей «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж» и «Количество внедренных в производство технологий» характеризуется слабой обратной связью в течение периода планирования.

Результаты проведенного исследования заложенной на этапе планирования взаимосвязи между показателями инновационного развития рассматриваемых компаний за плановый период позволяют сделать вывод о том, что планируемые ориентиры инновационной деятельности, характеризующиеся показателем «Доля инновационной продукции в общем объеме продаж», слабо взаимосвязаны с остальными показателями инновационной деятельности. Во многом это может быть обусловлено тем, что ранее выявленные нами реально сложившиеся взаимосвязи между показателями инновационной деятельности не учитываются компаниями в ходе разработки программ инновационного развития на ближайшую перспективу, что отражает необходимость совершенствования системы согласования и координации инновационной деятельности между различными этапами ее жизненного цикла.

Для дальнейшего исследования причин выявленных расхождений между взаимосвязью показателей в фактическом и плановом периодах нами разработана матрица определения проблемных ситуаций при планировании

Распределение исследуемых компаний с государственным участием и государственных корпораций по квадрантам матрицы определения проблемных ситуаций при планировании развития инновационной деятельности

Номер квадранта	Кол-во компаний
I	3
II	6
III	1
IV	1

развития инновационной деятельности, представленная на рисунке 1.

Возможные проблемные ситуации при планировании развития инновационной деятельности компании объединены в четыре группы и представлены в соответствующих квадрантах матрицы. Наиболее благоприятная ситуация характеризуется сохранением выявленных взаимосвязей между показателями в фактическом и плановом периодах при неизменности сложившихся приоритетов стратегического развития (I квадрант). В этом случае компании необходимо поддерживать выявленные взаимосвязи между показателями в ходе реализации программы инновационного развития на основе регулярного мониторинга результатов инновационной деятельности на всех этапах разработки, внедрения и коммерциализации инноваций.

Во II квадранте описана ситуация, когда при сохранении сложившихся приоритетов стратегического развития взаимосвязь между показателями, выявленная в фактическом периоде, четко прослеживается, а в плановом периоде она нарушается. Такая ситуация может отражать невысокую эффективность планирования развития инновационной деятельности в компании. Именно поэтому менеджменту компании целесообразно обратить особое внимание на причины отклонения запланированной траектории развития компании от выявленных ранее тенденций.

Следующая проблемная ситуация представлена в квадранте III. Она отличается отсутствием выявленных ранее взаимосвязей между показателями в плановом периоде, что также характеризует отклонение компании от выявленных тенденций развития. Однако, в отличие от предыдущих квадрантов, произошло изменение стратегических приоритетов компании. Поэтому в складывающейся ситуации недостаточно опираться только на предыдущий опыт планирования инновационной деятельности и трактовать эту ситуацию без привлечения дополнительной информации о причинах произошедших изменений. В этом случае необходимо оценить, какие из сложившихся ранее взаимосвязей между показателями инновационной деятельности должны быть сохранены,

а какие пересмотрены с учетом изменившихся приоритетов стратегического развития.

Четвертая проблемная ситуация, представленная в соответствующем квадранте, передает изменения приоритетов стратегического развития компании. Однако в плановом периоде сохраняются выявленные ранее реальные взаимосвязи между показателями инновационной деятельности. В этом случае сохранение сложившихся взаимосвязей в плановом периоде может рассматриваться как не соответствующие изменившейся стратегии компании и сдерживающие ее развитие. Все это требует проведения дальнейших исследований с целью более глубокого понимания происходящих процессов при изменении системы стратегических приоритетов компании.

По итогам анализа 11 исследуемых компаний с использованием разработанной нами матрицы определения проблемных ситуаций при планировании развития инновационной деятельности нами получено их распределение по различным квадрантам, отраженное в таблице 2.

Чаще всего в исследуемых компаниях встречается проблемная ситуация, описываемая в квадранте II, которая, как ранее указано, характеризует невысокую эффективность планирования развития инновационной деятельности. Все это позволяет сделать вывод о том, что при планировании развития инновационной деятельности в полной мере не учитывается характер реально сложившихся ранее взаимосвязей между показателями, характеризующими различные аспекты инновационного развития на стадиях жизненного цикла инноваций. Проведенное исследование подтвердило формальный подход к определению планируемых значений рассмотренных нами показателей, не предполагающий учета реально складывающихся между ними связей, что нашло отражение в разработанных корпорациями программах инновационного развития до 2020 г. Учет реально сложившихся взаимосвязей при прогнозировании целевых значений ключевых показателей инновационного развития предприятий представляется возможным на основе применения методов и инструментов динамического моделирования.

Литература

1. Активизация энергосбережения и повышения энергоэффективности в условиях инновационной модернизации российской экономики / под ред. А. Н. Мельника. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 268 с.
2. Ермолаев К. А., Кузьмин М. С. Зарубежный опыт гармонизации законодательства в сферах инновационной деятельности и энергосбережения на примере стран Восточной Азии // Экономический форум «Экономика в меняющемся мире»: сб. науч. ст. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 275–277.
3. Протокол заседания Межведомственной рабочей группы по реализации приоритетов инновационного развития президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России от 13 мая 2016 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: rosim.ru/Attachment.aspx?Id=61884 (дата обращения: 25.12.2019).
4. Мельник А. Н., Ермолаев К. А. Концептуальная модель формирования механизма активизации энергосбережения и повышения энергоэффективности российской экономики // Экономика и управление. 2016. № 12 (134). С. 70–76.
5. Рекомендации по разработке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций и федеральных государственных унитарных предприятий [Электронный ресурс]: решение Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 3 августа 2010 г. (протокол № 4). URL: <https://rulaws.ru/acts/Rekomendatsii-po-razrabotke-programm-innovatsionnogo-razvitiya-aksionernyh-obschestv-s-gosudarstvennym-uch/> (дата обращения: 25.12.2019).
6. Информация о результатах оценки программ инновационного развития компаний с государственным участием [Электронный ресурс]: утв. Межведомственной рабочей группой по реализации приоритетов инновационного развития президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России 14 апреля 2017 г. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/2017160506> (дата обращения: 25.12.2019).
7. Мельник А. Н., Лукишина Л. В. Методические основы оценки экономической эффективности использования энергетических ресурсов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). С. 43–49.
8. Ермолаев К. А., Кузьмин М. С. Инструментальная поддержка интеграции процессов повышения энергоэффективности и инновационного развития в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. В 5 т. Т. 3. М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 2017. С. 19–21.
9. Рекомендации по ключевому показателю эффективности инновационной деятельности, включаемому в долгосрочные программы развития и системы ключевых показателей эффективности, применяемых для мотивации менеджмента госкомпаний [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/20150703467> (дата обращения: 25.12.2019).
10. Гершман М. А. Программы инновационного развития компаний с государственным участием: промежуточные итоги и приоритеты. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015. 128 с.

References

1. Mel'nik A. N., ed. Intensification of energy conservation and energy efficiency in the context of innovative modernization of the Russian economy. Kazan: Kazan Univ. Publ.; 2017. 268 p. (In Russ.).
2. Ermolaev K. A., Kuz'min M. S. Foreign experience in harmonizing legislation in the fields of innovation and energy conservation by the example of East Asian countries. In: Economic forum "Economics in a changing world": Coll. sci. pap. Kazan: Kazan Univ. Publ.; 2017:275-277. (In Russ.).
3. Protocol of the meeting of the Interdepartmental working group on the implementation of priorities for innovative development of the presidium of the Presidential Council on modernization of the economy and innovative development of Russia No. 13 dated May 13, 2016. URL: rosim.ru/Attachment.aspx?Id=61884 (accessed on 25.12.2019). (In Russ.).
4. Mel'nik A. N., Ermolaev K. A. A conceptual model for the formation of a mechanism for enhancing energy conservation and improving energy efficiency in the Russian economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(12):70-76. (In Russ.).
5. Recommendations on the development of innovative development programs for joint-stock companies with state participation, state corporations and federal state unitary enterprises. Decision of the Government commission on high technologies and innovations of August 3, 2010 (Minutes No. 4). URL: <https://rulaws.ru/acts/Rekomendatsii-po-razrabotke-programm-innovatsionnogo-razvitiya-aksionernyh-obschestv-s-gosudarstvennym-uch/> (accessed on 25.12.2019). (In Russ.).
6. Information on the results of the evaluation of innovative development programs of companies with state participation. Approved by the Interdepartmental working group on the implementation of priorities for innovative development of the Presidium of the Presidential Council on modernization of the economy and innovative development of Russia on April 14, 2017. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/2017160506> (accessed on 25.12.2019). (In Russ.).

7. Mel'nik A. N., Lukishina L. V. Methodological framework for assessing the economic efficiency of energy resources use. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika = Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Economics. Computer Science*. 2010;(1):43-49. (In Russ.).
8. Ermolaev K. A., Kuz'min M. S. Instrumental support for the integration of energy efficiency and innovative development processes in the digital economy. In: Innovative development of the Russian economy. Proc. 10th Int. sci.-pract. conf. (in 5 vols.). Vol. 3. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2017:19-21. (In Russ.).
9. Recommendations on a key indicator of the effectiveness of innovation, included in long-term development programs and systems of key performance indicators used to motivate management of state-owned companies. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depIno/20150703467> (accessed on 25.12.2019). (In Russ.).
10. Gershman M. A. Innovative development programs of companies with state participation: Interim results and priorities. Moscow: NRU HSE; 2015. 128 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Кузьмин Михаил Сергеевич

ассистент кафедры инноваций и инвестиций

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Казань, Кремлевская ул., д. 18, Россия

(✉) e-mail: m-kuzmin@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2020

Подписана в печать 14.02.2020

Author information

Mikhail S. Kuz'min

Assistant to the Chair of Innovation and Investment

Kazan Federal University

18 Kremlevskaya Str., Kazan', 420008, Russia

(✉) e-mail: m-kuzmin@mail.ru

Received 27.01.2020

Accepted 14.02.2020

Цифровая трансформация банков: опыт Швейцарии

М. А. Гальпер¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено в целях развития теоретико-методической базы проведения цифровой трансформации коммерческих банков и разработки научно-практических рекомендаций для руководства финансово-кредитных организаций по ее реализации.

Цель. Представить теоретическое обоснование и раскрыть сущность цифровой трансформации на основании опыта швейцарских экспертов в области консалтинга финансовых учреждений, сформировать комплексное решение для коммерческих банков по ее проведению в условиях перехода общества к новой парадигме.

Задачи. Уточнить понятийный аппарат, связанный с переходом банковского бизнеса на цифровой формат, и раскрыть практические аспекты проведения цифровой трансформации коммерческих банков.

Методология. С применением системного подхода и общенаучных методов познания в статье показан и обоснован механизм трансформации коммерческих банков под влиянием процессов цифровизации.

Результаты. Уточнены понятия «цифровизация», «автоматизация» и «цифровая трансформация». Даны рекомендации по адаптации банковского бизнеса к современным макроэкономическим условиям, повлекшим изменение предпочтений клиентов традиционных банков и делающим невозможным продолжение функционирования в рамках прежней парадигмы их деятельности.

Выводы. Для создания долгосрочных конкурентных преимуществ коммерческие банки должны опираться на комплексный подход к проведению цифровой трансформации. Швейцарская модель предполагает одновременное воздействие на стратегию банка, организационную структуру и корпоративную культуру. По каждому из данных элементов предложены методические рекомендации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, автоматизация, банковский бизнес, внедрение цифровых технологий в банках, опыт швейцарских банков.

Для цитирования: Гальпер М. А. Цифровая трансформация банков: опыт Швейцарии // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 199–204. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-199-204>

Digital Transformation of Banks: the Swiss Experience

M. A. Galper¹

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

The presented study serves the purpose of developing the theoretical and methodological framework for the digital transformation of commercial banks and the development of scientific and practical recommendations on its implementation for the managers of financial and credit organizations.

Aim. The study aims to provide a theoretical justification and explore the essence of digital transformation based on the experience of Swiss experts in financial consulting, and to develop a comprehensive solution for its implementation by commercial banks in the context of society's transition to a new paradigm.

Tasks. The authors specify the conceptual framework associated with the transition of the banking business to a digital format and examine the practical aspects of the digital transformation of commercial banks.

Methods. This study uses a systems approach and general scientific methods of cognition to show and substantiate the mechanism of transformation of commercial banks under the influence of digitalization processes.

Results. The concepts of digitalization, automation, and digital transformation are specified. Recommendations are given for adapting a banking business to modern macroeconomic conditions, which bring about changes in the preferences of the clients of traditional banks and make it impossible for banks to continue operating within the current paradigm.

Conclusions. Commercial banks should rely on a comprehensive approach to digital transformation to ensure long-term competitive advantages. The Swiss model is premised on simultaneously addressing the bank's strategy, organizational structure, and corporate culture. Methodological recommendations for each of these aspects are provided.

Keywords: digitalization, digital transformation, automation, banking business, implementation of digital technologies in banks, experience of Swiss banks.

For citation: Galper M.A. Digital Transformation of Banks: the Swiss Experience. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 199-204 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-199-204>

Введение

Банк, как и любая компания, находится под влиянием факторов внешней среды, которая сегодня характеризуется высокой волатильностью, неоднозначностью, сложностью и неопределенностью [1]. Ключевым фактором, изменяющим условия работы компании и принципы достижения успеха в современном мире, является цифровизация.

Цифровизация как научное понятие требует особого внимания, поскольку в настоящее время данный термин употребляется в близких, но не совсем тождественных значениях, что придает дополнительную неясность рассматриваемым проблемам, как и любому новому явлению. От науки ждут ответы на актуальные вопросы бизнеса. Однако стремительно развивающиеся технологии требуют перестройки всех сфер экономической и общественной жизни общества, включая культуру и образование, в связи с чем привычные модели изменяются. В частности, для решения комплексных проблем требуется кооперация ученых разных областей, стран, а также подключение практиков с целью формирования единого аргументированного взгляда. Несмотря на это, для руководителей банков ответы необходимы уже сегодня, поскольку они находятся под угрозой выживания, как и многие другие предприятия, успешно существовавшие в рамках прежней парадигмы, но столкнувшиеся в наши дни с неработоспособностью используемых методов и практик. В проведенном исследовании нами предпринята попытка сначала раскрыть понятийный аппарат по данной теме, затем определить ключевую задачу для банков, наметивших изменения в работе с учетом рисков и новых возможностей, и в итоге определить алгоритм ее решения.

Ключевые дефиниции

Понятие «цифровизация» является наиболее широким и в общем виде представляет собой перевод данных из аналогового в цифровой

формат [2]. В аспекте нашего исследования цифровизация — это объективный процесс, который происходит во внешней для компании (банка) среде и требует от руководства переосмысления ее деятельности с точки зрения оценки эффективности использования собственных ресурсов в новых условиях, а также с учетом новых стратегий конкурентов.

Если цифровизация характеризует именно среду и изменения в ней, независимо от реакции банка, то близкое к данному термину понятие «автоматизация» вмещает его действия в ответ на эти изменения. Автоматизация характеризуется как использование цифровых технологий для упрощения управления стандартными процессами¹ компании и повышения вследствие этого эффективности ее деятельности.

Осуществляя автоматизацию, банк начинает изменять организационную структуру в подразделениях, вовлеченных в данные процессы, что подразумевает смену стиля управления и корпоративной культуры. Таким образом, начав автоматизацию процессов, банк вступает на путь цифровой трансформации, которая обеспечивает достижение долгосрочных конкурентных преимуществ и представляет собой не только внедрение цифровых технологий, но и структурное изменение бизнеса.

Цифровая трансформация как задача, стоящая перед многими банками, является следствием глобального перехода к новой парадигме в сфере финансов и требует фундаментального подхода для ее решения. Швейцарские коллеги из Университета прикладных наук Калайдос занимаются проблемой проведения цифровой трансформации в банке с 2010 г. Профессора данного университета Б. Койе и С. Аудж-Дикхут рассматривают ее как адаптацию банка к новым технологиям, дигитализации и вытекающим из этого изменениям в окружающей среде, через воздействие на собственные стратегии, корпоративную культуру и организационную структуру [4, с. 185]. Созданный ими институт финансового образования предоставляет услуги для руководителей

¹ Например, при кредитовании стандартными могут быть признаны те процессы, которые не требуют индивидуального подхода к клиенту [3].

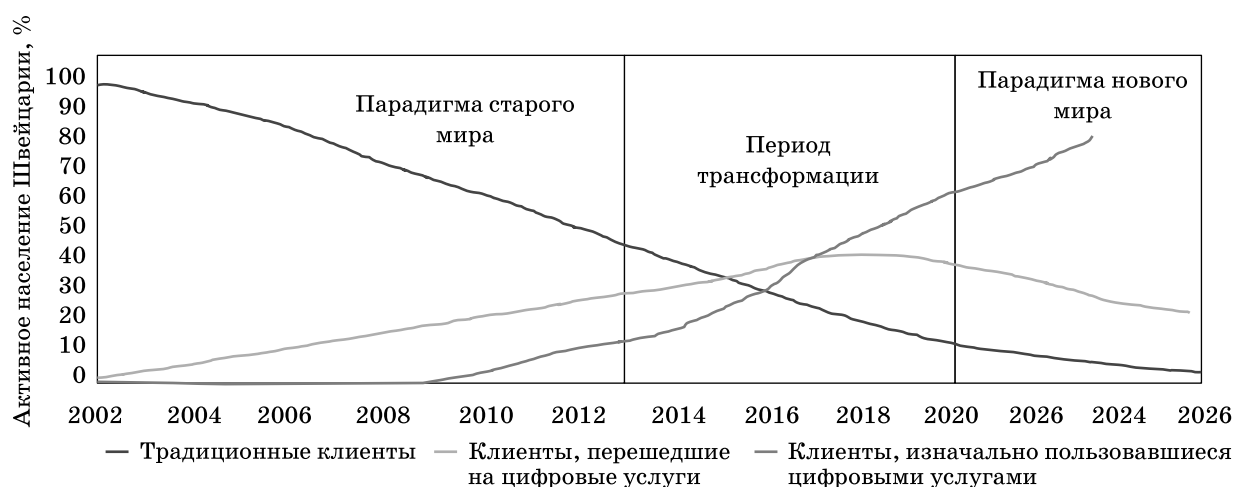


Рис. 1. Группы клиентов в цифровую эпоху

Источник: [4, с. 49, перевод автора].

финансовых компаний с целью передачи им ноу-хау, необходимых для реализации подобных проектов.

Цифровая трансформация: предпосылки

Как определили McKinsey еще в 2016 г., именно при взаимосвязанном и согласованном воздействии на стратегию, структуру и корпоративную культуру банк может достигнуть успеха в современных условиях на устойчивой основе [5]. Тем не менее настройка данных элементов не может являться самоцелью для банка, поставившего задачу выйти в лидеры рынка при условии процессов цифровизации. Позиция, с которой должны рассматриваться проводимые изменения, подразумевает ориентацию на потребности клиента, поскольку именно через его поведение банк чувствует эффект от своей деятельности, оценивает положение на рынке относительно конкурентов и стоимость своего бизнеса. Поэтому именно потребности клиента вмещают в себя изменения той парадигмы, в которой находится финансовый бизнес.

Итак, вся деятельность компании и, соответственно, выстраивание архитектуры банковского бизнеса происходит на современном этапе развития экономики вокруг клиента. Следовательно, при предъявлении клиентами новых требований должен меняться и банк. Швейцарские исследования, результаты которых продемонстрированы на рисунке 1, подтверждают наши слова.

Согласно исследованиям PWC, произведенным в 2016 г. в отношении активного населения Швейцарии, т. е. клиентов для местных компаний, с 2002 до 2013 г. абсолютное большинство составляли традиционные клиенты. С 2013 до 2020 г. большинство клиентов осуществляют переход на цифровые услуги, и,

соответственно, с 2021 г. к нему будут принадлежать те клиенты, которые изначально пользовались цифровыми услугами [4, с. 49].

В связи с этим компании в настоящее время находятся на трансформационном этапе, адаптируясь к изменениям внешней среды и обеспечивая себе долгосрочный успех в будущем.

Процесс проведения цифровой трансформации

Рассмотрим алгоритм проведения цифровой трансформации банка, официально принятого как в сфере образования, так и в бизнес-среде западных стран. Блоки проведения цифровой трансформации включают в себя [6]:

- 1) формирование соответствующего образа мышления и общего понимания необходимых изменений топ-менеджментом;
- 2) расстановку соответствующих лидеров;
- 3) запуск цифрового центра компетенций в сфере цифрового бизнеса;
- 4) формулировку цифровой стратегии в качестве ответа на выявленные возможности и угрозы;
- 5) определение, разработку и получение навыков цифрового бизнеса, выстраивание необходимых ролей;
- 6) создание новых возможностей цифрового бизнеса.

Перечисленные задачи отражают опыт швейцарских экспертов, задействованных в качестве консультантов при проведении цифровой трансформации банков. Ключевыми принципами новой парадигмы становятся ориентация на знания, креативность, в отличие от иерархических позиций, характеризующих предыдущую парадигму финансового бизнеса. Процессы современного банка отличаются гибкостью, что помогает без существенных потерь создавать те продукты, которые оценят

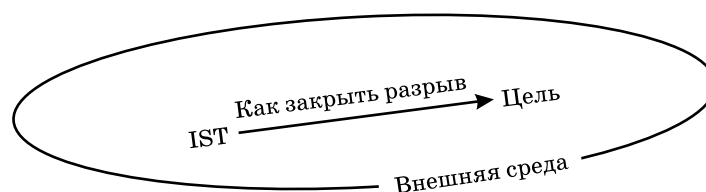


Рис. 2. Сущность стратегии

Источник: [6].

клиенты, а коммуникация «на уровне глаз» приводит к раскрытию креативного потенциала сотрудников банка, повышая эффективность от проделанной ими работы и минимизируя риски убытков вследствие недопонимания при реализации проектов.

Отметим, что неоспорима важность адаптации стратегии, перестройки процессов и реорганизации вовлеченных в них людей. Вместе с тем границы проведения цифровой трансформации все-таки существуют. Например, часто банки, встающие на путь цифровой трансформации, отмечают, что современные методы взаимодействия сотрудников, опирающиеся на гибкость при принятии решений и самоорганизацию, работают на улучшение показателей только локально (например, при создании инновационных продуктов, доработке новых версий приложений и т. п.), поскольку риски от проведения кардинальных изменений при неготовности компании перейти на новый формат работы могут превышать потенциальную выгоду от их внедрения. Итак, при проведении цифровой трансформации в банке необходимо сначала стратегически оценить его состояние на данный момент, а затем выделить конкретную стратегию проведения цифровой трансформации с учетом его индивидуальных особенностей.

Стратегия и бизнес-моделирование

Цифровая трансформация в банке начинается с учета необходимости ее проведения в ходе стратегического анализа. Стратегия показывает основной курс развития бизнеса в соответствии с представлением руководства о том, к чему мы хотим прийти («Цель») и тем состоянием дел, которое происходит сейчас («IST»). Стратегия, таким образом, закрывает гэп (разрыв) между двумя точками, окруженными внешней средой, что видно на рисунке 2.

Классическими компонентами выстраивания стратегии являются [6]:

- определение целей — видение, модель, ключевые показатели;
- анализ внешней среды — внешний анализ рынка, конкурентов, трендов, возможностей и угроз;

- анализ компании — набор специфических ресурсов и компетенций, конкурентные преимущества и слабые стороны;
- стратегический выбор, в частности анализ портфеля — BCG, матрица Ансоффа, 7-S;
- планирование и модель внедрения стратегии;
- контроль над внедрением стратегии.

Для коммерческого банка стратегия развития (точнее, ее шаблон) в соответствии с изложенными выше рекомендациями может выглядеть так, как показано в таблице 1.

Таким образом, приведенный пример демонстрирует, что реакция руководства банка на вызовы внешней среды происходит путем корректировки стратегии его развития, которая должна пересматриваться на постоянной основе.

Помимо классических подходов к стратегии, существуют и современные методики, адаптированные к быстрым изменениям внешней среды и позволяющие проводить преобразования в максимально сжатые сроки. Современным способом, позволяющим на уровне бизнес-стратегии (т. е. на уровне руководителей подразделений, вовлеченных в процесс формирования продуктовой линейки для клиентов с однородными потребностями) повысить эффективность бизнес-процессов с учетом цифровых технологий и инновационных методов управления, служит бизнес-моделирование. Бизнес-моделирование не исключает необходимости проведения полноценного стратегического анализа компании (банка), однако, позволяет получить визуализацию конкретного сегмента бизнеса банка: розничного кредитования, автокредитования, ипотеки и пр.

В качестве примера шаблона бизнес-модели выступает канва бизнес-модели (англ. Business Model CANVAS), выведенная А. Остервальдером и И. Пинье в 2010 г. [7]. Данный шаблон включает в себя восемь основных блоков, которые должны быть заполнены ответственным руководителем или командой по соответствующему направлению бизнеса банка.

1. Сегменты клиентов — группы клиентов, которым банк предоставляет услуги. Предлагается делать акцент на группах клиентов, приносящих максимальную прибыль в целях обеспечения долгосрочного преимущества на рынке.

Пример построения стратегии развития коммерческого банка

Объект анализа	Содержание
Макротренды	Потеря доверия к финансовым посредникам со стороны населения; трансформация ценностей клиентов; изменившиеся предпочтения клиентов в отношении коммуникации; понизившаяся лояльность клиентов; переизбыток информации о клиентах, что затрудняет ее обработку; ужесточившиеся регуляторные требования
Задачи банка	Повысить рентабельность, сократить издержки, улучшить репутацию, усовершенствовать управление рисками, повышать качество продуктов и обслуживания, внедрять структурные инновации, увеличивать мощность программного обеспечения
Стратегия компании	Анализ внешней среды, видение, миссия, ценности руководства и собственников, внешний имидж, стратегические цели и характеристики, план проведения трансформации
Рыночная стратегия	Сегментирование по клиентам, регионам, решениям и технологиям
Маркетинговая стратегия	Формирование ценностного предложения по группам клиентов с однородными потребностями
Спецификация	Проработка механизма продаж, определение продуктов и цен, выявление ресурсов и задействованных сотрудников в обслуживании выделенных групп клиентов

2. Ценностное предложение — услуга, за которую готовы заплатить клиенты для удовлетворения своих потребностей.
3. Каналы — способ коммуникации клиента с банком в целях приобретения его услуг.
4. Отношения с клиентами — характер и частота взаимодействия клиента с банком.
5. Источники дохода — цена, которую клиент платит за предоставляемую услугу.
6. Ключевые ресурсы — персонал с конкретными компетенциями, методы работы и технологии, которые обеспечивают ценностное предложение, приносящее банку доход, и отличают его от конкурентов.
7. Основные виды деятельности — наравне с ресурсами для формирования ценностного предложения банк предпринимает ряд действий, которые также отличают его от конкурентов.
8. Партнеры — в целях закрытия максимального количества потребностей клиентов банки формируют сеть поставщиков и партнеров для создания максимально выгодных предложений клиентам.
9. Структура затрат — для поддержания функционирования банку необходимо вкладывать ресурсы и осуществлять издержки по вышеописанным направлениям.

Если проанализировать бизнес-модели для одинаковых сегментов бизнеса банка до проведения цифровой трансформации и после нее, то можно увидеть основное отличие инновационной бизнес-модели от классической. Современная бизнес-модель включает в себя использование расширенной сети взаимодействия с партнерами (например, сотрудничество с финтех-компаниями, имеющими аналогичный целевой сегмент потребителей), а также расширение каналов доведения продающего предложения до клиента. Помимо

этого, цифровые технологии, такие как Big Data и искусственный интеллект, помогают банку создать уникальные продукты, пользующиеся спросом у выбранной аудитории (на основе анализа программой их предпочтений, исходя из данных социальных сетей и пр. [8]), повышая тем самым лояльность покупателя, и увеличивать прибыль, в том числе за счет сокращения издержек путем автоматизации.

Организационная структура и корпоративная культура

Нами рассмотрен наиболее важный элемент проведения цифровой трансформации в банке — его стратегия. Тем не менее существуют еще два важных аспекта, которые должны учитываться при проведении изменений в компании (банке). Ими являются организационная структура и корпоративная культура. Кратко изложим основные направления нововведений в данных плоскостях.

Поскольку банк использует процессный подход при создании и доработке инновационных продуктов и услуг, рекомендуется сочетать его с такими типами организационной структуры, как проектный, матричный или сетевой, поскольку именно они способствуют более эффективной коммуникации, вовлечению задействованных сторон и раскрытию творческого потенциала сотрудников. Гибкий метод управления проектами (*agile*) дает возможность банку быстро решать комплексные задачи, задействовав креативный потенциал своего персонала в целом, при этом повышая их вовлеченность, что отражается на корпоративной культуре и передается клиенту через общение, атмосферу и имидж данного банка.

Выводы

Итак, для достижения конкурентного преимущества на устойчивой, долгосрочной основе банку необходимо оптимизировать свою деятельность таким образом, чтобы современные технологии, с помощью которых может быть проведена автоматизация процессов, сочетались с корректировкой стратегии, организационной

структуры и корпоративной культуры банка. Только воздействуя на данные компоненты одновременно, банк, согласно мнению швейцарских экспертов, опирающемуся на опыт проведения цифровой трансформации в ряде финансово-кредитных организаций, преобразуется в весомого игрока, аккумулирующего добавленную стоимость в условиях изменчивой, быстрой и нестабильной цифровой среды.

Литература

1. Мир VUCA. Бэкмология [Электронный ресурс] // Becmology.ru. 2016. 10 марта. URL: <http://becmology.blogspot.com/2016/03/vuca.html> (дата обращения: 08.01.2020).
2. Gartner IT Glossary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/it-glossary/> (дата обращения: 08.01.2020).
3. Зенченко С. В., Жаботинская Т. А. Европейская практика процессного управления кредитным риском // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 56–61. DOI: 10.20310/1819-8813-2017-12-5-56-61
4. Auge-Dickhut S., Koye B., Liebertrau A. Customer Value Generation in Banking. The Zurich model of Customer-Centricity. Zurich: Springer, 2016. 209 p.
5. McKinsey On Organization Culture and Change [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Organization/Our%20Insights/McKinsey%20on%20Organization/McKinsey-on-Organization-Culture-and-Change.ashx> (дата обращения: 11.01.2020).
6. Schneebeli K. Technology as Core Driver of Change. Presentation on 2nd Module of Russian-Swiss Joint Program “MBA in Digital Finance”. 2019.
7. Osterwalder A., Pigneur Y. The Business Model Generation: a Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2010. 288 p.
8. Байназаров Н. Волшебная палочка: зачем банкам big data [Электронный ресурс] // Банки.ру. 22 августа. 2017. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9949915> (дата обращения: 11.01.2020).

References

1. VUCA world. Becmology. Becmology.ru. March 10, 2016. URL: <http://becmology.blogspot.com/2016/03/vuca.html> (accessed on 08.01.2020). (In Russ.).
2. Gartner IT glossary. URL: <https://www.gartner.com/it-glossary/> (accessed on 08.01.2020). (In Russ.).
3. Zenchenko S.V., Zhabotinskaya T.A. European practice of process credit risk management. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*. 2017;12(5):56-61. (In Russ.). DOI: 10.20310/1819-8813-2017-12-5-56-61
4. Auge-Dickhut S., Koye B., Liebertrau A. Customer value generation in banking: The Zurich model of customer-centricity. Zurich: Springer; 2016. 209 p.
5. McKinsey on organization: Culture and change. New York: McKinsey & Co., 2016. 44 p. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Business%20Functions/Organization/Our%20Insights/McKinsey%20on%20Organization/McKinsey-on-Organization-Culture-and-Change.ashx> (accessed on 11.01.2020).
6. Schneebeli K. Technology as core driver of change. Presentation on 2nd module of Russian-Swiss joint program “MBA in digital finance”. 2019.
7. Osterwalder A., Pigneur Y. Business model generation: A handbook for visionaries, game changers, and challengers. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons; 2010. 288 p.
8. Bainazarov N. Magic wand: Why banks need big data. Banki.ru. Aug. 22, 2017. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9949915> (accessed on 11.01.2020). (In Russ.).

Сведения об авторе

Гальпер Мария Андреевна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21,
Россия

(✉) e-mail: galper.m@unecon.ru

Поступила в редакцию 25.01.2020

Подписана в печать 10.02.2020

Author information

Mariya A. Galper

Graduate Student

St. Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia

(✉) e-mail: galper.m@unecon.ru

Received 25.01.2020

Accepted 10.02.2020

Концептуальная основа принятия технологий электронной коммерции в организациях развивающихся стран

А. М. Мейрманова¹

¹ Университет Мишкольца, Мишкольца, Венгрия

Исследование направлено на изучение технологий электронной коммерции, новой концептуальной модели «единой теории принятия и использования технологии» в организациях малого и среднего бизнеса (МСБ) развивающихся стран.

Цель. Определить факторы внедрения и принятия электронной коммерции в организациях малого и среднего бизнеса (МСБ) в развивающихся странах.

Задачи. Охарактеризовать эмоциональное отношение индивидуума к использованию технологий с помощью инструментария концепции культурных измерений Г. Хофштеде.

Методология. В различных аспектах рассмотрен метод модели «единой теории принятия и использования технологии» (UTAUT), реализуемый во многих исследованиях поведенческого намерения индивидуума при перенимании новых технологий.

Результаты. Впервые предложена концептуальная (прогнозная) модель, которая базируется на четырех модерирующих переменных. В их числе — параметры культурных измерений, включая дистанцию власти (PDI), индивидуализм/коллективизм (IDV), избегание неопределенности (UAI), долгосрочную/краткосрочную ориентацию (LTO). Эти модераторы способствуют воздействию основных конструкций на поведенческую склонность к использованию технологий и их применение.

Выводы. На основе рассматриваемой концептуальной модели предложен ряд рекомендаций по разработке инструментов обеспечения требующейся активности сотрудников по принятию и использованию технологий электронной коммерции в организациях малого и среднего бизнеса развивающихся стран. Перспективным направлением выступает применение в дальнейшем инструментария концепции культурных измерений Г. Хофштеде для исследования специфики принятия и использования информационных технологий в организациях, принадлежащих к различным национальным деловым культурам.

Ключевые слова: электронная коммерция, единая теория принятия и использования технологии, теория Хофштеде, технологии, организации малого и среднего бизнеса (МСБ).

Для цитирования: Мейрманова А. М. Концептуальная основа принятия технологий электронной коммерции в организациях развивающихся стран // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 2. С. 205–210. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-205-210>

A Conceptual Framework for the Acceptance of E-Commerce Technologies among Organizations in Developing Countries

A. M. Meirmanova¹

¹ University of Miskolc, Miskolc, Hungary

The presented study examines e-commerce technologies a new conceptual framework of the unified theory of acceptance and use of technology among small and medium enterprises (SMEs) in developing countries.

Aim. The study aims to identify factors for the implementation and acceptance of e-commerce among small and medium enterprises (SMEs) in developing countries.

Tasks. The authors utilize tools of G. Hofstede's cultural dimensions theory to describe the emotional attitude of an individual to the use of technology.

Methods. This study examines various aspects of the method of the unified theory of acceptance and use of technology (UTAUT), which is implemented in many studies of behavioral intentions of individuals in the adoption of new technologies.

Results. For the first time, a conceptual (predictive) model based on four moderating variables is proposed. The variables include such cultural dimension parameters as power distance index (PDI), individualism/collectivism (IDV), uncertainty avoidance (UAI), and long-term/short-term orienta-

tion (LTO). These moderators boost the effect of the basic constructs on the behavioral propensity for the use and application of technologies.

Conclusions. Based on the considered conceptual framework, the authors propose a number of recommendations for the development of tools that would ensure the required level of employee engagement in the acceptance and use of e-commerce technologies among small and medium enterprises (SMEs) in developing countries. Another promising direction involves using the tools of G. Hofstede's cultural dimensions theory to examine the specific aspects of the acceptance and use of information technology among organizations belonging to different national business cultures.

Keywords: *e-commerce, unified theory of acceptance and use of technology, Hofstede's theory, technology, small and medium enterprises (SMEs).*

For citation: Meirmanova A.M. A Conceptual Framework for the Acceptance of E-Commerce Technologies among Organizations in Developing Countries. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 205-210 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-205-210>

В настоящее время ввиду масштабных разработок в технологическом секторе появляются новые информационные технологии, облегчающие нашу повседневную жизнь. Их развитие стимулирует создание новых рынков, приводит к спросу на новые товары и услуги, позволяет совершать транзакции удаленно в режиме онлайн, трансформирует традиционную производственно-коммерческую деятельность. Учитывая потенциал интернета, многие компании находят дополнительные и интересные способы расширения своих деловых возможностей, открываются принципиально новые перспективные направления для субъектов экономики — как для продавцов, так и для покупателей. Сегодня электронная коммерция развивается динамично, формируя новый виртуальный канал сбыта, который значительно сокращает чистые торговые издержки.

Понятие «электронная коммерция» часто описывается как покупка и продажа информации, продуктов и услуг с помощью компьютерных технологий и интернета [1]. Данное определение подразумевает бизнес-транзакции, а также транзакции от потребителя к потребителю. Другие общепризнанные модели («потребитель для бизнеса» и «бизнес для потребителя») применимы в качестве размежевания вышеперечисленных категорий.

Российские ученые выдвигают разные определения понятия электронной коммерции. Б. И. Скородумова трактует его как «...любую форму бизнес-процесса, в котором взаимодействие между субъектами происходит электронным образом и сопровождается снабжением ресурсами или физической доставкой продукции» [2]. В. В. Дик, М. Г. Лужецкий и А. Э. Родионов дают определение э-коммерции как «"Е" — это electronic (электронный), в переводе с латинского означает быстрый. "Е" — это economical, в переводе с английского означает экономичный. "Е" — это extended business, означает бизнес без границ. Таким образом, можно полагать, что электронная

коммерция — это быстрый и экономичный вид бизнеса, который не знает границ» [3].

Существует несколько причин, по которым бизнес переходит на электронную коммерцию и дистанцируется от использования традиционных форм торговли. Это — повсеместность и глобальный доступ, общие стандарты, интерактивная сеть, информационная устойчивость, персональный сервис [4]. Принятие электронной коммерции для предприятий малого и среднего бизнеса (МСБ) в мире происходило нелегко (отчасти из-за постоянно изменяющихся информационных систем, потребностей местного и глобального бизнеса в целом) и по-прежнему остается критической областью исследования в сфере информационных систем.

Существует множество исследований, объясняющих принятие электронной коммерции в организациях в разных странах. Исследования в данной области охватывают такие темы, как готовность к технологиям, факторы для внедрения, критические факторы успеха, проблемы, барьеры и решения в сфере электронной коммерции, иные аспекты, влияющие на нее. Большинство же исследований в развитых странах фокусируются на факторах успеха электронной торговли, методах оплаты в учреждениях. Исследования в развивающихся странах по-прежнему сосредоточены на факторах электронной готовности и внедрении электронной торговли.

Хотя исследователи указывают, что электронная коммерция предлагает жизнеспособное и практичное решение проблем в преимущественно изменяющейся среде, доступные исследования, связанные с МСБ в развивающихся странах, свидетельствуют о задержке или провале внедрения электронной коммерции в организациях. Существуют два фактора: воспринимаемая организационная электронная готовность (ВОЭГ) и воспринимаемая электронная готовность к окружающей среде (ВЭГОС), которые определяют принятие и использование электронной коммерции, как видно на рисунке 1.

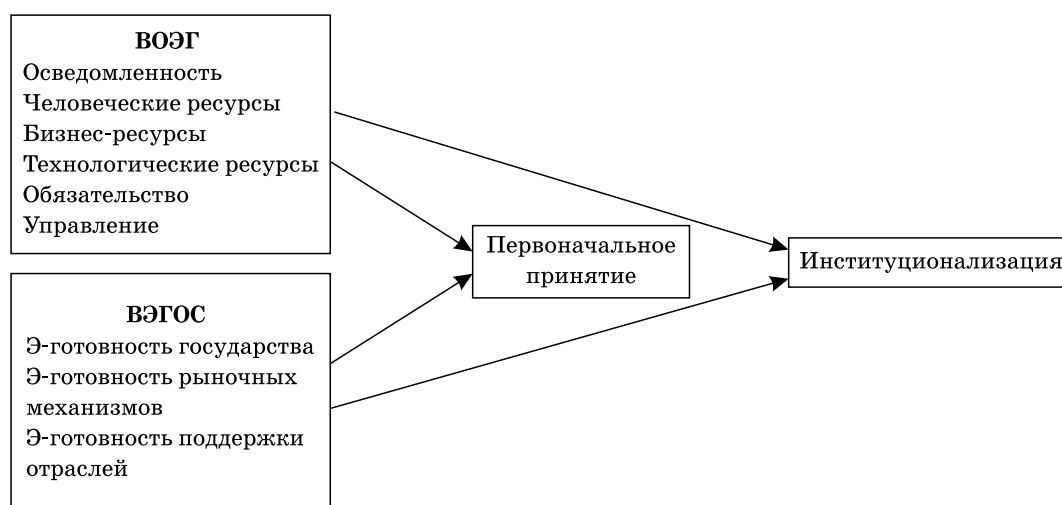


Рис. 1. Модель воспринимаемой электронной готовности для бизнеса в развивающихся странах*

*Источник: [5].

Человеческие ресурсы (квалифицированные ИТ-специалисты), бизнес-ресурсы (финансовые ресурсы для поддержки технологий электронной коммерции), технологические ресурсы (программное и аппаратное обеспечение) являются важными элементами воспринимаемой организационной электронной готовности (ВОЭГ) в содействии первоначальному внедрению и последующей институционализации электронной коммерции. Электронная готовность государства, рыночных механизмов, поддержка отраслей — главные компоненты воспринимаемой электронной готовности к окружающей среде (ВЭГОС), поскольку она может быть индикатором для организаций, чтобы понять, используют ли рынки и другие организации электронную коммерцию.

Представляется необходимым установить статус принятия электронной коммерции в развивающихся странах и определить, какие факторы влияют на принятие электронной коммерции МСБ. Соответственно, данное исследование сосредоточено на определении концептуальной основы в принятии технологий электронной коммерции в МСБ развивающихся стран. Факторы ее принятия могут быть описаны как факторы, мотивирующие или препятствующие внедрению электронной торговли. Процесс, с помощью которого фирма внедряет и принимает технологические инновации, зависит от таких факторов, как индивидуальные аспекты работников (уровень образования, уровень знаний в области информационно-коммуникативных технологий и электронной коммерции, социокультурные проблемы), технологические аспекты (доступность и низкая/высокая скорость интернета, сложность технологии, отсутствие платежных средств), организационные аспекты (вопросы безопасности, доверия и конфиденциальности, финансовые возможности и последствия для

затрат, размер организации, предполагаемые преимущества информационно-коммуникативных технологий) и факторы окружающей среды (государственная поддержка, экономические и политические проблемы, стихийные бедствия, бизнес-культура, макроэкономическая политика) [6].

В модели Торнацкого–Флейшера рассматриваются вышеуказанные факторы, которые влияют на принятие электронной коммерции. Одной из наиболее перспективных моделей подобного рода считается модель «единой теории принятия и использования технологий» — ЕТПИТ (Unified Theory for Acceptance and Use of Technology, UTAUT), обобщающая опыт изучения факторов, воздействующих на активность сотрудников организаций в принятии и использовании новых информационных технологий, в ряде подходов, базирующихся на различных направлениях теории менеджмента.

UTAUT — это модель принятия технологий, предложенная В. Венкатешем и другими исследователями, которая стремится объяснить намерения пользователя и его поведение в дальнейшем при использовании определенной информационной системы. Теория гласит, что существуют четыре ключевые конструкции: 1) ожидаемая эффективность; 2) ожидаемые усилия; 3) социальное влияние; 4) содействующие условия [7]. Переменные пола, возраста, опыта и добровольности применения технологий смягчают ключевые взаимосвязи в модели. UTAUT может охарактеризовать (скорректированный коэффициент детерминации модели равен $R^2 = 0,69$) успешность внедрения новых информационных технологий в организациях, что отражено на рисунке 2.

Вышеизложенная модель обуславливает цель нашего исследования, что находит отражение и в настоящей статье, — создание

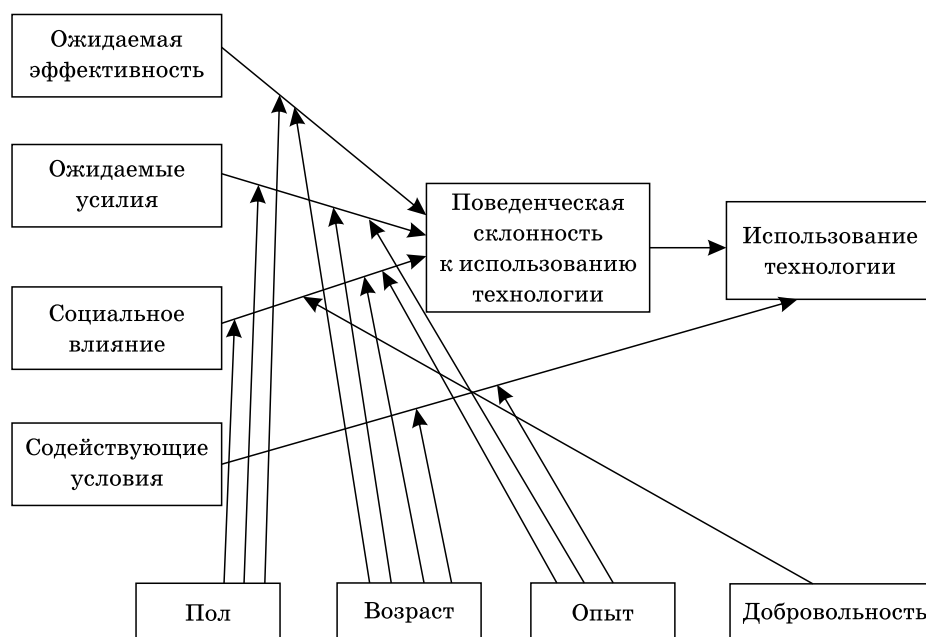


Рис. 2. Модель «единой теории принятия и использования технологии»*

* Источник: [7].

модели принятия технологий, которая может продемонстрировать поведение пользователей в применении технологий и приложений электронной коммерции (приложений электронной коммерции на мобильных устройствах, веб-сайтов электронной торговли и т. д.) в развивающихся странах. Комбинация прочных, различных конструкций из ряда моделей дает лучшие результаты, чем использование одной модели теорий и генерирует более эффективную модель объяснения [8].

Теоретическая основа модели состоит из трех типов переменных, как показано на рисунке 3:

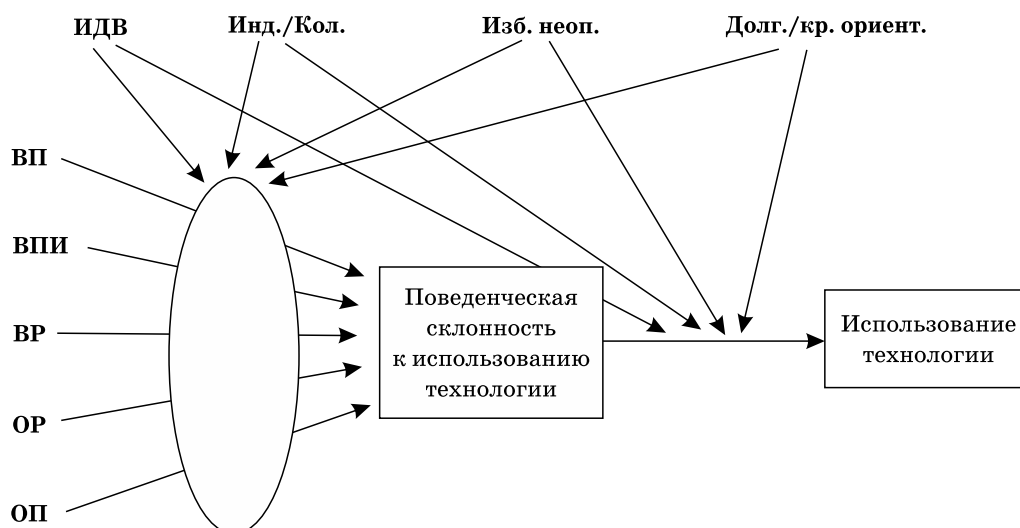
- 1) пять основных конструкций (независимых переменных) — это воспринимаемая полезность (PU), воспринимаемая простота использования (PEOU), воспринимаемый риск (PR), ожидаемые результаты (OE) и относительное преимущество (RA). Эти основные детерминанты влияют на поведенческую склонность к использованию технологий в развивающихся странах;
- 2) двумя зависимыми переменными являются поведенческая склонность к использованию технологий;
- 3) четыре модерирующих переменных: параметры культурных измерений, включая дистанцию власти (PDI), индивидуализм/коллективизм (IDV), избегание неопределенности (UAI), долгосрочную/краткосрочную ориентацию (LTO). Эти модераторы способствуют воздействию основных конструкций на поведенческую склонность к использованию технологий и их применение.

Ниже приводится ряд определений детерминантов вышеуказанной модели: воспринимаемая полезность — это детерминант, который

определяет улучшение производительности труда при использовании новой технологии; воспринимаемая простота использования — это детерминант, который определяет, стоило ли больших усилий освоение новой технологии пользователями. Эти два фактора целесообразно считать наиболее важными конструкциями для характеристики отношения к применению новых технологий.

Воспринимаемый риск — это детерминант, который определяет, испытывает ли потребитель риск, используя новую технологию. Ожидаемые результаты — это субъективные оценки потребителя, которые прогнозируют последствия при использовании новых технологий. Относительное преимущество — это детерминант, который устанавливает степень превосходства и привлекательности продукта для клиентов по сравнению с аналогичными существующими продуктами. В модель принятия и использования новых технологий в развивающихся странах автором включены параметры культурных измерений из теории Хофштеде.

Данная теория представлена в межкультурной психологии, международном менеджменте и межкультурной коммуникации для анализа культур организаций, независимо от того, в какой стране они находятся и в каком более широком культурном контексте они функционируют. В данной модели дистанция власти (PDI) трактуется как «степень, в которой люди не имеющие власти или которые имеют небольшую власть, согласны с тем, что власть в обществе распределена неравномерно». Индивидуализм/коллективизм (IDV) характеризуется как «степень, в которой граждане



Примечание: ВП — воспринимаемая полезность, ВПИ — воспринимаемая простота использования, ВР — воспринимаемый риск, ОР — ожидаемые результаты, ОП — относительное преимущество, ИДВ — индекс дистанции власти, Инд./Кол. — индивидуализм/коллективизм, Изб. неоп. — избегание неопределенности, Долг./кр. ориент. — долгосрочная/краткосрочная ориентация

Рис. 3. Концептуальная модель принятия технологий электронной коммерции в организациях развивающихся стран

данной страны или сотрудники организации предпочитают действовать независимо, а не как члены определенной группы», а избегание неопределенности (UAI) — как «степень, в которой люди предпочитают действовать независимо, заботясь о себе и о своих близких».

Хофштеде определил долгосрочную ориентацию (ЛТО) как «мир находится в движении, и всегда необходима подготовка к будущему». Противоположностью является краткосрочная ориентация, которая определяется как «воспитание в людях добродетелей, связанных с прошлым и настоящим, в частности, уважение традиций, сохранение «лица» и выполнение социальных обязательств». Характеристики культурного контекста не только определяют основные ценности, поведение отдельных лиц и всего общества, но и культуру в целом, ко-

торая влияет на процесс принятия решений индивидом в использовании новых технологий [9]. Данная бизнес-модель поможет в изучении внедрения новых технологий в организациях развивающихся стран, учитывая культурные особенности общества и персональных отношений индивидов к использованию новых технологий.

Хотя многие МСБ в развивающихся странах согласны с тем, что электронная коммерция важна для них, но еще отстают во внедрении новых технологий и приложений. МСБ должны понимать новую бизнес-модель электронной коммерции, что преимущества электронной коммерции перевесят затраты. Задача состоит в том, чтобы повысить конкурентоспособность МСБ и пожинать выгоды от увеличения оборота и торговли.

Литература

1. Карев Я. А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. М.: Статут, 2006. 320 с.
2. Скородумова Б. И. Стратегия информационной безопасности в Интернете // Информатизация правоохранительных систем: X Междунар. науч. конф. М.: Академия управления МВД России, 2001. С. 72–76.
3. Дик В. В., Лужецкий М. Г., Родионов А. Э. Электронная коммерция. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2005. 376 с.
4. Laudon K. C., Traver C. G. E-commerce: Business, technology, society. Boston: Pearson/Addison-Wesley, 2004. 949 p.
5. Molla A., Licker P. S. Perceived e-readiness factors in e-commerce adoption: An empirical investigation in a developing country // International Journal of Electronic Commerce. 2005. Vol. 10. No. 1. P. 83–110. DOI: 10.1080/10864415.2005.11043963
6. Oliveira T., Martins M. F. Literature review of information technology adoption models at firm level // The Electronic Journal of Information Systems Evaluation. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 110–121.
7. Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. User acceptance of information technology: Toward a unified view // MIS Quarterly. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 425–478. DOI: 10.2307/30036540

8. Han S. Individual adoption of information systems in organizations: A literature review of technology acceptance model // TUCS Technical Report. 2003. No. 540.
9. Taylor S., Todd P. Assessing IT usage: The role of prior experience // MIS Quarterly. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 561–570. DOI: 10.2307/249633

References

1. Karev Ya. A. Electronic documents and messages in commercial circulation: Legal regulation. Moscow: Statut; 2006. 320 p. (In Russ.).
2. Skorodumova B. I. The strategy of Internet information security. In: Informatization of law enforcement systems. Proc. 10th Int. sci. conf. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2001:72-76. (In Russ.).
3. Dik V. V., Luzhetskii M. G., Rodionov A. E. E-commerce. Moscow: Moscow Finance and Industry Academy; 2005. 376 p. (In Russ.).
4. Laudon K. C., Traver C. G. E-commerce: Business, technology, society. Boston: Pearson/Addison-Wesley; 2004. 949 p.
5. Molla A., Licker P. S. Perceived e-readiness factors in e-commerce adoption: An empirical investigation in a developing country. *International Journal of Electronic Commerce*. 2005;10(1):83-110. DOI: 10.1080/10864415.2005.11043963
6. Oliveira T., Martins M.F. Literature review of information technology adoption models at firm level. *The Electronic Journal of Information Systems Evaluation*. 2011;14(1):110-121.
7. Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D. User acceptance of information technology: Toward a unified view. *MIS Quarterly*. 2003;27(3):425-478. DOI: 10.2307/30036540
8. Han S. Individual adoption of information systems in organizations: A literature review of technology acceptance model. TUCS Technical Report. 2003;(540).
9. Taylor S., Todd P. Assessing IT usage: The role of prior experience. *MIS Quarterly*. 1995;19(4):561-570. DOI: 10.2307/249633

Сведения об авторе

Мейрманова Айгуль Махмутовна

PhD студент

Университет Мишкольц

3515, Мишкольц, Едьетемварош, Е/1, Венгрия

(✉) e-mail: aygulmeyr@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2020

Подписана в печать 25.02.2020

Author information

Aigul M. Meirmanova

Ph.D. Student

University of Miskolc

Miskolc-Egyetemváros, 3515, Hungary

(✉) e-mail: aygulmeyr@mail.ru

Received 03.02.2020

Accepted 25.02.2020

Устойчивое финансирование инноваций как инструмент развития хозяйственной системы

К. А. Прийма¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассмотрены проблемы государственного и частного финансирования инновационной сферы национальной хозяйственной системы. На основе анализа зарубежного опыта предлагается формирование в российской хозяйственной системе федерального и региональных инновационных фондов, базирующихся на механизме государственно-частного партнерства.

Цель. Обосновать направления программы государственно-частного финансирования национальной инновационной системы.

Задачи. Рассмотреть действующий механизм финансирования инновационной сферы с позиций развития национальной хозяйственной системы; исследовать зарубежный опыт финансирования инновационного развития хозяйственной системы государством; изучить подходы к решению проблемы государственного финансирования инноваций в России; обосновать внедрение в национальную хозяйственную систему инновационных фондов, сформированных на принципах государственно-частного партнерства.

Методология. При проведении исследования использованы методы институционального и структурного анализа; при формулировании предложений и обосновании внедрения в инновационную государственную политику инновационных фондов применен системный подход.

Результаты. В процессе анализа механизма финансирования государственной инновационной политики национальной хозяйственной системы, а также с учетом опыта развитых инновационных экономик мира обосновано внедрение вида инновационных фондов, особенностью которых явилось бы их формирование на принципах государственно-частного партнерства, а их деятельность была бы направлена в первую очередь на финансовую поддержку корпоративного сектора национальной хозяйственной системы в области инновационных технологий.

Выводы. С целью создания в России эффективной модели финансирования инновационного развития национальной хозяйственной системы обоснована необходимость формирования системы федерального и региональных инновационных фондов на основе механизма государственно-частного партнерства. Их функцией станет аккумулирование финансовых средств и их распределение в рамках отдельных инновационных проектов с четко обозначенными результатами инновационной деятельности. В образованном федеральном инновационном фонде возможно предусмотреть дифференциацию деятельности по наиболее важным направлениям или критическим технологиям, что обеспечит более высокие позиции России в глобальной конкурентной борьбе. Задача региональных фондов заключается в обеспечении технологического развития, способствующего повышению конкурентоспособности региона на национальном уровне (с учетом региональной специализации и развития массового инновационного предпринимательства). В сочетании с применением такого рыночного инструмента, как предоставление финансовых гарантий по инвестициям в инновации, это обеспечит положительную динамику в инновационном развитии национальной хозяйственной системы в целом.

Ключевые слова: хозяйственная система, институты, инновации, национальная инновационная система, финансирование, инновационные фонды, государственно-частное партнерство.

Для цитирования: Прийма К. А. Устойчивое финансирование инноваций как инструмент развития хозяйственной системы // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 211–216. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-211-216>

Sustainable Innovation Funding as a Tool for Developing the Economic System

К. А. Priyma¹

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

The presented study examines the problems of public and private funding in the innovation domain of the national economic system. Based on the analysis of foreign experience, the authors propose creating federal and regional innovation funds within the Russian economic system driven by public-private partnership.

Aim. The study aims to substantiate potential directions for the program of public-private funding of the national innovation system.

Tasks. The authors examine the existing mechanism of innovation funding from the perspective of development of the national economic system; analyze the foreign experience of public funding of innovation-driven development of the economic system; examine approaches to solving the problem of public innovation funding in Russia; substantiate the implementation of innovation funds based on the principles of public-private partnership into the national economic system.

Methods. This study uses the methods of institutional and structural analysis and the systems approach to formulate proposals and substantiate the implementation of innovation funds into the national innovation policy.

Results. Based on the analysis of the funding mechanism of the national innovation policy within the national economic system, and considering the experience of the world's developed innovation-driven economies, the authors substantiate the implementation of innovation funds based on the principles of public-private partnership and aimed primarily at providing financial support for the corporate sector of the national economic system in the field of innovative technologies.

Conclusions. With a view to create an efficient funding model for the innovative development of the national economic system in Russia, the study substantiates the need to establish a system of federal and regional innovation funds based on public-private partnership. Their functions would include accumulation of funds and their allocation among individual innovation projects with clearly defined results. The activity of the established federal innovation fund can be differentiated to cover the most important directions and critical technologies, thus improving Russia's position in the global competition. The purpose of regional funds is to ensure technological development that would enhance the competitiveness of regions at the national level (with allowance for regional specialization and development of mass innovative entrepreneurship). Combined with the use of such market tools as providing financial guarantees on investments in innovation, this will ensure positive dynamics of innovative development of the national economic system as a whole.

Keywords: *economic system, institutions, innovation, national innovation system, funding, innovation funds, public-private partnership.*

For citation: Priyma K.A. Sustainable Innovation Funding as a Tool for Developing the Economic System. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2): 211-216 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-211-216>

Любая национальная хозяйственная система на любом из этапов ее развития всегда содержит инновационное ядро, включающее в себя системообразующие инновационные процессы, трансформирующиеся в соответствии с новыми технологическими укладами, их организацию и формы управления. В свою очередь, инновационная трансформация и модернизация национальной хозяйственной системы сопряжена с формированием связей, направленных на создание качественно новых, инновационных интересов, а реализация этих инновационных интересов будет являться результатом взаимодействия всех элементов хозяйственной системы. Именно эти особенности обуславливают развитие национальной хозяйственной системы с формированием инновационного типа экономики. Создание между всеми институтами хозяйственной системы эффективных взаимосвязей, основанных на инновационной составляющей, сформирует в России качественно новую структуру инновационной экономики.

Создание в России новой, инновационной экономики, в первую очередь, должно быть основано на установлении тесного взаимодействия между каждым из элементов хозяйственной системы, а также на актуализации и упорядочении связи между ними как во времени, так и в пространстве [1, с. 11]. В данном процессе должны быть сформированы и

соблюдаться принципы скоординированности, связности и упорядоченности системы в целом, что ведет к ее организованности, снижению неопределенности (энтропии) и поступательному инновационному развитию российской хозяйственной системы. Одна из ее ключевых проблем — слабость действующего механизма финансирования государственной инновационной политики, что выражено в недостаточном для устойчивого роста экономики объеме инновационных расходов, несбалансированной структуре источников финансирования инновационного развития реального сектора экономики, низкой эффективности применяемых государством методов стимулирования внедрения инноваций в реальный сектор.

В большинстве развитых инновационных экономик мира финансирование инновационного развития государством реализуется при помощи бюджетного механизма. Это подразумевает применение государством ряда методов и способов, направленных на формирование благоприятных условий, способствующих поступательному инновационному развитию [2, с. 81]. Практика развитых стран показывает, что достаточное финансирование инновационной деятельности на первоначальном этапе и эффективное функционирование бюджетного механизма могут спровоцировать мультипликативный инновационный эффект на националь-

ном уровне. По мере возрастающего выпуска в стране инновационной продукции бюджетное финансирование может замедлиться вследствие реструктуризации источников средств, а на первый план выходят средства бизнеса [3, с. 48].

Сравнительно низкая доля производимой и экспортируемой Россией высокотехнологичной инновационной продукции как основного результирующего показателя инновационного развития хозяйственной системы приводит к появлению важной, но не вполне решенной научной и одновременно практической проблемы, связанной с увеличением объемов, оптимизацией структуры и повышением эффективности государственного финансирования инноваций. В итоге отечественный опыт формирования национальной экономической системы инновационного типа позволяет сделать неоднозначные выводы об организации и развитии нашей хозяйственной системы в целом.

Научно-практический интерес к проблеме государственного финансирования инноваций в России логичен, если учесть значительную роль, которую государство играет в предоставлении финансовых ресурсов для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), а также в распределении выделенных средств. В настоящее время в научных кругах данная проблема рассматривается в различных контекстах:

- формирование единого механизма государственной финансовой поддержки инновационного развития, где основным направлением исследования является совершенствование государственного механизма финансовой поддержки инноваций как часть общей системы финансирования инновационного развития хозяйственной системы [4, с. 28–31; 5, с. 127–129];
- совершенствование инструментария государственной финансово-бюджетной политики в инновационной сфере, основанной на прямом государственном финансировании программно-целевым методом (федеральные и региональные целевые программы в сфере инноваций) — при всех преимуществах программно-целевого подхода по ряду организационных и управленческих причин экспертами отмечается незначительный результат его использования [6, с. 30–31; 7, с. 94];
- оптимизация структуры государственного финансирования инновационного развития путем совершенствования территориально-отраслевого управления инновационным развитием. Бюджетная политика в России характеризуется низким уровнем инновационной направленности: доля расходов на НИОКР составляет не более 1,1 % ВВП. С точки зрения ряда экспертов, отсутствует четкая взаимосвязь между финансированием

НИОКР и увеличением объемов промышленного производства, что в некоторой степени тормозит модернизацию и трансформацию национальной хозяйственной системы и в ближайшем будущем не позволит в реальном секторе экономики добиться значительного инновационного прорыва [8, с. 60; 9, с. 47]. При этом отмечается чрезмерная, интенсивная региональная и отраслевая конкуренция, что ведет к проблеме качественного распределения федеральных средств на территории России и по отраслям производства [10, р. 11–12; 11, р. 234].

Таким образом, глубина проблематики государственного финансирования инновационного развития национальной хозяйственной системы и широта ее охвата требуют формирования новых подходов к данной проблеме и методам ее решения, что особенно важно в условиях кризиса и неважно, имеет ли он внутренние причины или спровоцирован внешними воздействиями [12, с. 28] (например, экономическими санкциями).

Роль государства в финансировании инноваций в каждой стране зависит не только от уровня развития хозяйственной системы, но и от направления развития инноваций, а что особенно важно, от собственных стимулов и мотивов формирования инновационной экономики. Например, для США ключевым стимулом инновационного развития можно считать глобальную экономическую и военно-политическую гегемонию в мировой экономике и политике, для Китая — устойчивый высокий экономический рост и торгово-экономическое лидерство на мировой арене, для Европейского союза — повышение качества жизни и социальная стабильность, для Сингапура и Южной Кореи — повышение международной конкурентоспособности производимых товаров, для Индии, Бразилии, Малайзии — достижение внутренней стабильности и преодоление бедности внутри страны [13, с. 14].

При этом существуют тенденции, общие практически для всех хозяйственных систем. К примеру, России присущ приоритет развития инноваций как основного направления государственной экономической политики. В США при существенном сокращении государственного финансирования отдельных социальных секторов и гражданских отраслей экономики несколько возросло и в полном объеме профинансировано наиболее инновационное ведомство США — Национальное управление по авионавтике и исследованию космического пространства (NASA). Основной потребитель и производитель инноваций в стране — Департамент обороны США — получил рекордный не только для США, но и для всего мира бюджет в размере 718 млрд долл. Для Китая

инновации являются главной движущей силой экономического развития, в связи с чем перед китайскими учеными была поставлена задача превратить страну в один из крупнейших мировых научных центров, а перед военными — сделать китайские вооруженные силы в плане вооружения одними из сильнейших в мире. В целом объемы государственных бюджетных расходов на НИОКР практически во всех развитых странах значительны, а в некоторых из них (например, в Южной Корее и Израиле) инновационные расходы превышают 4 % ВВП [3, с. 50].

Основной источник финансирования НИОКР в России — государственный бюджет, осуществляющий прямую поддержку развития инноваций в стране. При этом в соотношении бюджетных и небюджетных (частных) средств долгие годы сохраняется пропорция 2:1. В развитых же хозяйственных системах такие пропорции имеют обратное соотношение: например, в Японии соотношение составляет 1:6, в КНР — 1:4, в США, Германии, Южной Корее — 1:3 [3, с. 50]. В сравнении с инновационными экономиками развитых стран Россия обладает низким уровнем инновационной активности частного сектора. Кроме того, в ходе проведенного анализа установлено, что существенная часть бюджетных средств, выделяемых на инновационное развитие, направляется частному бизнесу на поддержку его исследовательской (инновационной) деятельности. В связи с этим возникает диспропорция в организации комплексного финансирования инновационной деятельности в российской экономике.

Одной из ключевых причин низкого уровня участия частного сектора в финансировании инноваций экспертами признана экономическая неэффективность данных вложений: большая часть отечественных инновационных продуктов фактически неконкурентоспособна не только на мировых, но и на национальных рынках. Потребитель в большинстве случаев приобретает иностранные аналоги, даже если отечественный продукт не уступает в соотношении «цена-качество». Поэтому инновационная активность отечественных частных предприятий не превышает, как правило, 10 %, что в большей мере соответствует не инновационному, а индустриальному пути развития национальной экономической системы [3, с. 52].

Развитие отечественной науки в целом происходит как развитие государственной науки. Причина этого состоит в практически полном государственном финансировании. Помимо государства поддержку отечественным НИОКР в настоящее время оказывают также государственные компании или «полугосударственные» (в акционерном капитале которых доля

государства существенна) корпорации, реализующие отдельные программы инновационного развития, в большей степени направленные на обновление устаревших основных фондов.

Таким образом, сложившаяся в России структура финансирования инноваций в купе с замедлением темпов этого финансирования не только не способствует достижению сформулированных государственными органами власти стратегических целей инновационного развития, но и делает невозможным создание в стране эффективной хозяйственной системы, восприимчивой к инновациям. С одной стороны, доминирование государства в финансовом обеспечении инновационного развития позволяет смещать хозяйственную систему в сторону большей плановости, но с другой — данная тенденция ведет к бюрократизации всего процесса финансирования инноваций, рассеиванию финансовых средств и хронической их нехватке. С целью формирования эффективной системы финансирования инновационного развития экономики России на всех уровнях в настоящее время активно обсуждается перспектива создания вида инновационных фондов, особенностью которых явилось бы их формирование: не прямое следствие аккумуляции государственных бюджетных средств, а взаимодействие государства и бизнеса, особый вид государственно-частного партнерства, в первую очередь ориентированный на финансовую поддержку корпоративного сектора экономики в области инновационных технологий [14, с. 29–31].

Потенциально сформированная система федерального и региональных инновационных фондов как отдельная институциональная единица в инновационном развитии хозяйственной системы должна стать своего рода материальной, финансовой основой для организации и управления инновационным процессом в хозяйственных субъектах — организациях и на предприятиях реального сектора экономики. Акцент в формировании данных инновационных фондов, по нашему мнению, должен быть сделан прежде всего на региональные механизмы развития инноваций. Первые шаги в направлении к этому процессу в России уже положены, и в ряде регионов такие фонды уже созданы.

Ключевой функцией инновационных фондов будет аккумуляция финансовых средств и их распределение в рамках отдельных стартапов, инновационных проектов с четко обозначенными результатами инновационной научно-технической деятельности. По нашему мнению, средства инновационных фондов должны формироваться по следующему принципу:

- 50 % — государственное бюджетное финансирование (для федерального инновацион-

ного фонда таким источником должен стать федеральный бюджет, а для региональных инновационных фондов — региональные бюджеты);

- 50 % — средства частного бизнеса, причем одним из источников формирования фондов должны стать отчисления определенной части прибыли инновационных предприятий, освобождаемые от уплаты налогов (соответственно, для федерального инновационного фонда — от крупных межрегиональных корпораций, для региональных инновационных фондов — средства предприятий малого и среднего бизнеса).

При накоплении в фондах достаточных финансовых средств хозяйствующие субъекты смогут использовать их для финансирования инновационных проектов. На наш взгляд, формирование такого рода системы инновационных фондов (федерального и региональных) позволит, хотя и не полностью, но разрешить основную проблему российского частного бизнеса — дефицита финансовых средств для модернизации производственно-технологической базы и мощностей предприятий реального сектора экономики и расширения на базе инновационных технологий отдельных производственных систем. Это будет особенно актуально на региональном уровне, поскольку большая часть (особенно малых и средних) хозяйствующих субъектов физически не могут

накопить финансовые средства для активного инновационного развития.

Итак, с целью создания в России эффективной системы финансирования инновационного развития экономики нами предлагается формирование системы федерального и региональных инновационных фондов на основе механизма государственно-частного партнерства. Их функцией станет аккумуляция финансовых средств и их распределение в рамках отдельных инновационных проектов с четко обозначенными результатами инновационной научно-технической деятельности.

В образованном федеральном инновационном фонде возможно предусмотреть дифференциацию деятельности по наиболее важным направлениям или критическим технологиям, что обеспечит более высокие позиции России в глобальной конкурентной борьбе. Задача региональных фондов заключается в обеспечении технологического развития, способствующего повышению конкурентоспособности региона на национальном уровне (с учетом региональной специализации и развития массового инновационного предпринимательства). В сочетании с применением такого рыночного инструмента, как предоставление финансовых гарантий по инвестициям в инновации, это обеспечит, по нашему мнению, положительную динамику в инновационном развитии российской хозяйственной системы в целом.

Литература

1. Харламов А. В., Харламова Т. Л. Трансформация российской хозяйственной системы: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 4. С. 8–16.
2. Коротина Н. Ю. Бюджетный механизм финансирования и стимулирования инновационного развития экономики страны // Социум и власть. 2013. № 5 (43). С. 80–85.
3. Красова Е. В. Государственное финансирование инноваций в России: динамика и специфика // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 1. С. 47–58. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/047-058
4. Татаркин А. И. Системный подход к модернизации пространственного развития Российской Федерации // Образование и наука. 2012. № 1 (90). С. 26–45.
5. Шевченко И. К., Развадовская Ю. В., Марченко А. А., Ханина А. В. Гармонизация механизмов стратегического развития национальной инновационной системы // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 1. С. 103–129. DOI: 10.18522/2073-6606-2017-15-1-103-129
6. Звягинцев П. С. Государственные и федеральные целевые программы как источник инновационного развития экономики России // Экономические науки. 2013. № 107. С. 26–33.
7. Колчина О. А. Анализ формирования и реализации федеральных целевых программ // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 8 (133). С. 85–94.
8. Казакова Н. А., Наседкина Т. И., Французова И. И. Анализ факторов формирования инновационной модели развития региональной экономики: российский и мировой опыт // Менеджмент в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 56–62.
9. Семенова Н. Н. Оценка бюджетной политики России в контексте концепции неоиндустриальной модернизации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 14 (296). С. 39–48.
10. Ablaev I. Innovation Clusters in the Russian Economy: Economic Essence, Concepts, Approaches // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 24. P. 3–12. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00605-X
11. Glebova I., Kotenkova S. Evaluation of Regional Innovation Potential in Russia // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 14. P. 230–235. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00706-0
12. Харламов А. В. Инструменты стимулирования инновационного развития экономики в условиях кризиса // Экономика и управление. 2009. № 10 (48). С. 26–29.
13. Селезнев П. С. Инновационная политика «незападных» стран в начале XXI столетия: поиск приоритетов модернизации: монография. М.: Финансовый университет, 2013. 160 с.

14. Черных С. И., Букина И. С. Государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: состояние, проблемы, перспективы // Инновации. 2013. № 10 (180). С. 25–31.

References

1. Kharlamov A. V., Kharlamova T. L. Transformation of the Russian economic system: Theoretical and practical aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of South-West State University. Series Economics. Sociology. Management*. 2019;9(4):8-16. (In Russ.).
2. Korotina N. Yu. The budgetary mechanism of financing and stimulating the innovative development of the country's economy. *Sotsium i vlast' = Society and Power*. 2013;(5):80-85. (In Russ.).
3. Krasova E. V. State financing of innovations in Russia: Dynamics and specifics. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2019;11(1):47-59. (In Russ.). DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2019-1/047-058
4. Tatarkin A. I. A systematic approach to the modernization of the spatial development of the Russian Federation. *Obrazovanie i nauka = Education and Science Journal*. 2012;(1):26-45. (In Russ.).
5. Shevchenko I. K., Razvadovskaya Yu. V., Marchenko A. A., Khanina A. V. Harmonization of the mechanisms of strategic development of the national innovation system. *Terra Economicus*. 2017;15(1):103-129. (In Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2017-15-1-103-129
6. Zvyagintsev P. S. State and federal target programs as a source of innovative development of the Russian economy. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2013;(107):26-33. (In Russ.).
7. Kolchina O. A. Analysis of the formation and implementation of federal targeted programs. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki = Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*. 2012;(8):85-94. (In Russ.).
8. Kazakova N. A., Nasedkina T. I., Frantsuzova I. I. Analysis of the factors of formation of an innovative model for the development of a regional economy: Russian and world experience. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad*. 2009;(3):56-62. (In Russ.).
9. Semenova N. N. Assessment of Russia's budget policy in the context of the concept of neo-industrial modernization. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Science and Experience*. 2016;(14):39-48. (In Russ.).
10. Ablaev I. Innovation clusters in the Russian economy: Economic essence, concepts, approaches. *Procedia Economics and Finance*. 2015;24:3-12. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00605-X
11. Glebova I., Kotenkova S. Evaluation of regional innovation potential in Russia. *Procedia Economics and Finance*. 2014;14:230-235. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00706-0
12. Kharlamov A. V. Tools to stimulate the innovative development of the economy in a crisis. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2009;(10):26-29. (In Russ.).
13. Seleznev P. S. Innovation policy of "non-Western" countries at the beginning of the XXI century: The search for priorities for modernization. Moscow: Financial University; 2013. 160 p. (In Russ.).
14. Chernykh S. I., Bukina I. S. State funds to support scientific, scientific-technical and innovative activities: State, problems, prospects. *Innovatsii = Innovations*. 2013;(10):25-31. (In Russ.).

Сведения об авторе

Прийма Ксения Андреевна

ассистент кафедры

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, Россия

(✉) e-mail: ksenia.priyma@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.02.2020

Подписана в печать 19.02.2020

Author information

Kseniya A. Priyma

Assistant to the Chair

St. Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russia

(✉) e-mail: ksenia.priyma@yandex.ru

Received 05.02.2020

Accepted 19.02.2020

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2009 г. РНЖ «Экономика и управление» удостоен высокого звания лауреата всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» в номинации «Лучшее специализированное информационно-аналитическое издание по инновационной тематике».

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не публиковаться ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру.

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и пр., направленных на разрешение проблемы. Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и пр. При необходимости в качестве элементов обоснования приводятся формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:
 - 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны отражаться цель, задачи, методология, результаты, выводы).
 - 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов) разделенные запятой.
 - 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).
2. Оформление статьи
 - 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а.л. (1 а.л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
 - 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф.И.О. (полностью) должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почётное звание (если таковые имеются).
 - 2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.
 - 2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье, должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее число страниц в этом издании.
3. Иллюстративный материал
 - 3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующее им место.
 - 3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует завершивать их в другие программы!
 - 3.3. Остальные иллюстрации также присылать только в исходном формате:
 - отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляются в текст статьи на соответствующее место и дополнительно отправляются отдельными файлами, не вставленными в текст;
 - иллюстрации из сети Интернет вставляются в текст статьи и дополнительно присылаются отдельными файлами в том формате, в котором были скачаны.
 - 3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.
 - 3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статья представляется в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации просьба обращаться в издательство. Адрес электронной почты издательства СПбУТУЭ: izdat-ime@yandex.ru; тел.: (812) 448-82-50.

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on Economics and Management web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

**Please send all the articles printed on A4 paper format together
with electronic version using Microsoft Word.
Both versions should be identical.**

Contact details:
Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Publishing house
of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Tel.:
+7 (812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru